ИЗ БЕЛЫХ МЕМУАРОВ

ЮДЕНИЧ ПОД ПЕТРОГРАДОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ЮДЕНИЧ ПОД ПЕТРОГРАДОМ

ИЗ БЕЛЫХ МЕМУАРОВ

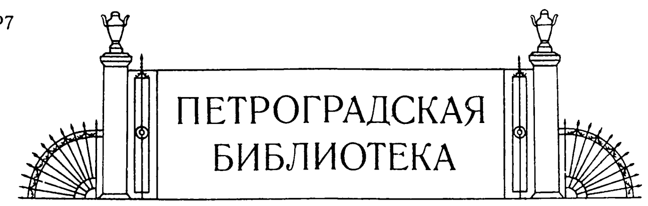
В. Горн, М. С. Маргулиес,
Г. Кирдецов, Н. Н. Иванов

Редакция П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Предисловие Л. КИТАЕВА

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
ЛЕНИНГРАД — 1927

ББК84.Р7
Ю16

Советский писатель Ленинградское отделение 1991

Репринтное издание

СОДЕРЖАНИЕ

ЮДЕНИЧ ПОД ПЕТРОГРАДОМ

Подписано к печати 04.01.91. Формат 70×100[1]/16. Бумага офсетная № 1. Офсетная печать. Тираж 100 000 экз. Зак. № 979. Цена 6 р.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Ю $\frac{4702010201-429}{083(02)-91}$ Без объявл.

ISBN 5-265-02256-2

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

I.

Действующие лица великой исторической драмы — русской революции остаются одни и те же на всем пространстве, охваченном этой революцией. Мы имеем, например, определенный шаблон контр-революционного движения, шаблон, нашедший рельефное и красочное выражение в советском агитационном плакате. Золотопогонный генерал, помещик и банкир, сельский поп и купец-кулак, вот главные персонажи вражеского стана, над которыми занесена карающая десница революции. Как ни далек путь от агитплаката в три краски до социологической конструкции, но все же в конце его, в качестве конечного результата нашего анализа, мы опять найдем то сочетание контр-революционных сил, которое нашло свое выражение и запечатление в плакате. Именно такова была группировка сил по ту сторону баррикады, именно таков и был социальный базис белого движения. Но были же, конечно, и индивидуальные черты у каждого участка гражданской войны. Не говоря уже об основном противопоставлении контр-революции генеральской и демократической, можно найти своеобразные, индивидуальные черты у каждого генерала, давшего свое имя тому или иному периоду, тому или иному эпизоду гражданской войны. За каждым из них было известное своеобразие обстановки, прежде всего географическое, а потому и своеобразие обстановки политической. Колчак и Деникин, возьмем самые крупные имена, представляют собой разносоставные, отнюдь не совпадающие величины. Когда представители Деникина, во главе с правым земцем Червен-Водали, прибыли осенью 19-го года в Омск, они были поражены громоздкостью и разветвленностью правительствен-

ного аппарата. В небольшом городе Западной Сибири были собраны все учреждения, обслуживающие Российскую империю. Все министерства вплоть до морского, судебные установления всевозможного ранга и порядка и т. д. и т. д. Здесь город кишел министрами, товарищами министров, директорами департаментов. И все эти посты заняты были никому неведомыми людьми. Экзотические генералы из туркестанских исправников с литературно-удвоенными фамилиями, вроде Иванова-Ринова, доморощенные финансовые гении, вроде приват-доцента с уголовно-политическим прошлым, Михайлова, дипломаты со звучными фамилиями вроде Сукина — это был целый мир интриг и карьер, великолепный фасад всероссийской власти, так импонировавший представителям Деникинского юга. Колчаковская бюрократия вышла из рядов хищнической и авантюристической по природе кулацкой сибирской интеллигенции. На юге ей противостояли обломки царской бюрократии, остатки правительственного аппарата павшей монархии. В обозе Добрармии следовали бывшие губернаторы и полицмейстеры, губернские и уездные предводители дворянства, околодочные надзиратели и шпики — цвет царских охранных отделений. — Аппарат развертывался постепенно, будучи скорее придатком армии и военных учреждений. Не мудрствуя лукаво, царские сановники копировали приемы и навыки императорской администрации. Здесь не было таких selfmade-man, как в Сибири, но были поседевшие в придворной интриге бюрократы, вроде Кривошеина, генералы русско-японской войны, вроде Лукомского и, наконец, настоящие, прямо взятые из здания у Цепного моста дипломаты, вроде Нератова. Все это было менее пестро, но явственно реакционнее, чем в Сибири.

И, наконец, был еще один фронт. Вспомним осень 19-го года. На востоке за Уральским хребтом Колчак, на юге Деникин, в Архангельске Миллер и англичане и, наконец, на северо-западе у самых ворот революционного Петрограда еще один «из стаи славных» — Юденич.

II.

Это очень пестрое и сумбурное предприятие — этот поход Юденича. В тылу белые правительства окраинных го-

сударств, Эстонии и Финляндии в первую голову, под Ригой немцы-добровольцы, армия Бермонда-Авалова, в Ревеле дирижерская палочка в руках англичан, а впереди голодный и холодный, обороняемый босыми и раздетыми красноармейцами — город революции Петроград. Петроград — здесь начался большевизм, здесь ему должен быть нанесен смертельный удар. Петроград, вот цель похода и стимул борьбы.

Мы знаем и помним борьбу и ее исход. Петроград, окутанный проволокой, с минированными мостами и площадями, выбрасывающий на свои окраины под тревожные звуки заводских гудков отряд за отрядом рабочей молодежи, Петроград, готовый к обороне за городом и в городе, на каждой улице и в каждом доме. Мы знаем героическую часть эпопеи, историю обороны, но мы все еще не знаем достаточно хорошо историю нападения, историю творившуюся по ту сторону революционной баррикады. Наш сборник предлагает читателю несколько документов, исходящих из белого лагеря и помогающих уяснить картину возникновения, развития и конечного разложения движения, возглавленного ген. Юденичем. Колорит Юденической авантюры не тот, или вернее не совсем тот, что у Колчака или Деникина. Прежде всего, здесь чрезвычайно ярко выступает роль интервенции и интервентов в нашей гражданской войне. Все предприятие Юденича создано при ближайшем участии, едва ли не по инициативе англичан. Нигде так цинично, так нагло не вели себя военные и штатские агенты британского империализма. Чего стоит одна история образования северо-западного правительства! Русские «политики» всех мастей и оттенков в приемной английского генерала. 40 минут на образование правительства по списку, оглашенному Маршем. И порывисто-резкий окрик генерала: «Иначе мы будем вас бросать».

Другой момент, крайне характерный для сев.-западной эпопеи — это роль так называемой «демократии». В Сибири эра демократов закончилась переворотом 18 ноября 1918 г. и кровавой декабрьской баней в Омских тюрьмах. У Деникина демократам ходу не дали с самого начала, и Милюков слыл у него опаснейшим радикалом и якобинцем. У Юденича демократы парадировали на первых ролях, с министерскими

портфелями подмышкой. Правда, это все демократы второстепенные, Керенские и Черновы в масштабе Гдовского уезда, но это только лишний раз подчеркивает их гонор и амбицию. И в то же время действительная их роль при Юдениче, при его военной клике не менее бесславна, чем роль эс-эров в Сибири в до-колчаковский период. Сев.-Зап. правительство терпели и здесь до поры, до времени, оно было нужно для того, чтобы наладить отношения с союзниками, для того, чтобы пустить пыль в глаза каким-нибудь финнам и эстонцам. Если что-либо и доказывает кратковременная история Сев.-Зап. правительства, так это именно полную неспособность «демократов» реализовать свою очень скромную, очень урезанную программу. Да и сами демократы не особенно ошибались при оценке своего удельного веса. Хорошо правительство, члены которого боятся угодить на виселицу в случае победы их собственной армии. Чего стоит только обращение Маргулиеса к врачу-знакомцу Клемансо с просьбой предотвратить ужасы белого террора в «освобожденном» Петрограде. Жалкие министры! Жалкие демократы!..

III.

Отрывки, из которых составлен наш сборник, принадлежат четырем разным лицам. Общее между ними то, что они все номинально — по крайней мере — считают себя демократами. На левом фланге В. Л. Горн, представитель давно вымершей породы левых кадетов, почему-то упорно именовавших себя «социал-демократами»-плехановцами. Это очень «невинный» человек, наделенный добродетелями и кругозором учителя провинциальной гимназии. Он написал обширную историю «Гражданской войны в Северо-Западной России». Этот труд производит впечатление добросовестной и достаточно полной хроники событий. Из него сделаны извлечения наиболее ярких, наиболее интересных мест. Пришлось выкинуть политическое резюме, заканчивающее книгу. Оно слишком длинно и размазано. А жаль! Уж очень красочен этот незадачливый «государственный контролер», искренне считающий себя «плехановцем» и печалующийся

вместе с тем о душе русского народа по Достоевскому и о жарких народных молитвах.

Другого калибра человек — М. С. Маргулиес. Человек столичный и светский. Адвокат. Один из защитников по процессу Петроградского Совета Рабочих Депутатов 1905 г. Делец недюжинного размаха. В своих мемуарах, выпущенных под заглавием «Год интервенции», он выступает перед нами в своеобразном обличии политического Фигаро. Он и в Одессе, и в Яссах, и в Париже, и в Нарве. Левый кадет по всему своему складу, он оказался, однако, человеком очень гибкой политической физиономии, не брезгающим соседства с прямо-таки черносотенными элементами. В своем дневнике он развязен, чуть пространен, в меру скептичен и не в меру самодоволен. Но обстановка белого тыла схвачена у него моментами очень ярко. Мы дали извлечения из III книги его «Года интервенции».

Остаются еще двое. Г. Л. Кирдецов — кадет, журналист из «Речи» и «Современного Слова»; мы воспользовались его книгой «У ворот Петрограда». Необходимо упомянуть, что Кирдецов впоследствии выступил за границей одним из видных литературных представителей «сменовеховского» движения. Что касается Н. Н. Иванова, то читатель найдет и у Горна и Маргулиеса достаточно нелестных отзывов о «министре общественных работ» Северо-Западного правительства. Очевидно, он и в самом деле авантюрист и жулик первой марки. Поэтому его мемуарами пришлось воспользоваться с большой осторожностью. В прошлом Н. Н. Иванов незаметный помощник присяжного поверенного в Петрограде, выплывший впервые в 1918 году.

IV.

Воля русского рабочего класса определила исход борьбы за Петроград. Напрасно собирался Маргулиес тревожить знакомцев Клемансо, и не челяди антантовских министров обязан Петроград тем, что его улицы не запятнали виселицы Юденических палачей. Сколько предотвращений крови, предотвращенных бедствий! И, читая мемуары бывших людей из Северо-Западного правительства, мы с благодарностью вспоминаем бойцов, оборонявших и оборо-

нивших Петроград, вождей и солдат революционной армии. Ну, а авторы наших мемуаров? Рано или поздно все они осознали свою неудачу. «Все поражены, — одни большевики победили», — записал Маргулиес 29-го ноября 1919 года, и, как бы предвидя унылую безнадежность бесконечно долгих лет эмиграции, тут же добавил: «Русская публика притихла, озирается; Кедрин вчера уехал в Париж».

Л. Китаев.

В. ГОРН

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ

I. БАЛАХОВИЧ ВО ПСКОВЕ.

Спустя четыре дня после прихода эстонцев однажды вечером в Псков пожаловал «атаман крестьянских и партизанских отрядов», подполковник Булак-Балахович. Отряд солдат, прибывший с ним, был частью конный, частью пеший, в общем весьма небольшой и не внушавший впечатления сколько-нибудь серьезной силы. «Войском» эту кучку вооруженных людей можно было называть только по недоразумению. Тем не менее улица встретила «атамана» с большим воодушевлением. По городу долго раздавалось восторженное «ура». Многих радовал самый факт прибытия своих русских солдат. Чужое, как ни прочно спать за его спиной, все-таки было чужое, а, кроме того, экзальтированности толпы способствовал и сам Балахович своими речами, полными пафоса и бесшабашной похвальбы.

— Я командую красными еще более, чем белыми, — кричал Балахович толпе. — Красноармейцы и мобилизованные хорошо знают, что я не враг им, и в точности исполняют мои приказания... — Я воюю с большевиками не за царскую, не за помещичью Россию, а за новое учредительное собрание... — Я предоставлю обществу свободно решить, кого из арестованных или подозреваемых освободить и кого покарать. Всех, за кого вы поручитесь, я отпускаю на свободу. Коммунистов же и убийц повешу до единого человека...

Утро следующего дня сразу показало нам — псковичам, какого рода порядки привез в Псков Балахович.

Опять толпы народа в центре и на базаре. Но не слышно ликующих победных криков, нет и радости на лицах. Изредка мелькнет гаденькая улыбка какого-нибудь удовлетворенного в своих чувствах дубровинца, мелькнет и поскорее спрячется. Большинство встречных хмуро отмалчивается и неохотно отвечает на вопросы.

— Там, — говорит мне какая-то женщина, — идите на площадь, и на Великолуцкую...

Я пошел и увидел. Среди массы глазеющего народа высоко на фонаре качался труп полураздетого мужчины.

Около самого фонаря, видимо, с жгучим любопытством, вертелась разная детвора, поодаль стояли и смотрели взрослые. День был ненастный, дул ветер, шел дождь, волосы на трупе были мокрые.

Помню, что я не мог без содрогания смотреть на эту ужасную картину и бросился с площади на тротуар. Там стояли какие-то люди, и один из них, обращаясь ко мне, сказал: «Зачем это? Кому это нужно? А дети, — зачем им такое зрелище?..» В тот день еще висело четыре трупа на Великолуцкой улице, около здания государственного банка, тоже на фонарях один за другим в линию по тротуару.

Народу впервые давалось невиданное им доселе зрелище, инициатива которого всецело принадлежала «белым». Насколько помню, вначале было такое впечатление, что толпа просто онемела от неожиданности и чрезвычайной остроты впечатления, но потом это прошло. Постепенно, изо-дня в день, Балахович приучил ее к зрелищу казни, и в зрителях этих драм обыкновенно не было недостатка. Некоторые часами ждали назначенных казней.

Вешали людей во все время управления «белых» псковским краем. Долгое время этой процедурой распоряжался сам Балахович, доходя в издевательстве над обреченной жертвой почти до садизма. Казнимого он заставлял самого себе делать петлю и самому вешаться, а когда человек начинал сильно мучиться в петле и болтать ногами, приказывал солдатам тянуть его за ноги вниз. Часто, прежде, чем повесить, он вступал в диспуты с жертвой, импровизируя над казнимым «суд народа».

— Ты говоришь, что не виноват. Хорошо. Я отпущу тебя, если здесь в толпе есть люди, которые знают, что ты не виноват, и поручатся передо мною за тебя...

Поручителей почти никогда не находилось. Да и немудрено. Раз как-то в толпе раздался жалостливый женский голос в пользу казнимого. Балахович, который присутствовал на казни обычно верхом на коне, быстро со свирепым лицом обернулся в седле и грозно крикнул: «Кто, кто говорит тут за него, выходи сюда вперед, кто хочет его защищать». Жесты и лицо были столь красноречивы, что раз навсегда отбили охоту вступаться за приговоренного к смерти. Балахович повесил даже тогда, когда за одного из обреченных ручалась не какая-нибудь там простая женщина, а видный член псковского общества, крупный домовладелец. Ничего не помогало: слова о «народном суде» были только ширмой для неистовствовавшего Балаховича.

Все казни производились всегда днем, в первый месяц неизменно в центре города, на фонарях. А так как столбы фонарей были трехгранные железные, то нередко вешали

зараз трое, и трупы висели на фонаре гирляндами, иногда в течение всего дня. Особенно почему-то возлюбил Балахович фонарь против одного еврейского музыкального магазина, хозяин которого из-за казней долгое время не открывал своей торговли.

Позже, в июле месяце, по протесту представителей союзников, в центре города казни были прекращены. Но зато была устроена постоянная виселица с двумя крюками и боковыми стремянками к перекладине; эту виселицу воздвигли непосредственно за старинной псковской стеной, на сенном рынке, то-есть опять таки в кругу жилых строений.

Позже Балахович приказал выкопать из могил, устроенных в центре города, в Кадетском саду, похороненных там с почестями красноармейцев. Осклизлые гробы, частью вскрытые, с полусгнившими покойниками стояли после этого в саду целый день. Приходили из деревень какие-то бабы и жалобно плакали возле гробов.

Казни на виселицах обставлялись также публично и всенародно. Здесь я сам в июле видел такую кошмарную сцену.

Вешали двоих. Так как стремянки к перекладине были приделаны по бокам, на основных столбах, то каждый обреченный должен был сначала залезть сам к перекладине, а затем, одев петлю, чтобы приобресть перпендикулярное к земле положение и повеситься, броситься с петлей на шее в пространство. Первый из самовешающихся проделал подобную операцию удачно для своей смерти, второй же сделал, видимо, слишком энергичный прыжок, веревка не выдержала, оборвалась, и он упал на землю. Поднявшись с петлей на шее на ноги, несчастный дрожит и молит публику заступиться за него. Кругом гробовое молчание, только вздохи. В это время солдат сделал новую петлю. «Лезь», — кричит офицер. Парень снова лезет по стремянке, кидается в петлю и на этот раз быстро расстается с жизнью.

Одну из таких сцен сняли для кинематографа американцы и впоследствии показывали ее где-то в Америке, пока это не запретили американские власти.

Кто же были эти ежедневные, на протяжении двух с половиной месяцев, жертвы?

В начале просто «пыль людская» — воришки, мелкие мародеры, красноармейцы (но отнюдь не комиссары или даже рядовые коммунисты — этих Балаховичу не удалось поймать); после — контр-разведка Балаховича, под руководством знаменитого полковника Энгельгардта, специально занялась крестьянством. Создавались дутые обвинения в большевизме, преимущественно в отношении зажиточных людей, и жертве предстояла только одна дилемма: или откупись, или иди на виселицу. Более состоятельные кре-

стьяне отделывались карманом, а замешавшаяся в энгельгардтовых сетях беднота расплачивалась жизнью. При отсутствии гласного суда, при наличности корыстного застенка, во время гражданской междоусобицы, когда каждый человек, желал он того или не желал, силою вещей должен был соприкасаться с той или другой из воюющих сторон, обвинение в большевизме создавалось с необыкновенной легкостью.

Я нарочно остановился подробнее на псковских казнях. То, что творил в Пскове Балахович и его присные, я думаю, превзошло все меры жестокости «белых», когда-либо и где-либо содеянные. Балахович не только глумился над казнимыми в последний их смертный час, но он, попутно садически растлевал чистые души глазеющих на казнь малышей, а в толпе темной черни культивировал и распалял самые зверские инстинкты. Этот несомненно больной офицер совершенно не понимал, что самым фактом публичности казней, их кошмарной обстановкой он не утишал разбуженного в человеке зверя, а наоборот, как бы поставил себе определенной задачей — возможно дольше поддержать это зверское состояние в человеке.

Большевики не остались в долгу: они превосходно использовали казни Балаховича в своих прокламациях к белым солдатам. Белому командованию вскоре пришлось пожать горькие плоды этой агитации.

Справедливость требует, однако, сказать, что Балахович не был одинок в своих мероприятиях. Идейная санкция его действий пришла вместе с ним, в виде подчиненного ему Управления по гражданскому «устроению» псковского края. Русская гражданская власть пришла к нам, как и Балахович, тоже с демократическим знаменем, но во все время своего существования только и делала, что глумилась над демократическими идеями, да, вопреки жестокой действительности и здравому смыслу, базарно восхваляла своего «батьку».

Через сутки после прихода Балаховича, в городе появилась газета «Новая Россия освобождаемая», а в ней приказ Балаховича № 1 такого содержания:

«Разбив главные силы противника, пытавшиеся прорваться к Пскову, 29 мая я прибыл в город и, согласно приказа главнокомандующего эстонскими войсками и командующего войсками отдельного корпуса Северной армии, принял командование военными силами Псковского района.

Комендантом Псковско-Гдовского района назначается подполковник Куражев. Комендантом гор. Пскова назначается капитан Макаров.

В виду невозможности для военной власти принять на себя заботы по устроению местной жизни и невозможности

задерживать местное устроение,— право и обязанности местной гражданской власти временно вручаю образующемуся из пользующихся общественным доверием лиц Общественному Гражданскому Управлению города Пскова и уезда, постановления и решения которого, контролируемые военным комендантом, обязательны для всех граждан.

Вручением гражданских функций местным общественцым силам Народные Белые Войска доказывают искренность провозглашаемых ими демократических лозунгов.

Пусть все знают, что мы несем мир, устроение и общественность.

Населению предлагаю сохранять спокойствие. Мои войска победоносно продолжают свое наступление. Все попытки противника оказать сопротивление быстро ликвидируются.

Атаман крестьянских и партизанских отрядов и командующий войсками Псковского и Гдовского районов,

подполковник Булак-Балахович».

30 мая 1919 г.

За приказом № 1 в том же номере без подписи был помещен приказ нового «общественного гражданского управления» с предложением всем должностным лицам по назначению явиться 31 мая к 3 часам дня в здание бывшей городской управы к председателю гражданского управления.

Что это за персона — председатель общественного гражданского управления — из официальных приказов, напечатанных в газете, не усматривалось. Лишь в хронике частным образом было сказано, что «устройство гражданского управления в Пскове и губернии вручено русскому представителю в Эстонии и представителю противобольшевистских организаций г. Иванову, уже наладившему таковое в гор. Гдове. Г. Иванов использует все местные общественные силы».

А почему неизвестный псковичам доселе г. Иванов оказался уже «председателем» еще имеющего быть организованным общественного управления, сие опять осталось неизвестным. Странным также показалось отсутствие прямого приказа Балаховича вообще о каком-либо назначении г. Иванова. Все последующее объяснило эти странности: Балахович, как оказалось потом, сознательно избегал афишировать свои связи с г. Ивановым.

А пока сам этот г. Иванов анонимно в статье «от редакции» (кто редактор — по газете опять-таки не было видно) так характеризовал программу новой власти и личность ее руководителя:

«Народоправство в рамках назревших потребностей и здравого смысла — вот основа всех наших рассуждений и действий, и мы зафиксировали это свое убеждение в форме требования созыва нового учредительного собрания, изъявления воли которого требовал даже последний претендент на русский престол—великий князь Михаил Александрович.

Земля крестьянству — наше решение земельного вопроса. Предпочтение в смысле владения должно быть оказано не помещику, а крестьянину, который должен быть хозяином русской земли. На хуторском хозяйстве сошлись сейчас все, и принцип частной собственности утверждается и в этой области.

Частная инициатива и предприимчивость в области торговли и промышленности и в помощь им создание образцового транспорта характеризуют наши взгляды на хозяйственную политику страны.

Наша задача — примирение и удовлетворение всех слоев народа и на пути к ней занятие Пскова сыграет значительную роль, ибо население из наших действий увидит, зачем мы пришли — для угнетения народного или для помощи ему в его тяжких страданиях.

Нынче верят не словам, а делам.

И дела эти будут и уже есть.

Наши победы всем говорят, что всходит солнце новой России».

Ярко, сильно. В программной части несомненно верные, здравые мысли, но все это сразу же, так сказать, подсаливала бьющая в глаза реклама Балаховича и «дела»... которые «уже есть». Первым шагом «демократа» Балаховича были ужасные казни и грабежи, первым шагом «демократа» Иванова — упразднение городского самоуправления, на функции которого до него не покушалась даже оккупационная немецкая власть. За позой пробивалась совсем другая суть, и только там, где совершенно невозможно было отвернуться от того, что «уже есть», и замолчать ужасные факты подлинной действительности, г. Иванов пытался подыскать им некоторое идейное оправдание.

«Не можем мы, восставшие против рабства, нести это рабство своему народу. Мы хотели бы так осторожно ступать по родной почве, чтобы не раздавить ни одной былинки, но народная воля строга и непреклонна — и мы должны сотворить суд и расправу. Поднявший меч должен

от меча же погибнуть. Мы закалили свое сердце на эти дни народного гнева, и пусть народ верит нам».

Так оправдывались именем народа гнусные сцены творимых Балаховичем казней. А в назидание и поучение сомневающимся внушительно говорилось в другой статье «Великая волна»:

«С нами бог. С нами народ. Знайте и покоряйтесь, убийцы».

На приеме многочисленного псковского чиновничества г. Иванов опять стал в позу. Он оказался незаурядным оратором и сказал большую речь, закончив ее довольно эффектно: «К старому возврата нет, наша цель — Учредительное Собрание, которое решит форму правления и начертает аграрную реформу».

За «словами», чтобы им окончательно не верили, следовали снова «дела». Для надобностей города и войска Иванов предложил на другой день обложить евреев на 2 миллиона рублей контрибуции. Он стал уже записывать имена, которые ему услужливо подсказывал кто-то из местных жидоедов, но послышались протесты: «Почему только евреев, а не всех богатых купцов». Иванов не счел возможным мотивировать свою затаенную мысль, быстро убрал лист, сказав, что «обойдемся без того, достанем в штабе».

Спустя дня три после описанного случая, появился список целого ряда купцов, которые в трехдневный срок обязывались внести Балаховичу разные более или менее значительные суммы. В списке фигурировали, правда, не одни евреи, попадались изредка и христианские фамилии. Процедура взимания, судя по имеющийся у нас копии одного документа, была чрезвычайно проста.

1. Г... (такому-то). По приказанию командующего войсками Псковско-Гдовского района предлагаю прибыть в штаб, помещающийся в здании земского банка, к 5 час. вечера.

Офицер для поручений полк. Энгельгардт.

2. От гражданина... (того же самого) 20.000 (двадцать тысяч)

получил
12 VI — 1919 г.
Псков.

Ротмистр Звягинцев.

Печать штаба крестьянского и партизанского отряда атамана Булак-Балаховича.

При крутом нраве Балаховича (Иванов в этой операции спрятался за спину «атамана») ослушаться его зова никто

не мог. Купцы знали, зачем зовут, и несли, и несли и... торговались. Более упорных тут же арестовывали и отправляли в тюрьму. Сиди, пока не уплатишь всех денег, размышляй о «новом учредительном собрании». Таким путем собрали около 200.000 рублей — сумму по тому времени большую. О судьбе этих денег ходили потом весьма смутные и невыгодные для компании Балаховича слухи. Впоследствии, когда производилось расследование о всех злоупотреблениях чинов особой дивизии Балаховича, контр-разведка штаба заинтересовалась и сбором денег «на нужды армии».

«Ротмистр Звягинцев, — доносила она следственным властям, — собрал по приказанию Начальника дивизии генерал-майора Булак-Балаховича с жителей города Пскова налог на нужды армии, в сумме около 200.000 рублей; куда пошли собранные деньги — выяснить из-за отсутствия отчетности, не представляется возможным. В виду же того, что все чины штаба особой дивизии вели широкий образ жизни, пьянствовали, шикарно одевались, — среди горожан создалось убеждение, что деньги эти пошли не на нужды армии, а на личные потребности чинов Штаба дивизии. Доказательством этому отчасти может служить и то обстоятельство, что действительно чины штаба особой дивизии, не получая жалованья, одевались в чрезвычайно дорогие и разнообразные костюмы, постоянно посещали клубы и благотворительные вечера, на которых тратили большие суммы денег».

Не довольствуясь сбором денег в более или менее прикрытой официальной форме, стали требовать денег неофициально. Главная статья была, конечно, «жиды» и угроза погромом им. Одновременно с этим офицеры и солдаты Балаховича шли по квартирам отнимать серебро, золото и деньги. Сопротивляющимся наносили побои. По словам псковского купца Г., евреев: В-ка били и велели ноги целовать, взяли все серебро и золото; А-ча били самого, жену и детей, пока не показал, где спрятано золото и серебро; все отобрали; М. ограбили и расстреляли и т. д.

В это время на фронте опомнившиеся большевики, видя, что эстонцы приостановили свое наступление, снова пытаются взять Псков. Настроение у всех обывателей подавленное. Вблизи города утром и вечером идет непрерывная артиллерийская канонада, а в самом городе бесчинствуют балаховцы.

Штурм большевиков удается отбить. Действуют главным образом эстонцы, но это не мешает органу г-на Иванова превозносить «батьку» до небес:

«Генералиссимус» Троцкий отдал приказ: не позже вечера покончить с Псковом.

Первоначально немногочисленная, выдвинувшаяся, изолированная кучка белых, казалось, была обречена на гибель.

Но великая волна, несущая освобождение и свободное устроение России, недаром поднялась в древнем Пскове.

Недаром на гребне волны этой гремит на всю северозападную Россию легендарное имя народного героя «батьки» атамана Балаховича...

Разгром под Псковом открывает дорогу к сердцу страны.

Народный герой сказал уже свое слово:

«Партизаны, вперед! Дальше и дальше, по дороге на Москву!...»

Читали псковичи эту буффонаду и только руками разводили. Какая там Москва, когда большевики были от города всего верстах в 3 — 4, а «батькина» сотня стояла у почтовой конторы в центре города, готовая ежесекундно «эвакуироваться». Спасли дело эстонская артиллерия и их бронепоезда.

«Устроение» гражданской жизни шло тоже из рук вон плохо. С трудом удалось получить американский хлеб для населения. Между американцами и обывателями в роли дорогих комиссионеров начали, к удивлению обывателей, фигурировать эстонцы. «Мука прибыла пшеничная — пишет в № 3 «Нов. России», — правда, за очень дорогую цену: она получена в обмен за двойное по весу количество льна». На вырученные за муку от обывателей деньги или путем натурального обмена с крестьянами город должен был накапливать запасы льна по указанному расчету и сдавать его эстонцам. Операция для неподготовленного для этого городского аппарата явно непосильная, да и нравственно неприемлемая: расценка, установленная эстонцами, была раз в десять меньше английской, так что эстонцы за муку, отпущенную им в кредит американцами для населения Эстонии, получали колоссальные барыши. На полномочии, выданном эстонским министром торговли А. Яксоном псковскому льнопромышленному товариществу на право закупки льна для эстонского правительства в пределах псковского района, значится такая надпись самого Балаховича, датированная 17 июня 1919 г.

«Так как население в завоеванных мною у большевиков местностях, а равно и мои войска, находятся в критическом положении по снабжению их хлебом и продуктами, настоящим свидетельствую свою готовность оказать полное содей-

ствие псковскому льнопромышленному товариществу в меновой торговле продуктами на лен для эстонского правительства. Командующий войсками Псковского района полк. Булак-Балахович».

Эстонское правительство стремилось тогда скупить подешевле весь псковский лен, чтобы образовать для своего казначейства прочный валютный фонд. Весь лен шел на английские рынки и очень выгодно для эстонских финансов переплавлялся в фунты, черную же работу содействия этой операции у нас на месте «с готовностью» взял на себя г. Балахович. Нетрудно себе представить во что вылилось такое содействие «меновой торговле» в атмосфере воцарившегося при «батьке» террора и произвола. При поддержке Балаховича, несдерживаемые ничем в своих узко-эгоистических аппетитах, новые предприниматели стремились отнять у псковского населения буквально за гроши единственно-ценный и при том последний оставшийся у него продукт обмена. Эстонцы тогда переживали, да и теперь еще переживают, период стадии первоначального накопления рессурсов своей молодой государственности и потому с лихорадочной поспешностью стремились использовать все открывавшиеся к тому возможности.

Кстати, тут было бы уместно вспомнить о своеобразном вожделении эстонцев к обывательским телефонам. Телефоны эти, выражаясь терминологией того времени, так таки и были «усовдепены», но, кроме телефонов, им понравился, например, механический завод нашего купца Штейна. Они и к нему протянули свои руки. Штейн по национальности латыш, коренной наш обыватель и бывший гласный думы, в момент прихода Балаховича находился в Риге.

В моих материалах имеется такого рода «договор»:

«Так как эстонскими войсками был взят Псков, то с моей стороны препятствий не встречается к эвакуации «завода Штейна» в половинном размере в Эстляндию. На основании условий о военных добычах с представителем Эстонской республики в Пскове штабс-капитаном (таким-то).

Командующий войсками Гдово-Псковского района,

Полковник Булак-Балахович».

20 мая 1919 г.

Печать Начальника конвоя Атамана Булак-Балаховича.

Не помню, удалось ли эстонцам воспользоваться хотя бы половиной завода Штейна, но в этом документе характерно все от начала до конца. Наедине с эстонцами Балахович, конечно, не мог нести того вздора об освобождении Пскова, которым наполняли русскую газету его

барды для околпачивания легковерных, если они были; нет — тут он определенно признает, что Псков был взят эстонскими войсками, взят как неприятельский город, имущество которого является добычей победителя. И такая трактовка положения города допускалась в освободительной гражданской войне. То, что город взяли эстонцы, а не русские, в данном случае значения не имеет, так как формально командующим всеми оперировавшими тогда против большевиков войсками, т.-е. русскими и эстонскими, считался эстонский главнокомандующий ген. Лайдонер.

Июнь приближался к концу, а в городе и уезде не было и намека на правосудие. Свирепствовали во всю контр-разведчик полк. Энгельгардт и комендант края подполковник Куражев. Нуждаясь в деньгах для армии, а еще больше для кутежей, представители местной власти начали печатать фальшивые деньги-керенки. Эти деньги офицеры стали спускать хозяевам ресторанов, в которых кутили, разным поставщикам, крестьянам по деревням. Керенки печатались в глубокой тайне; сначала в особой комнате в гостинице «Лондон», а позже чуть ли не в самой районной комендатуре. В преступную организацию входили все самые видные члены «батькиной ставки» — полковник Энгельгардт, Стоякин, Куражев, Якобс, а также инициатор этой затеи — «редактор» местной газеты и в то же время помощник районного коменданта Афанасьев. Знал ли Иванов про всю махинацию — мне неизвестно; кажется, фабрика открылась уже после его исчезновения из Пскова.

Нелишним будет, однако, отметить, что идея такого предприятия, обставленная, разумеется, соображениями «блага белого дела», родилась первоначально в недрах штаба ген. Родзянко. Факт этот — сколь ни ароматна сама по себе такая идея, после заявления членов б. Политического Совещания при генерале Юдениче, является совершенно установленным. «Нужды на фронте и в тылу (пишут эти члены), никакого отлагательства не допускали. И насколько там положение было критическое доказывает то, что из Северного Корпуса поступило к генералу Юденичу представление о разрешении печатать фальшивые керенки. Представление это было, конечно, отклонено». Предложение отклонили, а подготовленная для выполнения плана техническая организация, в лице инженера Тешнера, осталась; его-то и «пленил» у себя в Пскове Балахович. Разобрав в чем дело, Тешнер вначале пытался бежать из Пскова, но его поймали и под конвоем солдат снова водворили в «псковскую экспедицию» заготовления фальшивых керенок.

Ни фальшивки, ни поборы с населения нисколько не улучшили материального положения солдат Балаховича. Они попрежнему были плохо одеты, обуты, плохо накормлены. Наоборот, эстонские войска производили хорошее впечатление; все прекрасно экипированные, достаточно дисциплинированные, крепкие, здоровые ребята. Тяжело было смотреть на эту резкую разницу. Правда, справедливость требует сказать, Балахович был повинен в плохом состоянии своих солдат только отчасти. Нужды армии во много превосходили суммы, собранные тем или иным путем с населения, но скверно было то, что даже собранные деньги не шли по своему назначению. Все вместе взятое в значительной степени подрывало боеспособность русских солдат; кроме того, в последнее время стало чувствоваться, что у них вообще нет той действительной поддержки со стороны населения, которая была несомненно на первых порах и которую имели эстонские солдаты у собственного населения, довольно деятельно поддерживавшего свою армию.

Желая внести в жизнь хотя какое-нибудь организующее начало и, так сказать, дыханием общественности смягчить творящиеся безобразия— псковская интеллигенция пытается возобновить закрытую еще большевиками демократическую газету «Псковская Жизнь».

Этот орган существовал в Пскове ровно 10 лет и завоевал себе большие симпатии у населения. Особенностью «Псковской Жизни» было то, что она являлась подлинным детищем местной интеллигенции. В свое время денежный фонд газеты образовался из мелких паев местной интеллигенции, как-то: врачей, учителей, адвокатов, чиновников, при чем в состав редакции на равных началах вошли кадеты, эс-эры и эс-деки. Работа шла хорошо и дружно вплоть до открытия всероссийского учредительного собрания, когда небезызвестный матрос Панюшкин явился в редакцию и, грозя редактору винтовкой, учинил в помещении полный разгром, закрыв газету «за контр-революционность».

Хотя Балахович с Ивановым, казалось бы, должны были действовать в обратном Панюшкину направлении, члены редакции «Пск. Жизни» так-таки и не дождались от них ответа на свое ходатайство об открытии газеты. Иванов явно боялся голоса здоровой общественной критики, справедливо полагая, что от него и Балаховича в действительности потребуют перейти от либеральных слов к делу. Вместо неприятной «Пск. Жизни» Балахович дал позже разрешение на открытие другой газеты «Возрождение», но того же типа, что и газета Иванова — «Нов. Росс. осв.». Эта вторая газета также стала замалчивать все безобразия «батькиного» ре-

жима и необыкновенно раздувать его мнимые доблести. Редактором газеты оказался помощник районного коменданта упомянутый выше Афанасьев. Произведя крупную растрату казенных сумм, отнюдь не на газетные надобности, он впоследствии скрылся.

Несмотря на установившуюся таким образом атмосферу полного и вынужденного молчания общественности, в частных разговорах Иванову нередко приходилось натыкаться на недоуменные вопросы по поводу заведенных им и Балаховичем полицейских порядков. Чаще всего, конечно, говорилось об упразднении органов общественного самоуправления. На это газета «Нов. Росс. осв.» устами Иванова обычно отвечала целым рядом софизмов. В переживаемый момент «клочкового» воссоздания России земское и городское самоуправление, рассчитанные на другое время, по мнению газеты, абсолютно непригодны. Нужны организации, совмещающие в себе функции правительственных учреждений и органов самоуправления и такой панацеей являлись пресловутые общественные гражданские управления (городские, уездные, волостные). Слово «общественные» тут следовало взять дважды, трижды в кавычках, потому что те учреждения, которыми облагодетельствовал нас г. Иванов, были сплошным подлогом общественности, так как в возникновении их псковичи вовсе не были повинны.

До сих пор я останавливался преимущественно на описании тех порядков, которые завели Балахович и Иванов в самом городе Пскове. В псковском уезде режим был не лучше, с тою только разницей, что здесь царила некоторая политическая чересполосица.

Правеж «соловья-разбойника», как окрестили некоторые обыватели режим Балаховича во Пскове, в деревне по необходимости носил все черты спорадического воздействия власти. «Устроение» сельской жизни производилось наскоком, неряшливо, псевдо-либеральные потуги г-на Иванова часто проводились под аккомпанимент партизанской ругани, порки и прочего пренебрежения к личности крестьянина. Одного здесь почти не было: казней. Главные мастера заплечного дела — Балахович и Энгельгард — сидели в самом гор. Пскове и, по соображениям, надо полагать, техническим, все выхватываемые из деревни жертвы для казни свозились во Псков.

Волостные организации общественного гражданского управления, не имея крепкого руководящего центра, созданные на-спех, в обстановке гражданской войны, находившиеся всецело во власти волостных комендантов, естественно не сумели взять верный курс... а волостные комен-

данты, эти фактические хозяева положения, не успокоили мужика в том смысле, что земля за крестьянином и останется, что взыскивать за период революции никто не собирается и что интересы крестьянина для новой власти стоят на первом плане. Больше того, они усиливали путаницу земельных отношений и тем давали серьезную почву для мужицких опасений. Примеров тому много. Комендант Сидоровской волости Псковского уезда на волостном сходе (16-17 июня), довольно большом и оживленном, держал речь к населению. Первая ее часть общего характера была встречена весьма сочувственно. Вторая, касавшаяся земельных отношений, — резко враждебно. Говоря о том, какими землями мужики могут распоряжаться, он определенно заявил, что крестьяне могут распоряжаться только своей землей, прочие земли могут попасть в руки мужика только при условии аренды или покупки ее. В итоге ропот всего схода: «Опять помещика на шею нам посадите», «Мы будем работать, а баре хлеб есть... Не бывать этому». Комендант Логозовской волости за свой страх и риск приказал всем селениям, где были произведены переделы явочным порядком или на основании декретов советской власти, вновь произвести переделы и восстановить прежнее дореволюционное положение в земельных отношениях деревни.

Общая атмосфера, в которой производились те или иные экономические и административные перемены этого периода, как я уже говорил, была крайне удушлива для возрождения здорового народного самосознания. О «батькином» режиме крестьяне долго помнили.

«Мы ехали, — рассказывает по этому поводу корреспондент бывших «Русских Ведомостей» Л. Львов, — по району, оккупированному год тому назад знаменитым Булак-Балаховичем. Народная память осталась о нем нехорошая. Грабежи и, главное, виселицы навсегда, должно быть, погубили репутацию Балаховича среди крестьянского мира. За 40-50 верст от Пскова крестьяне с суровым неодобрением рассказывают о его казнях на Псковских площадях и о его нечеловеческом пристрастии к повешениям. Практиковавшаяся им порка, когда крестьянин — отец и хозяин — принуждался ложиться под удары, глубоко затронуло сознание крестьянина и оскорбило его чувство человеческого достоинства».

Но вернемся опять в гор. Псков. К концу июня здесь запахло новым переворотом.

В то время, как казенные барды на страницах Ивановского органа «Нов. Россия Осв.», перейдя всякие границы базарного расхваливания «батьки», впали в своего рода религиозный экстаз и писали в № 10:

«Троцкие, Ленины, Апфельбаумы и пр. ненадолго сумели заглушить голос совести и разума русского народа.

Легендарный Народный Витязь, освободитель Северо-Западной России — Батька Атаман Булак-Балахович — поднял и лично ведет рати народные на освобождение белокаменной Москвы...

Уже раскрывается чуткая душа народа навстречу близкой великой радости.

Солнце свободы и обновления всходит над многострадальной Землей Русской.

Так хочет бог.

Так повелевает народ.

Так приказывает излюбленный Вождь Народный.

Пойдем за ним...»

«В самом Пскове, — пишет, между тем, генерал Родзянко, — продолжал сидеть Иванов и происходили всевозможные безобразия; партизаны, больше всего личная сотня «батьки», грабила и насильничала; людей, обвиняемых в большевизме, вешали на улицах на фонарных столбах, в населении начался ропот. Чтобы заставить полковника Балаховича и его отряд исполнить мои приказания, я, переговорив с американцами, распорядился прекратить доставку продовольствия для вышеуказанного отряда».

Г-н Иванов почувствовал определенно, что их дело совсем дрянь.

При отсутствии хлеба, управлять краем было бы, разумеется, совершенно невозможно, а потому, в предупреждение такого момента, Ива́нов, в согласии с Балаховичем, делает попытку к политической самостийности.

Снова созываются на собрание все чиновники города, и г. Иванов опять держит к ним длинную речь. На этот раз в итоге своей речи он предлагает собравшимся поднести «батьке» за все его подвиги от имени населения благодарственный адрес и определенно поддержать дуумвират Иванов — Балахович, предупреждая, что в противном случае произойдет смена демократического курса на черносотенный. Находящееся в Нарве главное русское командование, по заявлению Иванова, было определенно реакционное по своему составу и настроению.

Как ни изумительным по существу показалось обращение г. Иванова, привыкшее к покорности чиновничье стадо готово было сразу сдать позицию и поддержать начальство. Но, на беду Иванова, в числе приглашенных на собрание оказались двое — бывш. председатель городской думы (по должности заведующего городским продовольствием) и юрисконсульт города, которые взглянули на дело иначе.

Боясь попасть из одной напасти в другую, они посоветовали собравшимся вовсе воздержаться от выявления своих политических симпатий, при чем так и сказали, что «городу опасно оказаться между Балаховичем и Штабом Северной Армии». Предложение Иванова провалилось.

Вскоре после описанного собрания, по городу разнеслась весть, что из Нарвы пришел приказ ген. Родзянко об аресте Иванова за то, что он будто бы хотел учредить в Пскове «Псковскую республику».

Действительно, Балахович получил от Родзянко ряд телеграмм одна другой категоричнее и резче:

«Псков, Полковнику Булак-Балаховичу.

Из Ямбурга № 316. В. Срочно.

Только что получил вашу телеграмму № 29 от 8 июня. Сообщаю Вам еще раз, что я признан всеми союзниками единственным начальником русских войск, действующих на Северо-Западном фронте. Приказываю Вам немедленно арестовать Иванова, его брата и сотрудников, указанных полк. Куражеву, и прислать их в Ямбург. Вам лично надлежит немедленно приехать в Нарву для переговоров о дальнейших действиях. Еще раз повторяю, что все продовольствия, деньги и амуниция получаются от союзников в большом количестве, проходят через меня. Требую точного исполнения моих приказов. О получении этой телеграммы телеграфируйте. Ваша телеграмма полна передержек.

14 июня.

Генерал-маиор Родзянко».

«Псков, Полковнику Балаховичу.

Из Штаба Корпуса, № 765. 20 июня 1919 г.

Генерал Родзянко просит немедленно ответить на следующие пункты. Первое — будете ли вы подчиняться корпусу, второе — что Иванов не будет во Пскове, третье — что инженер Тешнер покинет Псков, четвертое — что представители Пскова прибудут к нему. Жду ответа.

Ротмистр Звягинцев».

В ответ на телеграммы Балахович отвечал «слушаю-с», но на деле приказания не исполнял. Иванову была дана возможность сесть в бест в Эстонском консульстве, а позже он вовсе исчез из города. Открыто разорвать с Родзянкой Балахович все же не решился.

В инциденте с арестом Иванова впервые для непосвященных вскрылась глухая борьба между Балаховичем и Родзянко. Выходило так, что первый зависел и подчинялся второму, как мелкие князьки хану в азиатских странах — то считался, то не считался с распоряжениями ген. Родзянко, в зависимости от состояния своих дел. В данном случае подвоз хлеба зависел от американцев, а американцы стали действовать в контакте с ген. Родзянко — значит, сейчас нужно уступить, и Балахович для видимости жертвует своим соратником.—Г. Иванов на время (и только на время!) уходит в тень. При чем и эту меру Балахович выполняет наполовину: «Приказания моего о выселении Иванова из Пскова, — говорит Родзянко в своей книге, — полк. Балахович не выполнил, намекая, что его в этом поддерживают эстонцы».

Эстонцы действительно поддержали этот дуумвират. И не потому, чтобы они в данном инциденте плохо или недостаточно разбирались, а совершенно сознательно, как увидим дальше, предпочитая в своих интересах Балаховича генералу Родзянко.

Юридически командующим всеми русскими силами, оперировавшими вблизи границ Эстонии, считался тогда главнокомандующий эстонской армии ген. Лайдонер. По национальности он был эстонец, по образованию—питомец нашей до-революционной академии генерального штаба, человек несомненно умный и даже талантливый в своей военной сфере. По отношению к русскому командному офицерству он все время держался весьма корректно, но в описываемое время, с развитием деятельности наших отрядов за пределами Эстляндии, его связь с русской армией, во главе которой в Нарве стоял ген. Родзянко, была чисто призрачной. Мало того, под давлением пружин политического свойства со стороны своего правительства, он вообще стал тяготиться ролью главнокомандующего русской армией. Тем не менее Балахович и Иванов, там, где им более нужно и выгодно, искусно эксплоатировали эту формальную связь и втягивали в свою политику местные командные эстонские круги. Так, когда Иванову понадобилось облагодетельствовать Псково-Гдовский район своими «общественными гражданскими управлениями» без капли общественности, он коварно использовал резолюцию «главнокомандующего эстонскими и русскими войсками» генерала Лайдонера, считавшего совершенно правильно, что «местные силы должны быть использованы в полной мере». А когда Балаховичу понадобилось укрыть Иванова, в этом помог ему подчиненный общему командованию местный эстонский штаб. Настраиваемые г-ном Ивановым местные эстонские командиры

считали более выгодной для Эстонии псевдо-либеральную политику Иванова, чем определенно реакционную генерала Родзянко.

Не желая ссориться ни с своими, ни с чужими, генерал Лайдонер, после описанного выше случая, отказался от звания главнокомандующего русскими войсками.

С отъездом Иванова вспыхнувшая было вражда между псковским и нарвским штабами на время затихла. Балахович проявил даже кое какие внешние знаки своего примирения с Нарвой; общественности дается разрешение возобновить действия псковской городской думы. Объявление об этом было напечатано 24 июня, собрание гласных назначено на 25 число. Форсирование щедрот объяснялось тем, что внезапно пришла весть о посещении города генералом Юденичем, назначенным адмиралом Колчаком главнокомандующим русскими силами Северо-Западной области России.

Появление генерала Юденича носило исключительно парадный характер, ограничилось «собором» и «обедом» кругу военных, не внеся в жизнь обывателей решительно ничего нового. Заседавшие в думе гласные узнали об этом посещении лишь post factum.

Гораздо интереснее оказался самый факт открытия псковской городской думы.

Состав этой думы выгодно отличался уже тем, что в нем имелось все разнообразие местного обывательского контингента, начиная от чиновничества, местной разночинной интеллигенции и до торговцев и священников включительно. Для характеристики настроения нашей думы достаточно сказать, что в конце концов, при единодушной поддержке всего левого крыла, в конце немецкой оккупации обязанности головы исполнял самый богатый человек в городе П. Д. Батов, — местный купец старовер, сумевший прекрасно наладить отношения со всем составом думы, проявивший незаурядное общественное чутье, «большую работоспособность». Еще ранее того, при большевиках, в члены управы был избран другой купец А. Д. Аристов, человек совершенно аполитичный, вовсе не входивший в состав гласных думы, но известный всем обывателям своей особенной хозяйственной распорядительностью. Одно верно, что видные густопсовые черносотенцы вовсе не попали в эту думу, вот они-то и прозвали думу «солдатской». Когда-нибудь в другое время и в другом месте я посвящу этому периоду псковского городского самоуправления особое внимание. «Солдатская» дума в решительные и жуткие моменты немецкой оккупации умела находить в себе достаточно мужества, чтобы отстаивать и городские и даже национальные интересы.

В описываемый мною период деятели этой думы пошли на крупный компромисс. Чтобы устранить всякую общественную рознь, по совместном обсуждении вопроса, они решили возобновить деятельность думы в двойном составе — революционной плюс до-революционной. Но господам справа и это показалось мало. Они решили добиваться большего.

Вскоре во Псков приехал начальник военно-гражданской части Сев. Армии полк. Хомутов, и ему кое-кто из крайних правых, как говорится — «открыл глаза» на нашу безбожную думу. Суфлер попал на крайне благодарного слушателя, но обстоятельства требовали иной тактики, и Хомутов, помимо своей воли, не оправдал желаний шептунов.

Вместе с Хомутовым приехал командующий Северной армии ген. Родзянко. Реакционная сущность этих господ сказалась на первых же порах, но в сравнении с «батькой» Балаховичем они производили более выгодное впечатление. С ними во всяком случае можно было говорить, доказывать, объяснять им разумность тех или иных мер, да и обстоятельства заставляли их слушать. Родзянко и Хомутов приехали в вотчину «батьки» с так сказать цивилизаторской миссией, и естественно, что начинать что дело со ссоры с общественностью, вовсе не входило в их планы. Один из них стал действовать хитрее, осторожнее; другой, более простодушный, при случае не прочь был щегольнуть либерализмом.

Не взирая на наличность функционирующей уже городской думы, Хомутов хотел вначале создать состав думы и управы исключительно по своему назначению, вычеркнув механически из числа гласных действующей думы всех социалистов, как таковых. А когда беспартийный социалист, председатель думы Ф. Г. Эйшинский категорически восстал против подобной манипуляции и твердо заявил Хомутову, что он и многие другие гласные вовсе уклонятся от работы в такой подтасованной думе, полковник немедленно уступил. Он выговорил лишь право официальной санкции состава городской управы, так как неудобно же делать исключение для Пскова, когда в Гдове и Ямбурге состав управы утвержден им, — Хомутовым.

Тем не менее, когда 3-го июля были произведены выборы членов управы, Хомутов одного из них не утвердил: «полу-большевик и фамилия еврейская».

Гораздо проще обошлось дело с «восстановлением» земства. Гласные уездного земства—крестьяне—не сидели во Пскове, часть уезда занимали еще большевики, и Хомутов договорился о восстановлении земства с оставшимися в городе помещиками, — бывшими гласными прежнего царского земства. Состав уездной управы, за исклю-

чением ее председателя, человека умеренных взглядов, оказался черней черного, а большинство членов управы от дряхлости совсем нетрудоспособными.

О своих мероприятиях во Пскове Хомутов подал потом подробный доклад главному начальнику тыла Сев.-Зап. армии, где писал между прочим так: «Сразу определенное сочувствие я встретил в Земстве, и создание Зем. Управы по назначению было решено в короткое время, после переговоров с В. Назимовым, который раньше работал в Губ. Земстве. Среди земских деятелей я встретил поддержку, и, считаясь с наступающим моментом, они решительно ничего не имели против назначения. Приступив же к переговорам с представителями города, я уже встретил иное отношение...»

Приезжее начальство офицеры чествовали обедом. В числе немногих приглашенных статских оказался предс. городской думы Ф. Г. Эйшинский. Вероятно, зная его радикальные взгляды, генерал Родзянко в разговоре с ним за столом сказал, что цель их—представителей Сев. Армии—довести народ до учредительного собрания. Эйшинский подхватил его сразу и, желая закрепить это настроение командных верхов публично, встал и произнес тост. Очень-мол приятно слышать, что командование и офицерство ясно понимает задачи белого движения — устроение будущей России на основе народоправства, а потому — «да здравствует будущее всероссийское учредительное собрание». За столом произошло некоторое замешательство. Тост поддержали жидко и кисло, при чем Родзянко поспешил разъяснить Эйшинскому, что он имеет в виду другого рода учредительное собрание, которое будет, собственно, не учредительное, в общепринятом смысле, а вместе с тем как бы учредительное и т. д.

Характерно, что этот случай нисколько не помешал Родзянко и впоследствии, кстати и не кстати, эксплоатировать имя учредительного собрания.

Картина произвола во Пскове, представшая глазам Родзянко и Хомутова, была ужасна.

«Много Псковских жителей неизвестно почему сидело по тюрьмам», — пишет Родзянко.

«Грабежи, взятки и безнаказанность, — доносил в отмеченном мною рапорте начальнику тыла полк. Хомутов.—Будучи во Пскове, я не мог не обратить внимание на ненормальное положение, в котором очутилась контр-разведка, полевой суд и прокуратура. Во Пскове первое время действовали четыре контр-разведки: корпусная, комендантская, эстонская и Балаховича. Теперь право ареста осталось за комендантом и производится по его ордерам, но стоящий во

главе военно-полевого суда полк. Энгельгардт, будучи назначен на эту должность Балаховичем, объявил себя независимым и от коменданта и от военно-гражданского управления и от прокурора. Последний не имел дел и не мог даже проникнуть в тюрьму. Это вызвало массу нарушений и распространение слухов о «застенке».

К сожалению, оба эти лица, так ярко заклеймившие режим «батьки», охотно закрывали глаза (по крайней мере полк. Хомутов) на печальную действительность в управлении той областью (район Ямбург — Гдов), где хозяевами были они сами. Невольно заподозришь искренность их возмущения, если вспомнишь, что в числе главных провинностей Балаховича по отношению к штабу Сев. Армии было все время проявляемое им опасное своеволие. Балахович являлся не только непокорным подчиненным, но и серьезным в этой поистине мексиканской обстановке политическим конкурентом, который сам мечтал возглавить все белое движение на Северо-Западе. О «сепаратизме» Балаховича, как о больном зубе, ген. Родзянко говорит неоднократно в своей книге.

Отчасти из боязни этого сепаратизма, отчасти с целью «навести порядок и прочистить атмосферу, окружающую Балаховича», ген. Родзянко послал во Псков ген. Арсеньева, в задачу коего входило наладить порядок и перевести русские силы этого района с партизанского, грабительского на положение более дисциплинированной части регулярной армии. Эта миссия более или менее была задрапирована чисто стратегическими соображениями и ссылкой на «развертывание» армии.

Незадолго до появления во Пскове ген. Арсеньева (12 июля) на сторону Балаховича перешел 2-й стрелковый большевистский полк (кстати сказать, впоследствии также легко ушедший назад) и об отряде Балаховича стало возможным говорить, как о действительной боевой единице. Задача Арсеньева была — развернуть этот отряд в корпус, состоящий из двух дивизий, при чем Балахович остался бы только начальником одной из дивизий. Сам Арсеньев назначался командиром этого «корпуса».

С внешней стороны план вполне удался. На бумаге появился второй корпус армии, Псков обогатился еще одним генералом и управлением, но толку из этого никакого не вышло, — по крайней мере в смысле упорядочения гражданской жизни. Опубликованный 24 июля приказ о сформировании судов, выработанный псковской магистратурой, остался мертвой буквой до самого падения Пскова. Балахович и Энгельгардт продолжали хозяйничать попрежнему, то-есть убивать, грабить и драть людей. Генерал Арсеньев,

даже если бы хотел, бессилен был остановить их безобразия, так как в его — начальника корпуса! — распоряжении почти вовсе не имелось сколько-нибудь серьезной военной силы.

Драли, однако, людей и у генерала Арсеньева, да еще как позорно. Вспоминаю один особенно дикий случай. Будучи вызван в конце июля начальником снабжения в Ревель на финансовое совещание, я зашел в комендатуру, чтобы получить пропуск на проезд в Ревель через Гдов — Нарву. Дожидаясь своей бумаги, я заметил одну девушку с заплаканными глазами, которая тоже стояла недалеко от меня у канцелярского прилавка для публики и беспомощно обводила глазами канцелярию, видимо не зная к кому обратиться. На мой вопрос, что ей нужно, она ответила: «Заявиться и отдать расписку, что меня наказали». Из дальнейших расспросов выяснилось, что эту вполне взрослую девушку лет 22 — 23 по распоряжению коменданта только что высекли дав ей 30 розог за продажу кокаина. Секли, конечно, солдаты.

При генерале Арсеньеве во Пскове открылась по счету третья газета — «Заря России». Бесцветная, казенная, полуофициоз генерала. «Псковскую жизнь» Хомутов также запретил возобновить.

Перед Балаховичем залебезила и новая газета. Генерал Арсеньев, видимо, пробовал сначала овладеть «батькой» путем лести и ласки. В июле по предложению ген. Арсеньева Родзянко произвел Балаховича в ген.-майоры. Правое купечество поднесло Балаховичу по сему случаю адрес, а «Заря России» поместила описание «чествования атамана», раздув этот факт в «любовь псковичей». Адрес поднесли в оправе с надписью: «Кузнец Вакула оседлал чорта, а ты, Батька-Атаман — коммуниста».

Косвенным основанием к такому неумеренному восхвалению отчасти послужило новое наступление большевиков на Псков в середине июля месяца. Они бросили на подступы к городу отборные матросские части и буквально завалили людьми близ лежащую реку Кебь, через которую эти части пытались перейти. Но и последний отчаянный натиск был ликвидирован «благодаря приходу эстонских бронированных поездов и своевременной поддержке эстонской дивизии».

К этому же времени относится совсем своеобразный фортель, выкинутый батькой в области... семейного права.

Правой рукой Балаховича во всех его военных предприятиях был некий полковник Стоякин. Кем являлся Стоякин в действительности, был ли он когда-нибудь офицером, или, как это думали некоторые присяжные офицеры, он

являлся питомцем «каторжной академии», всплыв на поверхность бушующей стихии соизволением матушки-революции, — так и осталось невыясненным. Но зато в одном были единодушны и Родзянко, называвший его «самозванцем», и эстонцы, питавшие к Стоякину, наоборот, большую симпатию, — что этот пришелец был на редкость способный офицер. О полк. Стоякине придется еще не раз говорить. В данном случае в связи с его личностью, я упомяну лишь об одном эпизоде, великолепно характеризовавшем нравы, царившие в ставке «атамана».

«Для мила дружка и сережка из ушка» — говорит русская пословица. Так должен был наверное говорить «батька» Балахович, когда давал Стоякину следующее, с позволения сказать, официальное удостоверение, которым «узаконил» брак своего собутыльника с женой большевистского комиссара.

Удостоверение.

(Копия).

Сие дано начальнику оперативного отделения штаба командующего войсками Псковского района полковнику Стоякину в том, что ему разрешается вступить во временный брак с Н. (в подлинном обозначены полностью имя, отчество и фамилия) впредь до возвращения ее мужа.

Поводом к расторжению брака может послужить также появление во Пскове жены полковника Стоякина.

Командующий войсками Псковского военного района полковник Булак-Балахович.

Вр. и. д. Начальника штаба (подпись)

15 июля 1919 г.

№...

Г. Псков.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПРИ ЮДЕНИЧЕ И БЕЛЫЕ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ.

В связи с появлением собственной территории остро встал вопрос об организации гражданского правопорядка в занятых местностях. При естественном сотрудничестве в деле восстановления и возрождения своей родины задача военных и общественных кругов разрешалась, казалось бы, совсем просто. Но вот этого-то единения не только не было, но со стороны военных кругов все время наблюдалось упорное сознательное, частью по невежеству в политических вопросах, стремление сделать гражданскую борьбу с большевиками исключительно своей монополией. Здесь, на северо-западном фронте, все дело осложнилось с самого начала, благодаря личности командующего армией ген. Родзянко. Заняв пост командующего вопреки желанию единственной организованной тогда русской общественной ячейки — Ревельского Русского Совета, при первых же успехах на фронте генерал стал игнорировать голос общественный самым откровенным образом. Его распоряжением была введена система военно-гражданского управления освобожденным краем, сводящаяся на практике к тому, что единственными устроителями и насадителями «новой» гражданственности в крае снизу и доверху явились исключительно г.г. военные. Фактически диктаторскую власть с генералом Родзянко разделил ген. Крузенштиерн, именовавшийся начальником тыла, в ведении которого находились управляющий гражданскою частью («нач. военно-гражд. управления») полк. Хомутов, начальник снабжения армии и населения полк. Роляков, начальник военных сообщений полк. Третьяков. Внешние сношения отошли к брату генерала полковнику К. А. Крузенштиерну.

У себя, в чисто военной области, ген. Родзянко обзавелся дежурным генералом, инспектором артиллерии и прочими громкими, но бутафорскими по размерам армии, должностями, на каковые должности, за редкими исключениями, были назначены персоны не ниже полковничьего чина. Про свои познания и таланты в области насаждения гражданского порядка ген. Родзянко сам высказывался весьма пес-

симистически, что не мешало ему, однако, залезать в эту область, когда вздумается, и развязно критиковать «общественников», когда они ему подвернутся на язык или под руку. Политическая физиономия огромного большинства его сотрудников оказалась определенно черного колера, а действительная, но тщательно скрываемая, ориентация, — на прусскую реакцию.

В одном месте своих воспоминаний ген. Родзянко жалуется, что начальнику тыла, ген. Крузенштиерну, приходилось работать в очень тяжелых условиях, «потому что чрезвычайно трудно было найти помощников и исполнителей: офицеры были нужны на фронте, а штатские люди предпочитали оставаться в Ревеле и жить спокойно или заниматься общественностью, а это последнее занятие гораздо больше вредило, чем помогало армии». Упреки направлены по адресу неприятного для ген. Родзянко Ревельского Русского Совета и крайне несправедливы по существу. Деятельности гражданского элемента в тылу не хотел сам Родзянко и его ближайшие помощники. Например, когда речь шла о назначении на должности волостных комендантов гражданских лиц, он возражал против штатских, потому, что фронт был близок (стр. 65), а когда услуги помощи предлагались в центре, по упорядочению хотя бы продовольственной части, начальник этого отдела отвечал посланному представителю общественности: «в советах ваших не нуждаемся, если вам что нужно, обратитесь к моему помощнику».

Русский Совет к тому времени, очевидно, понял все последствия своей овечьей политики по отношению к командованию и бросился за содействием к сидевшему в Гельсингфорсе ген. Юденичу. Формальным основанием к этому было то, что незадолго перед тем генерал Колчак назначил ген. Юденича главнокомандующим северо - западного фронта, и, следовательно, Родзянко оказывался подчиненным ген. Юденича. Была составлена соответствующая записка о Родзянко и Северном Корпусе. Член совета М. М. Филиппео повез ее в Гельсингфорс к ген. Юденичу, прося его приехать образовать немедленно гражданское совещание.

Юденич сказал, что он не может приехать, так как не знает, как отнесутся к нему эстонцы. Филиппео ответил ему на это, что все зависит от того политического курса, которого станет держаться генерал в Ревеле, и посоветовал ему также не медлить с поездкой на фронт, иначе его популярность в армии рассеется, как дым.

По политическим вопросам ген. Юденич направил Филиппео к А. В. Карташеву, которому Филиппео подал выше-

упомянутую записку, а копию ее дал И. В. Гессену для пересылки заграницу. Карташев жаловался Филиппео на борьбу с черносотенными тенденциями Трепова, Волконского, которую ему пришлось вынести вместе со Струве, но никакого конкретного совета не дал.

Через два дня (24 мая 1919 г.), после визита Филиппео сформировалось, однако, Политическое Совещание при ген. Юдениче. На русские круги по обе стороны залива состав его произвел крайне гнетущее впечатление, особенно совсем почерневший проф. Кузьмин-Караваев.

Совещание возникло единоличной властью ген. Юденича без всякого участия общественности. Попали только те, кого хотел ген. Юденич. Сюда пошли: генералы Суворов (внут. дела) и Кондзеровский (упр. делами), В. Д. Кузьмин-Караваев (продовольствие), С. Г. Лианозов (финансы) и А. В. Карташев (пропаганда). Неугодными в числе прочих оказались ныне покойный Е. И. Кедрин за то, что масон, и И. В. Гессен, как вообще неприемлемый для людей «истинно-русских» устремлений. У народившегося Политического Совещания быстро появилась местная гельсингфорская оппозиция, завязалась местная кружковая борьба и, вместо живого нужного дела, оно скоро стало гнездом реакционных замыслов для одних и пустой говорильней для других.

Убедившись на месте, что окружавшие ген. Юденича люди не могут оказать никакого оздоровляющего тыл армии влияния, М. М. Филиппео, по возвращении в Ревель, сделал в этом духе доклад Совету. Тогда последний обратился с новой запиской уже к начальнику тыла армии, ген. Крузенштиерну, в которой он решительным образом протестовал против начавшихся административных безобразий в занятой полосе. Ответа никакого не последовало. После этого Ревельский Русский Совет окончательно повис в воздухе.

Почти с первых же дней вся занятая белыми территория распалась на два, если можно так выразиться, воеводства: Югом — Псковская губ. — завладел атаман Булак-Балахович, на севере — в Гдовском и Ямбургском уездах — царила власть ген. Родзянко. Короткое время, около двух недель, до отъезда своего во Псков, когда его взяли эстонцы, в Гдове хозяйничали Балахович и Иванов.

В этот период Булак-Балахович положил начало своим знаменитым развешиваниям обывателей по фонарям, а Иванов попробовал сорганизовать «общественный гражданский совет г. Гдова и его уезда» — конечно, на тех же началах фиктивного участия подлинной общественности, как это описано мною во второй главе по отношению к Пскову.

20-го мая этот Совет (скоро переименованный в Гражданское Общественное Управление) издал постановление, послужившее отчасти образцом и для Псковской губернии. Из постановления вовсе не было видно, почему Совет употребляет всуе имя общественности, но зато под постановлением, грозившим за его неисполнение всеми карами «вплоть до самых решительных» в обстановке военного времени, гордо красовалась подпись председателя Н. Иванова. Все постановление представляло смесь либеральных потуг с довольно откровенным усмотрением. Устраняя всякую общественную инициативу и самодеятельность в деле устройства гражданской обывательской жизни, Совет предписывал по всем вопросам «как в городе, так и в деревнях» обращаться исключительно к нему (п. 1). Взамен сего гражданам милостиво разрешалось входить в Совет «с полезными для того или другого общественного дела краткими письменными указаниями» (п. 9). «Первым долгом» деревенских старост было «арестовать всех коммунистов и доставить военной власти» (п. 15). Авторы постановления, видимо, не дали себе труда подумать, к чему могла привести и привела на деле эта последняя «обязанность», выливавшаяся в повальное сведение мелких затянувшихся за революцию счетов и наполнившая потом невинными жертвами все тюрьмы и участки края. Но среди этих вольных и невольных ляпсусов и ошибок в постановлении Совета оно несомненно было дельное и нужное в обстановке того времени. Совершенно определенно и недвусмысленно Совет поставил неприятную для г.г. помещиков точку над «и» в аграрном вопросе: «воспрещается отбирать у крестьян занимаемые ими помещичьи земли, инвентарь и скот» (п. 6). Не предрешая какого-нибудь окончательного разрешения земельного вопроса, этот параграф вносил успокоение в крестьянскую среду, утешал ее затаенные за земельные захваты страхи перед пришедшими вновь «господами» и обещал в будущем придать устойчивость всей белой борьбе.

Иванов недолго был в Гдове. Во время приездов туда Родзянко он прятался, а когда Родзянко не было в Гдове, вперемежку с административной деятельностью, торговал, по словам Родзянко, какой-то колбасой по высокой цене. Коммерческий гений всюду неизменно преследовал этого «общественного» работника, и, начиная обычно за здравие «новой гражданской жизни», он неукоснительно кончал за упокой ее. После его исчезновения из Гдова все «общественные управления» в гдовском уезде сдуло, как ветром. Псевдолиберально-садистская балаховщина быстро сменилась белокрестной хомутовщиной.

То, что творил в Псковской губ. в этот период атаман Балахович со своей сворой, описано нами выше, но было бы несправедливым сказать, что все безобразия балаховцев кончались за пределами их несчастной сатрапии. Правда, таких грабежей и вымогательств, как это имело место в Псковской губ., в хомутовском воеводстве почти не наблюдалось, но пороть и нещадно расстреливать Хомутов и его сподвижник Бибиков начали с первых же дней по своем обосновании в Ямбурге. Однако, казни совершались здесь не так явно и откровенно, как у Балаховича; излишней афишировки Хомутов все-таки избегал, а совершенные убийства прикрывал фиговым листком военно-полевой юстиции, превращенной у него в единственные и постоянные суды. Все управление краем Хомутов сосредоточивал в руках многочисленных невежественных и алчных комендантов, руководствовавшихся больше своим собственным усмотрением, чем какими-либо законами, к которым эти господа чувствовали непреодолимое отвращение.

Не в лучшем положении оказалось экономическое состояние занятой полосы. Большевики были прогнаны в весеннее время, когда у крестьян северных губерний, недотягивавших своим хлебом до урожая даже в нормальное время, всегда ощущался недостаток в хлебе. А между тем, кроме основного населения, появилась армия, и продовольственный вопрос чрезвычайно осложнился. Далее, население имело на руках керенки и очень мало царских и думских. Эстония же, имевшая свои национальные марки, брала еще царские и думские, но решительно отказывалась от приема керенок.

Вся занятая нами полоса оказалась в новом финансовом и продовольственном тупике. Положение на местах создалось крайне тяжелое и неблагодарное для всякой власти: лишенные заработков горожане и многочисленное чиновничество, обессиленные с разбитым живым и мертвым инвентарем, но с горой потерявших цену керенок, крестьяне — вся эта масса людей жадно ждала от властей помощи, возлагая на эту власть почти неисполнимые надежды. И требовалось много энергии, организаторских талантов и просто элементарного политического такта, чтобы на пепелище, в обстановке первозданного хаоса, доставшегося от прошлой власти в наследство, не только удовлетворить самые острые, неотложные нужды различных слоев населения, но ни минуты не забывать о политической стороне предпринятого движения, т.-е. необходимости спаять и вдохновить население на дальнейшую борьбу, сделать белое дело делом самого населения. Ясно, что одних

сил г.г. военных было вовсе недостаточно. Дружная работа с представителями населения, с его общественными деятелями всех калибров, подсказывалась сама собой, если руководители армии действительно думали о строительстве здорового гражданского правопорядка в России, а не о реставрации.

На первых порах, казалось, сама судьба была милостива к белой власти. На помощь населению поспешила снабжавшая Эстонию хлебом американская Хуверовская организация — и острота продовольственного кризиса была несколько смягчена. Утоление мук голода, несомненно, являлось большим козырем в руках командования в городах, но хлеб вовсе не отпускался деревне и тем острее чувствовалась необходимость компенсировать этот пробел упорядочением денежного обращения и организацией товарообмена с соседней Эстонией, чтобы деревня могла удовлетворить свои элементарные потребности на деньги.

При таких условиях в Ревель из Гельсингфорса приехали члены организовавшегося Политического Совещания В. Д. Кузьмин-Караваев, А. В. Карташев и М. Н. Суворов. Приезд имел в виду, так сказать, обнародовать нарождение этого политического организма и начать новую страницу в истории гражданской борьбы на северо-западе России.

Сделав визиты представителям Антанты, эстонскому премьеру Штрандману и главнокомандующему ген. Лайдонеру, они вовсе обошли К. Пятся, пользовавшегося репутацией определенного руссофила, бывшего создателя эстонской республики и ее первого премьера. К своим русским приезжие отнеслись еще более невнимательно и холодно: на визиты видных русских людей не ответили, а на их предложение сотрудничества через секретаря г. Карташева, некоего Новицкого, процедили: «когда кто нужен будет — привлекут». При встрече с М. М. Филиппео г. Карташев сказал: «мы уже не те кадеты, которые раз выпустили власть, мы теперь сумеем быть жестокими». Как бы в подтверждение этой своей жестокости они наградили вскоре русскую область положением о гражданском управлении в занятых Северным Корпусом местностях, исходя из прежнего царского закона «о порядке управления в оккупированных войсками местностях». По существу это «положение» мало в чем разнилось от практически принятого самим Родзянко курса — управления областью посредством «усмотрения» г.г. комендантов — и потому приказ № 14 или «положение об уездных и волостных комендантах», изданное неделю спустя после отъезда из Ревеля членов Политического Совещания, явилось первым подарком диктаторски настроенных г.г. Кузьмин-Караваева и Карташева. То, что этот документ был подпи-

сан ген. Родзянко и полковником Хомутовым, не меняет сути дела, если не допустить одной невероятной вещи, что почти аналогичный приказ № 31, за подписью того же ген. Родзянко и признаваемый членами Полит. Совещания за свой не списан у ген. Родзянко. Сокрытие в том и другом случае настоящего автора произошло, по всей вероятности, не по вине творцов этих знаменитых приказов. Честолюбивый ген. Родзянко до поры до времени во всех официальных шагах и документах всячески оттирал ген. Юденича и его Совещание на задний план. Он хорошо понимал, что в числе противников его назначения командующим русской армией прежде всего был сам Юденич и появление последнего на политическом горизонте в качестве высшей правительственной власти над ним — Родзянко — он, разумеется, всячески оттягивал.

Вместе с членами Политического Совещания в Ревель приехал английский ген. Марш, представитель начальника антантовской прибалтийской миссии ген. Гофа. Ему надлежало укрепить авторитет ген. Юденича и его Совещания, и разрешить ряд наищекотливейших вопросов. Под его председательством устраивается (в середине июня) совещание, на котором присутствуют вышеуказанные три члена Политического Совещания, эстонцы, представители Антанты (англичане, французы, американцы) и вызванный в Совещание полупослушный ген. Родзянко.

К заседанию создается сложная коллизия взаимно-перекрещивающихся и почти противоположных интересов. Политическое Совещание хочет покорности ген. Родзянко, ген. Родзянко не желает Пол. Совещания, хочет покорности Балаховича и тех, кто не доволен в армии его самоназначением в командующие; эстонцы, действующие закулисно, требуют демократизации русского режима в занятых областях, а сторонники генеральской диктатуры по директивам первокадетского «национального центра» настаивают на старом рецепте: сначала успокоение, а потом реформы.

Ген. Марш пришел к Соломонову решению и в результате передал ген. Родзянко, очевидно, заранее приготовленную бумагу, состоящую из 4 пунктов. В передаче ген. Родзянко этот документ сводился к следующему: «1 пункт — мы должны помнить, что всю помощь Северной Армии Антанта дает исключительно лично в распоряжение ген. Юденича (американское продовольствие мукой и салом и обещанное англичанами обмундирование и боевые припасы. Автор); 2-й — мы должны питать чувство благодарности к эстонскому народу и правительству, так как армия формировалась на эстонской территории; пункт 3-й — я являюсь единственным командующим всеми русскими силами на эстонском фронте; 4-й — я сейчас точно не помню,

но в нем было что-то о демократических принципах, которым верна Антанта».

Всем сестрам по серьгам!

Вскоре после упомянутого совещания Родзянко попытался обойти ген. Юденича и его окружение другим путем. Игнорируя образовавшуюся политическую организацию, он послал в Гельсингфорс уполномоченного к ген. Маннергейму (тогдашнему главе Финляндии) и заявил через сего последнего, что он признает независимость Финляндии и предлагает ген. Маннергейму войти с ним — ген. Родзянко — в соглашение для общего наступления на большевиков. В случае, если бы эта не слишком тонкая дипломатия имела успех, престиж ген. Юденича и Политич. Совещания, в глазах финляндцев и без того невысокий, был бы окончательно подорван. Маннергейм ответил благодарностью и указанием, что в Гельсингфорсе уже есть представитель России ген. Юденич, с которым он и ведет все нужные переговоры.

Отмечу выпуклые, наиболее характерные черты знаменитого приказа № 14:

Обращают внимание §§ 1, 5, 6, 11 (права уездного коменданта) и § 14 (права волостного коменданта). Уездный комендант начальник всего гражданского управления вверенной ему территории, границы коей устанавливаются командующим армией (тогдашнего Отдельного Корпуса Северной Армии). Власть уездного коменданта поистине универсальная и безграничная. Трудно указать, что не подлежит ведению коменданта и чего он не мог бы делать, руководствуясь приказом № 14. Он мог производить всякого рода реквизиции, секвестры, имущества граждан, производить обыски и аресты, он назначает всех членов городского и земского управления, он око над прокурором, он окончательно утверждает приговоры военно-полевых судов, но он же ведает организацию духовно-просветительной борьбы с большевиками и их идеями. Сущий маленький диктатор какой-то, реальное воплощение мечты засевших в Гельсингфорсе членов «национального центра».

Правой рукой уездного коменданта являлся волостной комендант, прерогативы которого, правда, были поуже, но и он мог злоупотреблять всякого рода арестами людей и имущества, сколько его душе угодно. Не предусматривалось какой-нибудь тени хотя бы самого малюсенького контроля общества, не представлялось сему последнему ни грана самостоятельности.

«Едва ли нужны комментарии к этому акту государственной мудрости г.г. Родзянко и Хомутова — писал П. А. Бог-

данов в своей записке в те дни. — Достаточно сказать, что приказом № 14 вся северо-западная область со всеми ее животишками, все общественные и муниципальные организации были отданы на «воеводство» целой своре волостных и уездных комендантов. Появление приказа № 14 закончило первый период «белого управления», период «балаховщины», и открыло второй период веонно-гражданского управления при северо-западной армии, период «хомутовщины»... «Хомутовщина» усмотрение военных с обычными спутниками — произволом и насилием, но узаконенное, введеное в систему. В «балаховщине» идеологических предпосылок совсем нет, — «хомутовщина» имеет свою идеологию. Она хорошо выражена в одной из записок того времени по вопросу об организации полиции... «по продуктивности и целесообразности работы один пристав стоит всех мировых судей». Без этого пристава «в толще народной все добрые намерения власти будут сводиться к нулю». Короче говоря, — это идеология неприкрытых реставраторов».

Так налаживалась новая гражданская жизнь по рецепту и при содействии г.г. Кузьминых-Караваевых, Карташевых и К°, применительно к положению «об оккупированных местностях»!

«В области земельных отношений «хомутовщина», — продолжает П. А. Богданов, — принесла ту же прямолинейность и ясность, что и в области гражданского строительства: восстановить помещичий строй при посредстве будочника Мымрецова... Основа земельной политики периода «хомутовщины» достаточно ярко вырисовывается из двух приказов, следовавших один за другим. В них целиком выявилась тенденция власти. Они бросили деревню в лапы военной юстиции. Они нанесли страшный удар «белому движению», заставив вначале насторожиться, а позже отвернуться вовсе от него широкие крестьянские массы».

Приказы эти—№ 12 от 17 июня и № 13 от 19 июня 1919 г. Они кратки и красочны.

«Приказ № 12, — говорит Богданов, — пытается разрешить вопрос о переходе движимости от одних лиц к другим за время революции; в частности — вопрос о живом и мертвом инвентаре сельских хозяйств. Приказ № 13 «О временном пользовании землею» указывает, что окончательное решение земельного вопроса будет дано «имеющим быть созванным Российским Всенародным собранием». Для того, чтобы уяснить себе, чего добивались Родзянко и Хомутов изданием приказа № 12, надо хотя бы бегло всмотреться в те пертурбации, что произошли в движимости вообще, и в частности с сельско-хозяйственным живым и мертвым инвентарем за истекшие годы.

А произошло в общих чертах следующее. В городах движимость в части своей, рядом декретов центральных органов советской власти, равно и распоряжением органов местной власти, перешла от собственников в распоряжение учреждений и лиц, никаких прав по до-революционным законам на нее не имевшим, при чем некоторые акты перехода даже имели за собой полуторалетнюю давность. Например, вся жилищная обстановка распоряжением жилищных отделов горисполкомов была взята на учет и перераспределялась приказами этих отделов. Целый ряд товаров, находившихся в распоряжении частных торговцев, был взят на учет предкомами и распределен через кооперативные организации, коммунальные столовые, приюты и т. д. среди населения. Само собой разумеется, что отпуск товаров кооперативам производился на деньги, равно и кооперативы их продавали населению также за деньги. В сельских местностях переход движимости был еще сложнее. Там он начался сразу после февраля 1917 года, когда по России, правда в меньших размерах, чем в 1905 году, прокатилась волна погромов помещичьих имений, в результате которых часть движимости перешла к новым владельцам. В дальнейшем сельско-хозяйственный живой и мертвый инвентарь распоряжением земельных комитетов периода временного правительства, а позже большевистских земельных органов, распределялся, перераспределялся и опять распределялся в самых разнообразных и запутанных формах. Эти перетасовки коснулись не только имений, вне зависимости от того, кому они принадлежали, но и отдельных крестьянских хозяйств. Достаточно вспомнить учет и распределение сельско-хозяйственных машин и орудий, в силу которого плуг одного двора поступил во временное пользование другого, часто взамен другого орудия. Корова перекочевывала на другой конец волости и оттуда, в порядке купли-продажи, переходила дальше, наконец, что самое главное, в процесс всяких перераспределений была втянута вся сельская Россия, в частности, все северо-западное крестьянство, и положение это длилось к приходу белых уже два с лишком года.

И вот творцы приказа № 12 решили одним росчерком пера, в условиях гражданской войны, восстановить положение вещей, бывшее до революции, в срок, которого недостаточно было на то, чтобы довести приказ до всеобщего сведения.

«Всем лицам, захватившим самовольно и незаконно или получившим от большевистских (коммунистических) властей чужое движимое имущество... вменяется в обязанность в течение десяти дней со дня опубликования сего постановления, вернуть таковое имущество собственникам или вла-

дельцам»... Да еще при перспективе попасть под военный суд, результаты деятельности которого так красочно демонстрировались во всей области: в Гдове у дома городского головы, в Ямбурге — на площади, в деревнях на первом попавшемся суку.

Где органы, ведающие процессом передачи? Каков порядок передачи? Как определить, что «мое», а что «чужое»? Каковы дальнейшие последствия факта возврата. Вот те первые недоуменные вопросы, что встали перед крестьянством. А за ними всеми стояла угроза военным судом и боязнь доносов на основании пункта 3-го приказа № 12. Приказ № 12 бросил земледельческое население в лапы междоусобицы, сведения личных счетов, дал почву для мести и благоприятную обстановку для ловцов рыбки в мутной воде.

Результаты не замедлили сказаться: у комендантов в волостях и уездах появились сотни дел «о возврате самовольно захваченных», при чем, как общее правило, проситель, кроме захвата, инкриминировал захватчику и «сочувствие» или «принадлежность» к коммунистам. Первыми стали пользоваться приказом № 12, как базой для своих исков о «возврате», бывшие помещики и крупные земельные собственники. Тюрьмы наполнились задержанными «впредь до выяснения», при чем «выяснение» длилось месяцами и дело не выяснялось, а еще более запутывалось. Сотни лиц были казнены. «Усмотрение» комендантов всяческого ранга получило для себя богатую почву.

Если приказ № 12 черным по белому «вменял в обязанность» возвратить все движимое имущество прежнему владельцу, то приказ № 13 пытается вернуть и землю «прежнему владельцу», то-есть восстановить старое помещичье землевладение.

Выше мы говорили, что к маю 1919 года все без исключения земли, живой и мертвый инвентарь были в распоряжении крестьян и органов советской власти, при чем переход земель происходил двояко: явочным (захватным) порядком и через агентов советской власти. Другими словами, помещичье землевладение и вообще землевладение крупное в прежнем, до-революционном виде его, существовать перестало. При этом, как общее правило, частновладельческие земли, в том числе и помещичьи, оказались в ведении земотделов, или всевозможных артелей (сельскохоз. коммуны, артели, коллективы и пр.), сложившихся главным образом, из батрацких элементов деревни. Надельные крестьяне, тоесть громадное большинство деревни, за некоторыми небольшими исключениями, не увеличило площади своего землевладения и варилось в своем собственном соку, переделяя свои же надельные земли, живя мечтою, как и до

революции, расширить площадь своего владения за счет всевозможных «совхозов».

Несколько иначе дело обстояло с землями непахотными (покос, выгон) бывших частных владельцев. Они, как общее правило, всевозможными распоряжениями земотделов были переданы во временное пользование (обычно на одно лето), как отдельным крестьянам, так и целым деревням, часто с известным обложением в пользу земотделов. Но, повторяем, общая картина земельных отношений от этих передач не менялась: землею распоряжались крестьяне или органы советской власти.

Приход белых изменил эту картину только в одной ее части — органов советской власти не стало. Часть земель осталось беспризорной (бывш. сов. хозяйства, земли показат. значения и т. д.).

Само собою разумеется, изменилась психология крестьянских масс: они насторожились, ожидая новой земельной политики, готовые или целиком пойти за белыми, или отвернуться от них, если белые не сумеют правильно понять их чаяния.

Чаяния крестьянства учтены не были. Творцы приказа № 13 вполне недвусмысленно с солдатской прямолинейностью заявили, что на место отпавших органов советской власти должны стать прежние ее владельцы (то-есть помещик, крупный земельный собственник, церковь, монастырь и проч.), которым и должна уплачиваться аренда за землю (п. 3 приказа), при чем его постарались сейчас же распространить на всех «граждан», которым было разрешено собрать в 1919 году урожай на обработанных и занятых ими землях (п. I приказа). Пунктом 4-м прежнему владельцу возвращалась усадьба, то-есть живой дом с необходимыми постройками и площадь, занятая садом и огородом, покосы также (п. 8-й). Другими словами, частный владелец по приказу № 13 восстанавливался полностью: за пахотную землю получает аренду (большего творцы приказа здесь сделать не могли, ибо земли были обработаны и засеяны); усадьба поступает в его полное распоряжение; непахотными угодиями он распоряжается по своему усмотрению (хочет — сдает, хочет — не сдает в аренду). Наконец, приказом № 12 ему дается право получить обратно живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь.

Так разрешался приказом № 13 вопрос о частновладельческих землях. Но этого мало: пункты 5 и 6 бросили камень раздора в самую толщу деревни запрещением переделов на будущее время и признанием недействительными уже произведенных переделов... Отмена переверстки и перспектива возврата к исходному положению поднимали вновь уже из-

житую однажды распрю, заставляли сломать чуть ли не весь, а местами и весь севооборот. Нельзя обойти молчанием и общий дух приказа — ясно выраженную тенденцию возвратить прежние дореволюционные формы земельных отношений, возродив частновладельческое землевладение, загнав мужика в прежние рамки своих наделов.

Практика применения приказа № 13 дала не менее плачевные результаты, чем применение приказа № 12. Наиболее ретивые из господ частных владельцев стали требовать выселения из имений засевших там бывших батраков и малоземельных крестьян со всем их сельско-хозяйственным скарбом и передачи бывших имений по принадлежности. Все без исключения частные владельцы пожелали получить аренду за пахотные, выгонные и покосные земли. Многие стали добиваться аренды не только вперед за 1919-20 г.г., но и за годы революции, когда никаких уплат не производилось. Появился ряд дел, связанных с желанием или нежеланием отдельных хозяев и целых селений удовлетворить такого рода претензии. Не замедлили сказаться и любители легкой наживы, — вымогатели и шантажисты, за счет нежелания мужика судиться у военно-полевой юстиции. Канцелярии комендантов и земельных органов оказались заваленными новыми делами. На деревню посыпались допросы, дознания, аресты с вызовами за десятки верст, обиванием порогов, потерею рабочего времени, обвинениями в сочувствии или принадлежности к коммунистам, приводившими иногда обвиняемых к смертной казни».

Я нарочно привел эту длинную цитату из записки П. А. Богданова. Многое из того, о чем писалось в записке. ему хорошо было известно, как человеку, еще вчера только вышедшему из этой среды.

Вредные приказы немедленно же поддерживаются еще более вредной деятельностью знаменитого Маркова II.

В книге приказов по военно-гражданскому управлению от 17 июня 1919 года № II § 4 за подписью гвардии полковника Хомутова значится следующая запись: «Командируется обер-офицер для поручений штабс-капитан Лев Черняков по делам службы в объезд территории отдельного корпуса Сев. Армии». Под офицерским чином и чужой фамилией счел необходимым укрыться Марков II, одно присутствие которого тут лучше всего свидетельствовало о физиономии главного штаба ген. Родзянко и его пресловутого военно-гражданского управления. Очевидно, здесь считали методы г-на Маркова вовсе не изжитыми и настолько, что вскоре, если не ошибаюсь, после его знаменитой командировки по «оккупированной» области, гор. Ямбург обогащается определенно погромной и черносотенной газетой «Белый Крест». Для на-

звания газеты берется та же эмблема, которой, согласно приказа того же самого гвардии полковника от 24 июня 1919 года, 15, § 2, покрываются левые рукава шинелей всех офицеров и военных чиновников армии. Редакция газеты водворяется в самом помещении военно-гражданского управления, что впоследствии без всякого труда при первом осмотре канцелярии и бумаг констатирует преемник Хомутова К. А. Александров. Вполне основательно не доверяя эстонцам, газету распространяют только на своей территории с помощью развозящих при «служебной командировке» офицеров-марковцев. Газету усиленно навязывают во Пскове, Гдове, Ямбурге, лезут с ней по деревням.

Одновременно с Валяй-Марковым, совершившим свою инспекторско-агитационную поездку по области, во второй половине июня на фронт выезжал член Русского Совета М. В. Филиппео. Картина оказалась неприглядной. Офицеры жаловались на то, что жалованья не платят, продовольствия мало, нет порядка, спекуляция, взятки. Общее впечатление о настроении военных верхов — черносотенство, «жид» и «коммунист» — синонимы. «Демократические принципы, которым верна Антанта», служили здесь только для внешнего употребления, когда нужно было подбрасывать прокламации красным. Впрочем, рога господ Марковых в каждой такой прокламации просвечивали довольно явственно: «жиды» и «учредительное собрание» причудливо переплетались между собою в листовках «штаба белой армии». Вот одна из таких характерных прокламаций, выпущенных летом 1919 года, значущаяся в числе присланных при отношении начальника военно-цензурного отдела штаба Северо-Зап. Армии от 20 сентября 1919 года за № 82 на имя открывшегося при министерстве внутренних дел Сев.-Зап. Правит. отдела пропаганды:

Красные офицеры и солдаты.

За что вы боретесь и за что мы подняли оружие?

Вы боретесь за комиссародержавие, за лживую власть Апфельбаумов (Зиновьев), Бронштейнов (Троцкий), Нахамкесов (Стеклов), Розенфельдов (Каменев), Калининых, Петерсов, которым не дорога наша Родина и нужен один лишь позор ее.

Мы боремся за Учредительное Собрание, за всенародный и свободный выбор любящих родину людей, у которых одна мысль и одно сердце с народом.

Вы боретесь за интернационал, за то, чтобы Русскими природными богатствами могли распоряжаться не русские, а всякие проходимцы — Бронштейны, Нахамкесы

и Рабиновичи, называющие себя Троцкими, Петровыми, Стекловыми и Сидоровыми.

Мы восстанавливаем Национальное Единство и национальное хозяйство, чтобы хозяином земли Русской и ее неисчерпаемых богатств стал сам народ Русский, и чтобы никто другой, а сам он воспользовался тем, что дает ему его Родная Земля.

Вы насаждаете коммуны, которые дают возможность лентяям и тунеядцам пользоваться плодами трудящихся рук.

Мы отстаиваем право собственности. Всякий имеет право на то, что ему законно принадлежит; всякий имеет право приобретать честным трудом то, что ему недостает. Всякий должен иметь право свободно распоряжаться тем, что он добыл трудами своими.

Вы разрушаете церкви и уничтожаете православную религию. Отнятие святых икон у школьников, превращение христианских церквей в театры, клубы и кинематографы, расстрелы священников, насильственная мобилизация духовных лиц в красную армию, запрещение общественных молебствий и крестных ходов, осквернение святых мощей — не издевательство ли это над тем, что столь дорого верующему сердцу русского народа?

Мы восстанавливаем поруганную религию и полуразрушенные храмы. Пусть с прежней силой засияет в душе русского народа вера в Христа и в его святую церковь. И пусть каждый верующий свободно осенит себя крестным знаменем и помолится за спасение погибающей Родины, ибо велик бог земли русской.

Вы отстаиваете наглый произвол и гнусное насилие большевиков, комиссаров и их наемников — китайцев, латышей и коммунистов. Защищая их, вы даете им возможность растреливать, грабить и истязать ваших же братьев, сынов, отцов, жен, без всякого суда и следствия.

Нам сопутствует полное покровительство закона. Закон—равный для всех и все равны перед законом. За преступление — всем одинаковое наказание. Мы восстанавливаем уничтоженную свободу мысли и печати. Свободная печать должна открыть глаза Народу на все злоупотребления теперешних советских властителей.

Мы втянуты в бесконечную войну со всем миром. Троцкие и Зиновьевы хотят затопить всю землю в братской крови. Они натравливают рабочих на крестьян, крестьян — на рабочих, сынов на отцов, отцов на сынов.

Мы несем мир земле Русской. Немедленно после свержения пропитанной кровью русских людей большевистской власти должна быть восстановлена свобода мирного труда. Довольно уже наши поля обагрялись русской кровью по вине проходимцев, у которых нет своего отечества. Пусть же вся пролитая ими кровь русская падет на их голову. Пора тебе, русский человек, последний раз взяться за оружие и, свергнув иго красных палачей, окончательно вернуться к домашнему очагу и мирному труду. С нами хлеб, с нами мир, и хозяин земли Русской — Учредительное Собрание.

Штаб белой армии.

Кое-в-чем из внутренней политики пришлось все таки уступить. Досаждал время от времени Ревельский Русский Совет, с другой стороны, к уступкам вынуждала сложившаяся фактическая обстановка. В пику Балаховичу и для поднятия собственного авторитета, во Пскове допустили функционирование городской думы времен кн. Львова, а в Ямбурге функционирование земства, потому что пользующийся огромным влиянием в этом уезде бывший член последней государственной думы И. Т. Евсеев так же, как и Ф. Г. Эйшинский во Пскове, не пожелал занять должность председателя земской управы по назначению.

Но это были лишь островки в море произвола и усмотрения. Общественность явно не пользовалась фавором. Если во Пскове при встрече с председателем думы ген. Родзянко лепетал еще что-то об «учредительном собрании», то здесь у себя дома — в Нарве, Ямбурге и Гдове — он встречал общественных деятелей, как городничий купцов в «Ревизоре».

«Пришла как-то в конце июня, — рассказывает Е. К. Шульц, — депутация от Русского Совета к ген. Родзянко. Выходит он, запоздав, в зал, и говорит: «Ну и жара же... (следует непечатная брань), а вы что здесь? — обращаясь к депутации, — а, Ивановцы! Что это Иванов во Пскове делает, хороводится с Балаховичем. Я его распустил. Хватайте Иванова за... (опять непечатное указание) и повесьте его, а Балаховича я сам расстреляю. Он не военный человек, он — ксендз-растрига, он разбойник. Когда понадобится, я его расстреляю».

Сидя во Пскове, окруженный своими верными ушкуйниками, Балахович только посмеивался над такими угрозами, но по отношению к поданным в воеводстве самого Родзянко подобные угрозы, произносимые на каждом шагу, не были пустыми словами. Расстреливал ли когонибудь собственноручно ген. Родзянко, мне не доводилось

слышать, но постоянное злоупотребление этой угрозой действовало самым растлевающим образом на его подчиненных. Стоглавая гидра комендантов распоясалась, что называется во-всю. Военно-полевой суд, подчиненный комендантам, работал с молниеносной быстротой. Заподозренных в коммунизме вешали, расстреливали, а оставшееся имущество «конфисковали». Вот несколько иллюстраций:

Копия.

Секретно.

29 июля 1919 г.
№ 1645/к.

Главному Начальнику Тыла С.З. Армии.

Рапорт.

Доношу Вашему Превосходительству, что в производстве Контр-Разведывательного пункта № 2 вверенного мне Отделения находилось дознание о Петре Михайловском, состоящем управляющим имения «Георгиевск», Ямбургского уезда, принадлежавшего предводителю дворянства названного уезда, графу Сиверсу. К этому дознанию было присоединено другое дознание, возникшее к этому же пункту об Иване Каттеле.

Как Михайловский, так и Каттель привлекались к дознанию в виду того, что против них было возбуждено обвинение в прикосновенности к большевизму или коммунизму. Однако, при расследовании, производивший таковое Начальник К.-Р. пункта № 2 признал обвинение Михайловского и Каттеля недоказанным. Вместе с тем, усмотрев из обстоятельств дела, что на Михайловского и Каттеля падает обвинение в расхищении разного имущества, принадлежащего владельцу имения «Георгиевск», а на Михайловского сверх того и обвинение в именовании себя неприсвоенным ему званием офицера, препроводил оба дела через Ямбургского Уездного Коменданта Военному Прокурору Военного Суда С.-З. Армии на том основании, что производство расследований и дознаний по делам, подсудным Военному Суду, в круг ведения Контр-Разведки не входит.

Военный прокурор, однако, не нашел возможным обратить дела о Михайловском и Каттеле к производству предварительного следствия, в виду полной неопределенности и противоречивости свидетельских показаний относительно существа предъявленных к Михайловскому и Каттелю обвинений, и дела о них возвратил обратно Ямбургскому Областному Коменданту. Такое направление дела, по моему мнению, не представляется правильным, так как усмотрен-

ные Военным Прокурором в актах дознания, неопределенность и противоречие в свидетельских показаниях предоставляли ему по закону право для устранения таковых и выяснения существа обвинения подсудимых суду, предложить полиции произвести по этим делам тщательное дознание под наблюдением лица прокурорского надзора.

Комендант, получив, от Военного Прокурора дознание о Михайловском и Каттеле, на предварительном отношении Военного Прокурора, при котором препровождались оба дела, положил резолюцию в отношении одного только Михайловского, отдав распоряжение о предании его военно-полевому суду за присвоение не принадлежащего ему офицерского звания, хотя до настоящего времени еще не издано обязательного постановления о передаче дел по такого рода обвинениям на рассмотрение военно-полевых судов.

Военно-полевой суд, как это видно из протокола его заседания, вошел в обсуждение вопроса о виновности Михайловского не только в том проступке, за который он был предан суду, но вошел и в обсуждение еще и обвинения в тех преступлениях, за которые Михайловский даже и не был предан суду, а именно: обвинения в поддержке Советской власти и в расхищении доверенного ему имущества.

В каком порядке, кем и за какое преступление был предан Военно-Полевому Суду Каттель, — из дела не видно, но из протокола заседания Военно-полевого суда усматривается, что военно-полевой суд судит Каттеля за принадлежность к партии коммунистов, а также за расхищение доверенного ему имущества.

Михайловский и Каттель признаны судом виновными и приговорены к смертной казни через повешение. Приговор в отношении их приведен в исполнение. Обсуждая обстоятельства дела о Михайловском и Каттеле, я считаю необходимым обратить внимание на то, что Михайловский являлся лицом уполномоченным владельцем имения «Георгиевск» на управление имением нотариальной доверенностью, при чем в силу русских законов, действовавших до 27 октября 1917 г., и неоднократных разъяснений Правительствующего Сената, мог быть привлечен к ответственности за растрату вверенного ему имущества только по жалобе потерпевшего или его законных представителей и не иначе, как после признания надлежащим судом гражданским того обстоятельства, что он переступил пределы данной доверенности. В обстоятельствах дела о Михайловском можно почерпнуть указание на то, что деятельность Михайловского, во время господства большевиков в Ямбургском уезде, могла быть объяснена его желанием сохранить

для своего доверителя принадлежащее последнему имущество. Поэтому осуждение Михайловского за расхищение вверенного его управлению имущества без допроса того лица, которое его уполномочило на управление этим имуществом, или без допроса законных представителей такого лица, представляется существеннейшим нарушением правомерности. (Эти лица на дознании не были допрошены, так как для целей Контр-Разведки допрос их представлялся излишним).

По тем же основаниям, какие приведены в отношении Михайловского, представляется неправомерным и суждение Каттеля военно-полевым судом за расхищение имущества, так как в таком деянии он обвинялся, как соучастник Михайловского.

Обвинение Михайловского в именовании себя неприсвоенным ему офицерским званием составляет проступок, предусмотренный 1416 ст. Улож. о Нак., и влечет за собой наказание: штраф или кратковременный арест. Ответственность за такое деяние, с начала войны до 1917 г. включительно, по постановлениям Командующего Армиями фронта на основании 417 ст. Положения о военно-полевом управлении войск в военное время, была усилена, в виду чего и наказание за этот проступок было повышено до отдачи в исправительные арестантские отделения на 1 г. 4 м. с лишением прав. Временным же правительством были отменены все постановления командующих лиц, изданные в порядке упомянутой 417 ст. в целях повышения наказания.

Таким образом, для усиления наказания за именование себя непринадлежащим офицерским званием было необходимо согласно 417 ст. Положения военно-полевого Управления войск в военное время, чтобы, до совершения Михайловским этого проступка, Командующим Армией был выдан приказ об усилении наказания за такое деяние и чтобы этот приказ был предварительно объявлен для всеобщего сведения установленным порядком.

На основании изложенного, находя, что предание Михайловского военно-полевому суду за присвоение непринадлежащего ему офицерского звания, а затем, суждение его военно-полевым судом за те деяния, за которые он вовсе не был предан военно-полевому суду, заключает в себе указание на признаки незакономерных действий Ямбургского областного коменданта и назначенного им военно-полевого суда, считаю необходимым довести об этом до сведения Вашего Превосходительства.

Равным образом, по моему мнению, является неправомерным и суждение военно-полевым судом Каттеля за принадлежность к партии коммунистов и расхищение доверен-

ного ему имущества, тем более, что ни в деле о самом Каттеле и Михайловском, к которому дело Каттеля было присоединено, не содержится никаких указаний на то, состоялось ли вообще предание Каттеля военно-полевому суду, и если состоялось, то, кто предал его военно-полевому суду и за какие именно преступные деяния.

Коллежский советник (подпись).

Делопроизводитель: титулярный советник (подпись).

С подлинным верно:

Делопроизводитель титулярный советник (подпись).

Михайловский и Каттель были не простые мужики или безвестные городские обыватели. За них усиленно всюду хлопотали, дело о них дошло (хотя, увы, после их смерти) даже до самого начальника тыла сев.-зап. армии. Иначе происходила расправа по волостям с так называемой мелкой сошкой. Беру на выдержку одно, два из самых рядовых распоряжений уездного коменданта по Мошковской волости, Гдовского уезда.

Управление коменданта.
Гдовского уезда
По части Строевой
№ 7074.
3 июля 1919 года.
Гдов, Петроградской губ.

Коменданту Мошковской волости.

Фельдшера разрешаю оставить, а лиц подозрительных и возбудивших население арестовывайте и представляйте ко мне. По постановлению Военно-Полевого Суда уже расстреляно 6 человек.

Уездный комендант Гв. Полковник (подпись).

Временно исп. обяз. Адъютанта
Прапорщик (подпись).

Управление коменданта.
Гдовского уезда
По части Судной.
№ 675.
31 июля 1919 года.
Гдов, Петр. губ.

Коменданту Мошковской волости.

По постановлению Военно-Полевого Суда граждане: дер. Дымоколь, Мошковской волости, Семен Калин повешен,

дер. Зуевиц той же волости Константин Германов расстрелян, а потому предписываю Вам конфисковать их имущество, оставив для их семьи самое необходимое для прожития.

Уездный комендант Гв. Полковник (подпись).

Делопроизводитель Судной части

губ. секретарь (подпись).

Аналогичных распоряжений комендантов можно найти сколько угодно и по другим волостям, но я не стану приводить их тем более, что сами духовные отцы приказа № 14 — г.г. Кузьмин-Караваев, Карташев и Суворов откровенно потом признались в своей книге, что «коменданты, уездные и волостные допускали постоянное превышение власти. Политические задачи преследовались неумело, все сводилось к жестокости». Авторы этого пессимистического резюме забыли только одно добавить, что дух и содержание приказа заранее развязывали руки комендантам и что «превышение власти» со стороны последних было логическим завершением приказов №№ 14 и 31.

В короткое время ставленники Хомутова дали себя знать повсеместно, и запуганные крестьяне робко осведомляются у заезжих чиновников: «что же это такое, это новая власть?». В рапорте некоего военного чиновника Васильева от 16 июня 1919 г. читаем, что всюду «крестьяне интересуются Временным Правительством, в данное время спасающим Россию. По данному вопросу народу желательно знать, где и под чьим руководством действуют правительства, что ими уже сделано и какая конечная цель каждого из правительств». Информация, по мнению г. Васильева, тем более необходимая, что со стороны большевиков проникают растлевающие ум и душу сведения, крестьяне находятся в положении неустойчивости и полной шаткости их мнений... и при том не знаю, *какими законами руководствоваться*». (Курсив мой В. Г.). В ответ на это, как мы видим, крестьяне дождались целого ряда таких приказов, в которых подлинная физиономия новой власти вырисовывалась с исчерпывающей полностью.

Финансовое и экономическое положение края так и не улучшается. Власть не только не в состоянии оживить производительные силы населения, наладить деятельный товарообмен, но она сама то и дело ломает голову, где бы достать денег, чтобы заплатить жалованье армии и многоголовому, непомерно распухшему тылу.

Когда проект делать фальшивые керенки был отвергнут Политическим Совещанием, а другого более морально приемлемого выхода совещание не указало и денег само не до-

было, финансовый отдел при начальнике тыла, чтобы наполнить пустующую правительственную кассу, вынужден был выступить пред населением в роли ростовщика. Началась знаменитая и скандальная продажа американской муки населению, с «молчаливого одобрения» Политического Совещания «по цене в шесть раз большей против цены, по которой отпускало ту же самую американскую муку по карточкам эстонское правительство, и почти в три раза дороже рыночной вольной цены».

Но не помог и такой чисто-ростовщический прием. На совещании в Гельсингфорсе в конце июня, после доклада членам Политического Совещания начальника снабжения армии полк. Полякова, выяснилось, что расходная смета на июль 60 милл. руб., а доход от муки составил не более 7 — 8 милл., так как американцы не дозволили продавать более ½ фунта на душу. Пришлось разрешить выпуск армейских денег (так наз. «родзянок») исключительно под генеральские погоны, как острили в то время в Ревеле, сначала на 5, а потом на 30 милл. рублей. Кроме того, Политическое Совещание постановило приступить к печатанию в Стокгольме кредитных билетов полевого казначейства, с гарантией оплаты по взятии Петрограда на один миллиард двести миллионов рублей.

Куда же должна была пойти эта прорва денег?

Исключительно на нужды армии — был ответ полк. Полякова. «Сейчас в армии, — говорит он, — числится 51.240 человек. Хорошо обуты и снабжены только небольшая часть. Англичане давно обещают снабжение, но до сих пор ничего нет. Если снабжение обещают и оно придет, то только на 10.000 человек; для остальных надо купить, а для этого надо 45 миллионов рублей единовременно... Большой доходной статьей может быть лен, но, во-первых, он имеется в большом количестве, около 4 миллионов пудов, в соседних, еще не занятых нами уездах, во-вторых, за него надо давать крестьянам товар, которого у нас совсем нет. Единственный выход, печатный станок. Разрешенных 5½ мелких казначейских свидетельств хватит лишь на очень короткое время, нужно усилить печатание. Дисциплина в отрядах не блестяща — это не современная армия, а ландскнехты. Задержка уплаты им жалованья опасна, они склонны обирать местное население. Во многих мелких единицах есть двухнедельные запасы муки, которые они скрывают, везя за собой, закапывая в землю. Чтобы увеличить паек, части не ведут ведомости убитых и убежавших — вообще вся канцелярская часть в скверном состоянии. Почти весь отряд в ужасном состоянии — без сапог, в рваной одежде, без белья. Трудности

с поставщиками тоже очень велики. Один из них попался на крупную сумму; документы, относящиеся к этому делу, прислали ко мне. Подрядчик явился с револьвером в руках и угрожал, что пристрелит, если буду вмешиваться в это дело. Все, что я позволил себе, это не выдать документы, которые спрятал у знакомых для безопасности» Такой армии, фиктивной, раздутой в 5 — 6 раз против действительности, таких настроений, как рисовал г. Поляков, конечно, страшно было задерживать жалованье. Но даже и при том дутом числе солдат, о котором формально доносили полк. Полякову, требуемая сумма денег была несоразмерно велика. Рядовой офицер получал не более 1½ — 2 тыс. руб. жалованья в месяц, а недостававших предметов обмундирования на «родзянки» тоже нельзя было купить, потому что в занятой полосе население само было полураздето и не могло дать ни сапог, ни шинелей вне же этой полосы «родзянки» не имели ровно никакой цены и не считались за деньги. Таким образом, жажда, с позволения сказать, даже к такому денежному хламу, как «родзянки», исключительно питалась нравами распухшего до-нельзя тыла и надеждой всякого рода пиявок, кружившихся вокруг армии, выкачать у населения на эти деньги последние остатки добра. Вот они-то, надев всевозможного вида погоны и кокарды, окопавшись прочно в глубоком тылу, и нажимали на полк. Полякова, раздувая всяческие «сметы», «табели» и «ведомости». Расчет не совсем удался: «родзянки» шли туго в населении, доминирующей оборотной валютой попрежнему оставались керенки.

В поисках денег пробовали оживить товарообмен занятой полосы с «за границей», т.-е., главным образом, с Эстонией, надеясь таким путем иметь солидный доход от пограничных таможен и от монополизирования права вывоза какого-нибудь отдельного продукта. Но крупных статей для вывоза, чтобы приобрести, например, английскую валюту, почти не было, а для мелкой и средней торговли помехой служили те же керенки. Продав товар за эти деньги в русской полосе, купец лишался возможности купить на керенки новый товар для продажи вне этой полосы. Ясно, что если товары и привозились сюда, купцы требовали в обмен думские и царские, которых у населения сохранилось очень мало. В связи с создавшимся положением происходило несколько весьма разнообразных совещаний в Ревеле, Пскове и Ямбурге по вопросам валютному и товарообмена. Предлагалось аннулировать керенки, но против этого решительно возражали псковская гор. дума и ямбургское земство. В результате ни к какому окончательному решению не пришли, решив поднять вопрос о керенках, когда будут свои более или менее

прочные деньги. Товарообмен поручено было наладить вновь образованному при начальнике снабжения армии торговому отделу.

Необходимость урегулировать валютный вопрос и тем поднять жизнедеятельность населения, помимо соображений в интересах государственной казны, была крайне неотложна по чисто политическим мотивам.

Тяжелое финансовое и экономическое положение, в которое, при создавшихся условиях всеобщей российской разрухи, попадала на первых порах всякая белая власть, усугублялось в данном случае (или вернее во всех «белых», случаях) повседневным произволом, чинимым над населением многочисленными агентами власти. Взять хотя бы подводную повинность. Одна из самых тяжких и разорительных для крестьян, она в первое время исполнялась населением довольно охотно. Мужики вначале всемерно сочувствовали дествиям и передвижениям белой армии. Но с течением времени «право подводной повинности», которым следовало пользоваться очень осторожно и разумно, перешло всякие границы исполнимого, а главное, морально допустимого.

«... Настроение крестьян прифронтовой полосы, — рапортовал один офицер своему начальству в августе 1919 г., — на много благонадежнее и сочувственнее к белому правительству, чем крестьяне в глубине уезда, благожелательность которых к белым составляет желать многого, да, кстати сказать, вполне обосновано, так как самоуправство наших частей и лиц, следующих по разным казенным надобностям, непомерно велико: случаи краж, неплатежа за продукты, отобрания без всяких расписок хорошей лошади и оставления худой казенной, принуждение подводчиков ехать две или три, а в других случаях и более подводных станций (в виду нежелания обождать вызова дежурной подводы) вселяют обоснованное возмущение».

И все это только «цветочки» в сравнении с теми «ягодками», которыми еще дарили разные г.г. военные чиновники. Под видом казенной повинности эти господа сплошь и рядом гоняли лошадей по частным делам, причем даже не особенно старались скрывать это от подводчика, пользуясь дискреционною властью «вязать и решать».

Мужики очень страдали от подводной повинности, но еще больше от злоупотребления ею. Большевистское хозяйничанье в деревне сильно посократило наличный конский инвентарь и всякая явно расточительная эксплоатация его вызывала у крестьян злобу. Лошадь и работник отрывались от работы на поле, в лесу, в домашнем хозяйстве, часто в самое нужное, горячее время. А когда мужик огрызался (если находился такой смельчак), на него, кроме конкретных

скорпионов, в виде кутузки, сыпались упреки, что его симпатии к белому делу «основываются главным образом на интересах брюха».

Требовали от мужика того, чем сами не могли похвалиться на протяжении всей белой эпопеи.

Печальное политическое и экономическое положение «оккупированной» местности заставляло в свое время много говорить о власти, покрывавшей своим флагом весь фасад этого неприглядного здания. Винили главным образом Балаховича, Родзянко, Хомутова, Бибикова, вообще ту группу офицерства, которая стояла на верхах и вовсе не подозревала о существовании какого-то Политического Совещания при ген. Юдениче. Про последнего только говорили, что он эрзерумский герой и что ему почему-то мешает в его стремлении упорядочить тыл бюрократическое средостение, образовавшееся вокруг ген. Родзянко. В толпе обывателей относительно личности ген. Юденича преобладало вначале скорее хорошее, чем плохое мнение: на генерала возлагались большие надежды. Местные Добчинские и Бобчинские, например, совершенно доверительно говорили всем и каждому, что сам-то он, мол, давно желает покончить со всеми безобразиями тыла и даже назначил с этой целью особого главноуправляющего гражданской частью, некоего г. Александрова, человека образованного, юриста по профессии, и что вот, когда этот Александров приедет и вступит в свою должность, повсеместно будет произведена генеральная чистка.

Но Александрова не дождался ни Псков, ни Ямбург, а с Юденичем широкая публика познакомилась позже, когда он стал действовать уже в качестве члена сев.-зап. правительства.

Что же делало в таком случае Политическое Совещание и сам ген. Юденич за те 2½ месяца, когда вся занятая область возглавлялась ими юридически?

Если эти деятели не в силах были изменить создавшегося, помимо их воли, тяжелого экономического положения населения, то в какой мере они ответственны за весь тот политический произвол, который так пышно развернулся в печальные дни балаховщины и хомутовщины. Какова была идеология Политического Совещания и самого ген. Юденича и какие меры борьбы с воцарившимся безобразием предпринимали эти люди, если они только действительно хотели этого.

Раньше я уже говорил вскользь об отдельных мероприятиях этой власти. В настоящей главе постараюсь поближе подойти к этой группе общественных деятелей, в лице ее

главных руководителей г.г. Карташева, Кузьмина-Караваева, Суворова и самого ген. Юденича.

Былой либерал, противник смертной казни, проф. Кузьмин-Караваев в эмиграции оказался совсем черным. В своей среде он распоясывался в этом смысле настолько, что временами становился нестерпимым даже для елейного в обращении г. Карташева. Последний не раз жаловался на реакционные тенденции Кузьмина-Караваева И. В. Гессену, А. И. Каминке и другим общественным деятелям. Для «возрождаемой» России, в частности для Петрограда, почтенный профессор готовил чисто аракчеевский режим, и, повидимому, вовсе не подозревал, что своими откровенно-марковскими заявлениями окончательно дискредитировал своих товарищей по кадетскому «национальному» центру. Он, например, не допускал для будущего «Белого Петрограда» никакого сколько-нибудь широкого городского самоуправления, предполагая, что многочисленные муниципальные функции с успехом могут быть заменены организацией Политического Совещания — так называемым «комитетом по городским делам», учреждением, построенным главным образом на началах усмотрения. Никаких прав за старой петербургской думой он не признавал, считая, что даже трамвай должен быть в ведении военного ведомства. Печать называл злом и Петрограду сулил один «Правительственный Вестник».

Годы и лишения, которые перенес при большевиках в Петрограде проф. Кузьмин-Караваев, сделали его желчным, сварливым, он вечно бранил всех и вся и делал в сущности совершенно невозможной какую-либо общественную работу с ним. Когда почтенный профессор заговарил с кемнибудь из приезжих русских о воссоздании России — «вешать», «расстреливать» были его любимые слова. Балаховича он величал героем, а к его пристрастию к виселицам относился с добродушным смешком.

«Да, правда, любит сам вешать, любит, любит этак подвешивать, есть грех, но герой», — прибавлял обычно г. профессор.

В Политическом Совещании проф. Кузьмин-Караваев ведал продовольственную часть «будущего» Петрограда. Дело это оказалось явно не под силу ветхому деньми профессору: на одном из совещаний местных деятелей в Гельсингфорсе, в июле месяце, выяснилось, что продовольственный отдел, в сущности, фикция, так как никакой организации и реальных планов в подготовке снабжения Петрограда у г. профессора не имелось. Единственным рессурсом были заготовленные в Выборге американцами хлеб, сало и молоко, но всеми припасами распоряжались на месте сами

американцы и никакого участия в этом деле г. Кузьмина-Караваева не требовалось.

Другой профессор, А. В. Карташев, б. министр исповеданий Российского Временного Правительства, ведавший в Совещании Юденича пропаганду и агитацию, был прямо противоположностью по характеру своему коллеге. Хитрый, неискренний, он старался каждого покорить своей почти неземной кротостью и елейностью. При своем мистически-туманном мировоззрении, он больше был у места во Временном Правительстве на амплуа министра исповеданий, чем у ген. Юденича в роли завзятого политика. На вид святоша, он великолепно умел ковать козни за спиной ближайших своих политических противников, но вовсе оказывался никуда не годным, когда приходилось делать практическую политическую работу, разбираться в запросах дня или хотя бы удовлетворительно организовать порученную ему функцию — агитации и пропаганды.

Те прокламации «штаба белой армии», которые выходили в свет в бытность у власти Политического Совещания, были настолько черны и неумны, что я никак не могу приписать их авторства проф. Карташеву. Скорее надо думать, что он вовсе ничего не наладил в этой области. На фронте долгое время распространялась марковская газета «Белый Крест», а посланный профессором для практической работы студент Лифшиц вскоре был арестован, как «большевик», несмотря на все мандаты, выданные ему г. Карташевым.

По общеполитическим вопросам А. В. Карташев вел какую-то двойную линию и часто чрезвычайно было трудно разглядеть его подлинное политическое лицо.

В Балаховиче он тоже, например, готов был видеть народного героя; мирился со смертными казнями в «оккупированной» полосе, а когда ему указывали на черносотенный антураж, царивший вокруг ген. Юденича, профессор хватался за голову, бранил «шайку» из «Белого Креста», засевшую в штабах, и говорил, что он выйдет из состава Совещания, поедет в Париж и добьется там смены ген. Юденича. И в то же время он упорно сторонился от участия общественности в противобольшевистской борьбе, а коалицию с радикальными элементами считал «керенщиной».

Ген. Суворов, ведал в Совещании «внутренними делами». Академик, слывший либералом в военной среде, он производил крайне неопределенное впечатление. Этому человеку явно не хватало твердости воли и на него не могли опереться ни левые, ни правые. Порядки, установившиеся в занятой белыми полосе, он осуждал, но решительно ничего не делал для их исправления. Против созыва общественного съезда возражал, находя его несвоевременным. В чем выражалась

его деятельность по ведомству внутренних дел — никто не знал. Повидимому, знаменитые приказы №№ 14, 31 и прочие составлялись не им, а проф. Кузьминым-Караваевым.

Генерал Юденич появился в Гельсингфорсе в начале 1919 г. Поселившись здесь, он повел крайне уединенный образ жизни. Правда, материальные дела его были неважны и он вынужден был прибегать к займам у одного банкира. На должность главнокомандующего его рекомендовал, кажется, П. Б. Струве, бывший тогда в Гельсингфорсе и сосватавший для этой роли генерала местному русскому комитету, где проф. Карташев был председателем. Но и после этого события ген. Юденич остался глубоко равнодушным ко всему окружающему, связей с местным русским обществом не искал и совершенно игнорировал финлядских государственных и общественных деятелей. Маннергейм, являвшийся тогда главой Финляндии и желавший всячески помочь ген. Юденичу в организации противобольшевистской борьбы, тщетно ждал к себе для переговоров этого генерала. Несмотря на все уговоры и доводы, Юденич твердо стоял на своем: Маннергейм лишь генерал-майор русской службы, а он — Юденич генерал-от-инфантерии и что не он к Маннергейму, а Маннергейм к нему должен прийти для переговоров. Молчаливый, необщительный — ген. Юденич долгое время был загадкой для окружающих. В Политическом Совещании он тоже по большей части молчал или с видимым удовольствием поддакивал реакционным репликам проф. Кузьмина-Караваева. В политические руководители он явно не годился: для этого ему не хватило ни широкого кругозора, ни энергии, ни талантов.

В таком духе приблизительно говорилось в местном русском обществе о главных столпах Политического Совещания. Особняком стоял С. Г. Лианозов, заведывавший в Совещании финансами. Он вовсе не касался политики, сосредоточив свою деятельность исключительно на изыскании финансов для армии, если в этой безнадежной по тому времени области вообще было что изыскивать.

К отзывам окружавшего Совещание русского общества мало остается что прибавить. Разве вот еще жалобу того же ген. Родзянко в его книге, что «неопределенность главнокомандующего, полное незнание планов его и находившегося при нем Совещания, неясность их политической физиономии и их стремлений, совершенная неосведомленность о том, что делается на других белых фронтах и в Европе, приводило нас, начавших борьбу с большевиками на свой страх и риск, в недоумение, и только искреннее желание помочь

своей несчастной родине давало силы более энергичным и твердым людям продолжать начатое дело».

Большею частью они — члены Политического Совещания — ничего не делали, а когда делали, то выходило или бестолково, как с продовольствием, или получался сугубый вред, когда в угоду «принципу военной диктатуры» и для внушения страха и почтения к «автократическому языку» «военного диктатора» дарили население приказами №№ 14 и 31.

Если вспомнить собственное признание этих деятелей, «что к 10 августа положение дела в области гражданского управления в занятых уездах было близко к состоянию разрухи» и что «ген. Юденич (при котором состояло Политическое Совещание) до 11 августа был военным диктатором в полном смысле слова», то знак равенства между тем и другим является само собой и, следовательно, гг. Карташев, Кузьмин-Караваев и ген. Суворов, как главные участники Политического Совещания, придавшие этому «автократическому» безумию политическое оправдание, принципиально не только мирившиеся с заглушением всякого голоса общественности, но и сами всюду ее игнорирующие — эти люди тесно связали свои имена со всеми печальными последствиями деяний Хомутовых, Бибиковых и Балаховичей. Давая в руки комендантов ужасное право военно-полевой юстиции, сознательно устраняя отовсюду работу общественного контроля, они не имели того оправдания, что все происшедшее (казни, казнокрадства, порка, нелепая аграрная политика, почти афишированное черносотенство) явилось результатом рокового хода вещей, политического невежества военных верхов и делалось против их воли. Одни из них (и этих было большинство в составе Политического Совещания — генералы Юденич, Кондзеровский, проф. Кузьмин-Караваев) по реакционности своих настроений, другие (как проф. Карташев), исходя из преклонения перед принципом генеральской диктатуры, третьи (как ген. Суворов), балансируя слева направо — все они вкупе и порознь повинны были именно в принятой системе управления краем, как бы они потом, по понятным соображения, ни открещивались от последствий ее. Оглядывая оставленное Политическим Совещанием поле гражданской деятельности, г. Карташев в праве был бы сказать, что по крайней мере в одном они сдержали свое слово: «они сумели быть жестокими».

К концу июля 1919 г. «диктатура» настолько восстановила против себя Гельсингфорские русские общественные круги, что у Политического Совещания появилась весьма разнообразная по составу оппозиция. Бурлило большинство

промышленников и финансистов, еврейская и городская группа, а внутри самого Совещания Карташев иногда восставал против Кузьмина-Караваева. В среде русского общества находились, кроме того, отдельные более чуткие люди, которые откровенно начинали бить тревогу, предсказывая, что гибель дела при существующих руководителях явно неминуема. Подобные опасения не раз высказывали И. В. Гессен, А. И. Каминка, Е. И. Кедрин, проф. Цейдлер и другие видные эмигранты. И. В. Гессен ставит в частных совещаниях даже резче вопрос: могут ли они, общественные деятели, покрывать своим авторитетом существующие порядки и не следует ли им гласно отмежеваться от воцарившейся «системы». «В Петербурге будет новая кровь, новые ужасы, в которых пострадает много невинных, если господствующая на фронте черная сотня войдет туда», — примерно говорил И. В. Гессен. Проф. Карташев, присутствовавший иногда при таких разговорах, ясно сознавал грозящую опасность, сам бранил всю реакционную компанию, но тут же расписывался в полном своем бессилии как-нибудь предотвратитить надвигающуюся беду. После одного-другого взрыва его отчаяния, все принимало снова свой, прежний характер, потому что от патетических слов, сказанных в интимном круге, проф. Карташев не переходил к делу.

5 августа 1919 г. большевики вновь взяли у белых Ямбург.

К. А. Александров, фигурировавший за все время Политического Совещания в роли того «барина», который вот-вот «приедет и рассудит» и который был намечен Полит. Совещанием еще в начале июня, вовсе убоялся ехать во Псков, а самую должность главноначальствующего гражданской частью (перелицовка бывшего военно-гражданского управления) принял номинально только 5 августа... в день падения г. Ямбурга.

Перемена управления на другое была чисто-формальная, по существу решительно не изменившая ничего. Вместо прежней иерархической лестницы — нач. тыла, нач. военно-гражд. управления, г.г. коменданты, стало главноуправл. гражд. частью — начальники Петроградской и Псковской губернии—г.г. коменданты (приказы №№ 14 и 31). Господа губернаторы были назначены, конечно, властью командующего армией («военного диктатора»). Хомутов и Бибиков прикомандировались к штабу командующего, а штабс-капитан Черняков (он же Марков 2-й) автоматически перекочевал в подчиненное Александрову петроградское губернаторство, ничуть не обнаружив испуга ни перед Александровым, ни перед всей этой бумажной реформой гельсингфорских кудесников. Марков оказался много дальновиднее:

сидя в Нарве, не видя себе никакой поддержки от ген. Юденича, ощущая всю силу тыловой шайки на месте, К. А. Александров опять струсил и решительно ни во что не вмешивался.

Ген. Юденич переехал в Нарву в конце июля. Трехмесячное сидение назначенного Колчаком «главнокомандующего» армией где-то вдали от нее — в Гельсингфорсе — становилось прямо-таки неудобным, но генерал не остановился бы перед этим соображением, если бы не пришли, наконец, более твердые вести, что вооружение и снаряжение, обещанное Антантой русской армии, находятся уже в пути. Мысль, что он явится к армии не с пустыми руками, видимо, окрылило этого, в общем неподвижного генерала, и он решил, что «момент наступил», какие бы «козни» ни строил ему там, на месте ген. Родзянко.

Утверждение г. Кирдецова в его книге — «У ворот Петрограда», что ген. Юденича ждали в войсках с нетерпением и что «в рядах армии пошел ропот» — до того де она заждалась прибытия главнокомандующего на фронт, — компетентными лицами решительно опровергается. Если оставить в стороне главную массу армии — солдат, которые вряд ли скучали по какому-то неизвестному им генералу, когда всяческого начальства кругом было больше, чем достаточно — и говорить о руководителях армии — офицерстве, то, по словам того же ген. Ярославцева, среди строевиков на фронте «приезда к армии ген. Юденича никто не хотел».

«Мы хорошо знали, рассказывал мне боевой офицер, что с Юденичем нагрянет много политиков — генералов и вообще всяких любителей устраиваться на чужой шее. Мы боялись, что дорогое нам дело будет окончательно испорчено «бывшими людьми» — сановниками всех рангов и ретроградами. Поэтому Юденичу дано было понять, что вновь прибывающие в северо-западную область, независимо от чинов и прежних служебных рангов, должны проходить стаж гражданской войны в строевых частях и лишь после этого они получают право на служебное повышение. Он согласился на это условие и вначале прибыл один, но постепенно собрал вокруг себя прежнюю свиту: Кондырева, Покотилло и др. Все опасения сбылись: нас начали третировать, считать партизанами и т. п. Понемногу завелись нравы старой армии: пренебрежительное отношение к солдату и даже мордобитие. Развилась канцелярщина; особенно отличался на этом поприще полк. Прюссинг, высокомерно относившийся ко всем, несостоящим в генерал-квартирмейстерском отделе штаба армии».

... «И все-таки Юденича пришлось принять, так как с его приездом ожидалась помощь деньгами от Колчака, мате-

риальная и моральная от англичан и американцев и содействие активным выступлениям со стороны Эстонии и Финляндии».

«Восторга в рядах армии Юденича не вызвал, на интересующие нас вопросы он ничего не ответил, солдатам ничего не говорил, а в Ямбурге, производя осмотр перешедшим к нам красным... поблагодарил их за службу».

По требованию строевых начальников, гр. Палена и ген. Родзянко, тогда же было созвано в вагоне военное совещание с участием тыловиков. Генералу Юденичу было поставлено здесь несколько категорических вопросов, волновавших боевое офицерство, но ответы его были настолько неудовлетворительные, что вызвали у собравшихся глубокое недоумение и уныние. А когда пользуясь присутствием генерала, захотели немного подтянуть тыловиков и выставили требование более внимательного отношения к нуждам армии и точного учета имущества и продовольствия, ген. Юденич это требование не поддержал.

Воспитанный в старой военной школе, ген. Юденич вовсе не понимал ни духа солдата революционной эпохи, ни психологии гражданской войны. Когда наиболее активное офицерство засыпало генерала вопросами общего политического характера, желало знать за что мы воюем, кто нас поддержит и что делается на прочих фронтах, ген. Юденич слушал эти вопросы в полуха, давая вялые, бесцветные, чисто-обывательские ответы, вероятно, думал про себя: «к чему это гг. офицеры занимаются такой пустой и ненужной болтовней».

Не больше имели успеха у генерала в то время и сами гг. члены Политического Совещания. 3 августа 1919 г. Политическое Совещание поднесло ген. Юденичу для подписи проект декларации правительства, где разные политические обещания, формулированные иногда довольно неопределенно, обещались «диктатором», конечно, условно — «по водворении законного порядка», как говорилось в тексте декларации. Но даже и такое скромное политическое обещание, написанное, так сказать, мелом в трубе, показалось «автократу» настолько вредным вольнодумством, что вспылил и отказался дать свое подтверждение декларации. Сторонники генеральской диктатуры оказались, таким образом, в положении той гоголевской унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла. Положение тем более обострилось, что декларация была последним средством удержать окончательно выскользающую из рук Юденича и Политического Совещания власть и хотя отчасти скрасить то откровенное черносотенство в гражданском управлении тылом, которое неминуемо вели к гибели начатого дела на фронте и окон-

чательно отталкивало и вооружало против русских эстонские командные и правительственные круги.

После отказа Юденича подписать декларацию, член Политического Совещания г. Суворов хотел выйти из состава этой организации, так как то настроение, которое он застал в Нарве в начале августа, ясно показало ему, что в воздухе пахнет катастрофой и неминуемы какие-то особые быстрые и решительные меры, чтобы предотвратить ее. «Суворов, — говорил нач. снабжения полк. Поляков, — решил вернуться в Гельсингфорс и обдумать положение». Радикальный припадок, по обыкновению, продолжался у генерала недолго и без всяких последствий для практического дела.

А подумать, действительно, было о чем.

Снабжение армии по-прежнему стояло из рук вон плохо: грабеж всяких подрядчиков и интендантов в тылу, нужда в самом необходимом на фронте. Денег нет, снаряжение не пришло, на фронте начинается сильный нажим большевиков, в городах, в тылу, самое беззастенчивое обращение с населением и полицейщина, торговли никакой. Ген. Балахович на ножах с ген. Родзянко, ген. Юденич против того и другого, а широкие общественные круги во Пскове, Ямбурге, Нарве и Ревеле против всего этого капральского режима, восстанавляющего против себя крестьян, горожан и эстонцев. Тревожно в районе Пскова, непрочно вблизи Ямбурга. Ген. Юденич, хотя и сидит в Нарве, но решительно ни в чем себя не проявляет, а приехавшие в Ревель члены Полит. Совещания беспомощно толкутся на одном месте и от скуки каждый вечер ужинают в парке Екатериненталь, слушая музыкальные концерты.

III. ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

К началу августа 1919 г. гамма отношений между эстонцами и русским главным командованием и Полит. Совещанием исчерпана была до дна. Эстонцы требовали признания их политической самостоятельности безоговорочно, и лишь в этом случае соглашались оказывать дальнейшую поддержку русской армии. Полит. Совещание предлагало заработать эту самостоятельность и поверить в кредит русскому главнокомандованию, что по взятии Петрограда оно не только не повернет штыки против Ревеля, но и ген. Юденич и его Совещание по мере своих сил, будет способствовать в будущем правовому закреплению за Эстонией государственной самостоятельности. Этому «журавлю в небе» эстонцы окончательно не верили; гражданские порядки, заведенные в русской полосе, убеждали лучше всяких слов, чего можно ждать от такого вождя и его Совещания, если они окажутся в Петрограде в силе. Одинаково в верхах и низах эстонского общества стало, поэтому, крепнуть отрицательное к русским отношение, ближайшим результатом чего явилась «вялая поддержка русских операций на фронте».

Вернувшись только что с объезда фронта, ген. Марш был крайне недоволен виденной им картиной. По его словам, на фронте полный ералаш: ни генерал Юденич, ни кто иной не знает, где какая часть расположена и кто ею командует. Если ген. Юденич не наведет в течение недели порядка, то Марш склонен настаивать на передаче ген. Лайдонеру командования и русскими войсками. В области политического управления генерал решил: 1) что завтра (10-го) он пригласит к себе членов Политического Совещания для беседы и организации исполнительной власти 2) что необходимо создать Сев.-Зап. Областное Правительство с Карташевым — премьером, Крузенштиерном младшим—мин. ин. дел, Ивановым — мин. внутр. дел (иначе он будет устраивать coup d'état с Балаховичем), министрами Лианозовым и Суворовым и без Кузьмина-Караваева. Г. Поллок со своей стороны

указал на М. С. Маргулиеса в качестве министра торговли, промышленности и снабжения, против чего ген. Марш не возражал.

Услыхав, что ген. Марш сам идет навстречу идее организации правительства, М. С. указал на настоятельную необходимость привлечь в состав правительства местных и петроградских людей, а именно: из Пскова — Эйщинского, Эрна, Богданова и Горна, из Ревеля — Филиппео (по составленному сообща нами списку с пропуском, очевидно по ошибке, впоследствии исправленной, Евсеева), из Гельсингфорса сенатора Иванова, Бутлерова, И. Гессена и Александрова (самостоятельно без сговора с нами). Затем в дальнейшем разговоре М. С. подчеркнул неприемлемость для всех г. Иванова, как министра вообще, и тем более с портфелем «внутренних дел», и потребовал замены премьера Карташева премьером Лианозовым, так как в случае премьерства безвольного Карташева, фактически будет премьерствовать его секретарь, некий инженер Новицкий, «играющий роль поводыря при слепце». Г. Поллок принял все указания к сведению, обещал немедленно передать добавочный список ген. Маршу и порекомендовать ему опереться на правительство с участием местных людей.

Какие переговоры с ген. Маршем параллельно вел полк. Пиригордон, — я не знаю, но он несомненно принимал в этом эмбриональном периоде образования правительства весьма деятельное участие. Следы его влияния на ген. Марша заметно обнаружились для меня в момент самого появления правительства в свет.

В тот же вечер 9-го августа в дневнике М. С. значится, между прочим, такая запись: «К. (упомянутый гласный, старой псковской думы) просил передать мне, что он едет сегодня в Псков и что Балахович завтра утром устроит все намеченное, а Иванов днем сказал Филиппео и Шульцу, что он сегодня в 12 час. ночи едет в Псков, чтобы завтра вместе с Балаховичем начать осуществление нового демократического порядка».

Утром 10 августа, по инициативе Ревельского Русского Совета, состоялось организационное заседание по созыву съезда. Решили созвать съезд не 17, а 20 августа, на территории Эстонии в городе Юрьеве, заручившись предварительно согласием эстонского правительства. Программа съезда — организация правительства Сев.-Зап. России и устройство постоянного органа съезда. На собрании, конечно, был никуда не уехавший г. Иванов. Заседание происходило достаточно открыто и в середине дня о нем знали все, кого это могло интересовать, и... англичане в том числе.

В быстрой смене нараставших толчков не успевала родиться одна комбинация, как ее вытесняла уже другая. Если вечером 9 августа ген. Марш хотел еще говорить о чем-то с Политическим Совещанием 10-го, то когда пришло 10-е— давление, оказываемое на него буквально со всех сторон, заставило его махнуть рукой на всякие переговоры и прямо перейти Рубикон. Нервность, обнаруженная при этом генералом Маршем, вполне была понятна: на фронте ералаш, Балахович бунтует, Политическое Совещание импотентно и реакционно, бурлят общественные круги, бурлят и грозят эстонцы, а выход, который ему подсказывают ежечасно, ежесекундно, один: «переворот»,—комбинация, требующая сама по себе некоторой взвинченности нервов, быстрых, а потому и не всегда ловких шагов.

В два часа дня М. С. Маргулиес получил приглашение прийти на «совещание» к генералу Маршу в 5 час. вечера, а в три часа г. Поллок передал ему, что ген. Марш согласился с указанной ему реконструкцией власти с привлечением местного общественного элемента, записал всех намеченных нами лиц и составил список членов будущего правительства, который он представит совещанию как пожелание союзников. На совещание будут приглашены все указанные М. С. Маргулиесом лица и некоторые члены Политического Совещания. Премьером ген. Марш выдвигает С. Г. Лианозова.

Лично я о совещании узнал ровно в пять часов вечера, когда за мной в гостиницу приехал из английской миссии автомобиль. Я не знал, для какой собственно цели меня приглашает ген. Марш, но ни минуты не сомневался, что речь пойдет о перемене существующего политического курса. Мне это было настолько ясно, что, придя в приемную ген. Марша и застав там М. С. Маргулиес, М. М. Филиппео, С. Г. Лианозова и др., я не стал даже расспрашивать их ни о чем.

И все-таки то, что произошло на этом «совещании», было и для меня неожиданностью.

Я попал к ген. Маршу приблизительно в 5½ час., а часам к шести пришли туда «гельсингфорцы». Когда С. Г. Лианозов пошел к телефону, чтобы сказать приехавшим из Гельсингфорса, что они должны немедленно же прибыть в английскую военную миссию, его догнал ген. Марш и быстро проговорил: «только пусть Кузьмин-Караваев не приезжает». Через три минуты они приехали, и когда С. Г. осведомил ген. Марша, что приехал и Кузьмин-Караваев, Марш сказал: «он не приглашен на это совещание». В это время в приемную комнату входит г. Кузьмин-Караваев, и ген. Марш, как ни в чем не бывало, жмет ему руку.

То, что произошло дальше, имеется в двух официальных протоколах от 10 и 11 августа. Здесь я помещаю их в выдержках, дополнив некоторыми, сохранившимися в памяти, интересными и характерными подробностями.

Присутствуют: А. В. Карташев, С. Г. Лианозов, М. Н. Суворов, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. С. Маргулиес, К. А. Крузенштиерн, К. А. Александров, В. Л. Горн, М. М. Филиппео, Н. Н. Иванов, корреспондент «Таймса» г. Поллок и представители миссий: французской, английской и американской. Ген. Марш, стоя и заглядывая в какой-то листик в руках, обращается к собравшимся с речью на русском языке, приблизительно такого содержания: «Положение северо-западной армии скверное, точнее говоря, критическое. Нужно употребить чрезвычайные меры, чтобы ее спасти, и я обращаюсь к патриотизму присутствующих, чтобы сделать последние усилия. Союзники считают необходимым создать правительство Сев.-Зап. Области России, не выходя из этой комнаты. Теперь 6¼ час., я вам даю время до 7 часов, так как в семь часов приедут представители эстонского правительства для переговоров с тем правительством, которое вы выберете. Если вы этого не сделаете, то мы, союзники, бросим вас. Вот лица, желательные союзникам в качестве членов правительства (читает с бумажки):

1. Премьер-министр и министр финансов Лианозов.
2. Военный министр Суворов.
3. Министр иностранных дел Крузенштиерн.
4. Министр культа Карташев.
5. Министр внутренних дел Александров.
6. Министр торговли, народного здравия и снабжения Маргулиес.
7. Министр юстиции сен. Иванов.
8. Морской министр Пилкин.
9. Министр продовольствия Эйшинский.
10. Государственный контролер Горн.
11. Министр просвещения Эрн.
12. Министр земледелия Богданов.
13. Министр почт и телеграфов Филиппео.
14. Мин. переустройва фабрик Бутлеров.
15. Мин. народного благосостояния Кондырев.
16. Мин. без портфеля Иванов.

«Вам, генерал Суворов, я передаю этот лист. Поговорите о сказанном мною», — кончает Марш.

Кто-то из «гельсингфорцев» говорит: «А как же адмирал Колчак?».

«Колчак... Колчак где-то далеко, да и неизвестно, существует ли он еще», — отрывочно бросает ген. Марш и уходит в боковую комнату вместе с членами миссий.

По уходе генерала — краткая, мгновение, пауза. Замечаю в списке подчеркнутое отсутствие имен генерала Юденича и проф. Кузьмина-Караваева; с другой стороны названы лица, явно нежелательные общественным кругам.

Ген. Суворов председательствует. А. В. Карташев просит разъяснения у присутствующих, что произошло. К. А. Крузенштиерн думает, что причиной всему письма, которыми обменялись Гоф с Юденичем относительно эстонских «домогательств» (про эти письма я уже говорил выше). Проф. Кузьмин-Караваев выражает сомнение, согласно ли с положением Юденича перед Колчаком и Политическим Совещанием избрание этого правительства. Вопрос виснет в воздухе; видимо, пока никто не хочет осложнять положение спорами.

Ген. Суворов в своей стороны предлагает такую формулу решения: в виду крайней спешности, приглашенные лица принимают на себя обязанность в кратчайший срок образовать правительственную власть и, впредь до ее образования, берут на себя ведение всех срочных русских дел и ответственность за них, окончательное же персональное составление списка отложить до вечера понедельника, 11 августа.

За формулу ген. Суворова, по разным очевидно, соображениям, хватаются все. Она единогласно принимается и объявляется ген. Маршу. Он благодарит собравшихся и заявляет:

«Но мне сейчас нужны поименно министр-президент, военный и министр иностранных дел, чтобы подписать в 7 час. вечера с эстонцами следующую бумагу (читает):

1) Правительство русской Сев.-Зап. Области, включая прежние губернии: Петроградскую, Псковскую и Новгородскую, признало абсолютную независимость Эстонии.

2) Эстонское правительство обещает оказать немедленную поддержку русской Сев.-Зап. Области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии от большевистского ига и установить в Петрограде демократическое правительство, которое будет уважать человеческие права, как-то: жизнь, личную свободу и собственность имущества.

3) Военное командование союзными силами объединено в руках ген. Юденича и ген. Лайдонера, через коих союзная военная миссия снабжала и продолжает снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеупомянутых целей».

М. С. Маргулиес предлагает остановиться на лицах списка ген. Марша. Принимается единогласно, но с оговоркой (опять-таки каждый имел в виду свои цели. В. Г.), что эти лица уполномачиваются только на одно данное определенное действие, не предрешая вопроса о них, как обозначенных министрах уже образованного правительства. В этот момент являются эстонцы — Поска, Штрандман, ген. Лайдонер и военный министр и заявляют, что они не могут сейчас ничего подписать, так как предварительно должны представить предложенный им договор на обсуждение своего государственного совета и ответ дадут лишь завтра в 9 час. вечера. Таким образом протокол остается неподписанным с обеих сторон, и все расходятся.

Вечером того же дня собираемся на совещание в помещение нашего отдела для внешних сношений. Электричество внезапно гаснет. Служащие что-то очень долго не могут достать свечей, и заседание открывается в абсолютной темноте. Узнаем друг друга только по голосу.

«Скверное начало», — говорит невидимый голос справа.

Ссылаясь на сибирское правительство, которое состоит при Колчаке и на прецедент Деникина, г. Кузьмин-Караваев настаивает на том, чтобы предоставить ген. Юденичу наметить состав правительства. Его поддерживает г. Иванов, рассчитывающий, очевидно, на Балаховича и никак не желающий помириться на беспортфельном амплуа. Мы возражаем самым решительным образом против такой точки зрения; большинство собравшихся явно не на стороне Кузьмина-Караваева. Далее мы заявляем, что один ген. Юденич еще не представляет армии, а потому предлагаем вызвать на совещание с нами в Ревель не одного ген. Юденича, а вместе с начальниками частей армии. Предложение принимается. В заключение по предложению ген. Суворова, опять откладываем вопрос об окончательном списке состава правительства. «Они» явно ждут приезда и подкрепления от ген. Юденича, — «мы» — приезда своих со Пскова. С. Г. Лианозов и М. С. Маргулиес, в качестве творцов в первозданном хаосе, хотят слепить нечто среднее и примирительное, а г. Иванов вообще хватается за всякую оттяжку, не видя союзников вокруг себя.

«В 12 час. ночи, — записывает в своем дневнике М. С. под 10 августа,—идем с Лианозовым к Поллоку. У Лианозова были Карташев, Суворов и Кузьмин-Караваев, взвинтили его из-за Кузьмина-Караваева и заявили, что уйдут, если Кузьмин-Караваев не получит портфеля; не хотят и Иванова. Поллок промолчал о Кузьмине-Караваеве, но об Иванове сказал, что попытается убедить ген. Маршала устранить Иванова»...

Итак, кандидатура г. Кузьмина-Караваева вообще безнадежна. Генералу Маршу, кроме Поллока, дает советы еще полк. Пири-Гордон, а этот офицер хорошо осведомлен о наших взглядах на военного профессора, и не вина Марша, что г. Кузьмин-Караваев все-таки очутился в его приемной.

На следующей день, 11 августа, в 10 час утра, опять собираемся туда же на частное совещание. Председательствует С. Г. Лианозов. Присутствуют: г.г. Карташов, Суворов, Кузьмин-Караваев, Филиппео, Крузенштиерн, Иванов, Маргулиес и я. Обсуждаем проект генерала Марша о соглашении с эстонским правительством, упорядочиваем его с грамматической стороны и прибавляем п. 4 о заключении в дополнение к соглашению конвенции торговой и военной. Со стороны Кузьмина-Караваева опять делается попытка в «автократических» целях: предлагается сообщить ген. Юденичу телеграфно, что без него не будет окончательно утверждаться список правительства. Предложение снова проваливается.

Днем за одним завтраком в гостинице, где были М. С. и С. Г., г. Кузьмин-Караваев заявил, что н е в о й д е т (?!) в правительство, вслед за ним и г. Карташев заявил о своем выходе. Он-де не верит в коалиционное правительство, раз уже жестоко поплатился за коалицию и с него довольно. К тому же его давно тянет за границу и он рад случаю вырваться. Лично он приветствует попытку создать новое министерство, и, если бы не упрямство ген. Юденича, это давно было бы сделано. Ген. Суворов сообщил, что он просит считать его условно, так как по долгу службы он должен предварительно испросить согласие ген. Юденича, а Юденич сегодня велел передать ген. Маршу, что он считает себя уполномоченным решать для армии все вопросы, и никого не считает уполномоченным предпринимать что-либо без него. Но, по существу, ген. Суворов не считает возможной никакую работу с ген. Юденичем, котрый должен убраться со всем своим штабом, без чего нельзя и мечтать об оздоровлении фронта. Лучше всего, по мнению Суворова, было бы, если бы ген. Лайдонер взял на себя командование смешанными войсками. Он, Суворов, хотел бы получить портфель министра внутренних дел, так как по военному ему нечего делать. По поводу мин. земледелия ген. Суворов настаивал на самом левом из допустимых. Рассуждения этого генерала, как всегда, были двояки: с одной стороны он оказывался радикальнее радикала, с другой — соглашался стать членом правительства т о л ь к о с р а з р е ш е н и я ген. Юденича.

В 6 час. вечера опять частное совещание. Председательствует С. Г. Лианозов, присутствуют все те же лица. Ген. Су-

воров оглашает телефонограмму адъютанта ген. Юденича полк. Даниловского: «Передать Маршу, что Юденич является единственным лицом, имеющим власть принимать все решения по затронутым Маршем вопросам и что до его приезда ничего не может быть предпринято». На этом основании Суворов и Крузенштиерн отказываются входить в правительство до приезда Юденича и переговоров с ним. Проф. Кузьмин-Караваев опять начинает доказывать, что без Юденича мы только инициативные группы, а не правительство, и что никаких списков предъявлять сегодня ген. Маршу мы не можем. Карташев, сидящий от меня недалеко, говорит, что лично он не может участвовать в правительстве, так как чувствует себя нервно и очень усталым и хотел бы бежать сейчас от всякой политики. Не помню, чтобы его хотя единая душа упрашивала. Вообще все эти отказы были очень странны: в наших тогдашних заседаниях они принимались или молча или сопровождаемые одним единственным, да и то любопытства ради, вопросом: «почему». Лично я считал, что все разговоры о портфелях носят предварительный характер, что весь намеченный Маршем состав нисколько нас и ни в чем не связывает и что как только подъедут мои псковичи, мы, в союзе с М. С. Маргулиес, придадим кабинету более радикальный характер. Предположения эти впоследствии вполне сбылись.

В конце помянутого частного совещания М. С. Маргулиес стал настаивать на закреплении за нашим коллективом название правительственного, чтобы мы могли скорее приступить к органической работе. Противодействует только один г. Кузьмин-Караваев. Предложение принимается.

В 9 час. вечера 11 августа опять у ген. Марша. Присутствовал С. Г. Лианозов, В. Д. Кузьмин-Караваев, ген. М. Н. Суворов, К. А. Александров, М. С. Маргулиес, К. А. Крузенштиерн, В. Л. Горн, Н. Н. Иванов, М. М. Филиппео и начальники: английской военной миссии полк. Херапат, французской военной миссии полк. Хрюстель, американской полит. миссии полк. Долей, англ. полит. миссии полк. Пири-Гордон.

Ген. Марш заявил, что положение совсем критическое, и просил последовать за ним одного С. Г. Лианозова в отдельную комнату, куда удалились и все чины миссий. Недоумеваем. Проходит минут 10 и С. Г. возвращается с листом, на котором на неграмотном русском языке написано признание эстонской независимости новым северо-зап. правительством и признание ген. Юденича главнокомандующим нашей армией. По словам С. Г., ген. Марш потребовал от него, чтобы он подписал бумагу первый, а затем будут вызывать по очереди для подписания каждого из остальных,

что такой способ необходим, ибо если нам предоставить решать вопрос вместе, то «русские всегда очень много говорят», и мы ни до чего не договоримся, а в отдельности каждый подпишет. В подобной обстановке, разумеется, никто даже и смотреть не хотел на бумагу, и ген. Марш, сообразив свою бестактность, немедленно изменил тон и стал покорно в своей комнате ожидать, пока «русские очень много говорят».

Вот этот документ.

Заявление.

Эстонскому правительству и представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле.

В виду настоятельной необходимости образовать демократическое правительство для Северо-Западной Области России, единственно с которым эстонское правительство согласно вести переговоры с целью способствовать русской армии освободить Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губернии, от большевистской тирании и учредить в Петрограде и временно во Пскове Учредительное Собрание, которое либо подтвердит, либо изменит, как можно выразиться на юридическом языке, наши соответствующие назначения, как министров, каковые мы принуждены обстоятельствами, независящими от нашей воли, принять на себя, мы, нижеподписавшиеся сим заявляем, что Правительство Северо-Западной России сформировано, как указано ниже. Как первый акт в интересах нашей страны, мы сим признаем абсолютную независимость Эстонии и просим представителей Соединенных Штатов Америки, Франции и Великобритании добиться от своих правительств признания абсолютной независимости Эстонии. Как наш второй акт мы признаем ген. Юденича главнокомандующим Северо-Западной Русской Армии, и просим его начать немедленно переговоры с Главнокомандующим Эстонской Армии относительно военных деталей, обеспечивающих действительную помощь эстонских войск.

Премьер Министр
Министр Финансов
Министр Иностранных Дел
Министр Культа
Министр Внутренних Дел
Министр Торговли, Народного Здравия и Снабжения.
Министр Юстиции
Морской Министр
Министр продовольствия
Государственный Контролер

Министр Просвещения
Министр Земледелия
Министр Почт и Телеграфа
Министр Переустройства Фабрик
Министр Народного Благосостояния
Министр без портфеля.

. . . августа 1919 г.

Ревель

Вполне согласно с изложенным

Ревель

. . . августа 1919 г.

Генерал

Главнокомандующий Русской Северо-Западной Армии.

Обсуждая новый документ, все присутствующие единогласно нашли, что, не касаясь малограмотной формы документа, по содержанию — признание полной независимости Эстляндии приемлемо для всех, «ибо» с одной стороны, готовность признать Эстляндию уже заявлена Главнокомандующим северо-зап. армией ген. Н. Н. Юденичем в его обращении к ген. Гофу от 3 августа 1919 г., а с другой стороны, накануне тою же группою лиц (и сверх того и А. В. Карташева) была заявлена ген. Маршу готовность подписать такое признание, при чем на подписание его тут же были уполномочены трое из присутствующих: С. Г. Лианозов, ген. М. Н. Суворов и полк. К. А. Крузенштиерн (из протокола № 3 об образовании правительства). В результате решено было исправить грамматически текст заявления и подписать его не по портфелям (что требовалось по проекту), а как министры просто.

Еще ранее того, во время обсуждения документа, помню, мне резко бросилась в глаза односторонность акта и я обратил на нее внимание присутствующих.

«Конечно, конечно, — сказал кто-то из них, — в первом акте о признании Эстонии компенсировалось ее военной помощью нам, а здесь и то обязательство убрано».

Видимо, эстонцы в чем-то уперлись и ген. Марш, напуганный ими за участь вашего фронта, решился требовать от нас признания Эстонии без всяких условий.

Когда дело дошло до подписи, то г.г. Суворов и Крузенштиерн заявили, что подпишут документ лишь в том случае, если будет убрана последняя часть о признании Юденича главнокомандующим. Им, как военным, неудобно признавать своего начальника в официальном акте, ибо он и без их признания состоит таковым. Ген. Суворов выразился даже так, что он «подписал бы немедленно, не будь он на военной

службе». А г. Кузьмин-Караваев заявил, что «не будучи членом министерства, он не может подписывать заявление в качестве министра, но готов подписать его, если союзники не будут требовать прибавление к фамилии и названия «министр» (в ковычках мною приведены выдержки из того же протокола. В. Г.). С. Г. Лианозов снова пошел в комнату ген. Марша и союзники опять согласились на оба требования; кроме того, в виду указанных недостатков в редакции, решили назвать текст неокончательным. Тогда гг. Суворов и Крузенштиерн заявили, что все же не подпишут без Юденича, который-де, по мысли союзников, должен скрепить это заявление, а г. Кузьмин-Караваев, как не входящий в министерство, вообще счел необходимым уклониться от подписания документа. В итоге, заявление подписали часть присутствующих, с незначительными изменениями, в таком виде:

«Предварительное заявление, окончательная же редакция будет представлена завтра.

Эстонскому Правительству и Представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле.

В виду настоятельной необходимости образовать демократическое Правительство для Северо-Западной Области России, единственно с которым эстонское правительство согласно вести переговоры с целью способствовать русской действующей армии освободить Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губернии от большевисткой тирании и учредить в Петрограде Учредительное Собрание, которое либо подтвердит, либо изменит, как можно выразиться на юридическом языке, наши соответствующие назначения, как министров, каковые мы принуждены обстоятельствами, независящими от нашей воли, принять на себя, мы, нижеподписавшиеся сим заявляем, что Правительство Северо-Западной России сформировано, как указано ниже. Как первый акт, в интересах нашей страны, мы сим признаем абсолютную независимость Эстонии и просим представителей Соединенных Штатов Америки, Франции и Великобритании добиться от своих правительств признания абсолютной независимости Эстонии.

Премьер министр Лианозов.
Министры: Маргулиес,
Иванов,
Александров,
Филиппео,
Горн.

Все исправления были сделаны на первоначальном заявлении припиской и вычеркиванием. В тексте выкинули «и временно во Пскове» (организацию Учр. Собр.)

и весь конец, касающийся признания главнокомандующим ген. Юденича.

После подписания заявления вышел ген. Марш, приветствовал образовавшееся Правительство и извинился за свою несколько грубоватую настойчивость, проявленную по отношению к нам в этом событии, оправдываясь тем, что положение на фронте крайне критическое — два эстонских полка отказываются дальше драться, если независимость Эстонии не будет признана немедленно. Затем полк. Пири-Гордон вручил нам проект текста о созыве съезда нечто переделанное после нашей беседы с ним 9 августа, хотя столь же несовершенное, где «съезд» как частно-общественная организация смешивается с «Учред. Собранием», как учреждением, облеченным государственными функциями.

Чтобы подчеркнуть, очевидно, свое участие в «перевороте», г. Пири-Гордон подошел ко мне во время приветствий и, улыбаясь и протягивая руку, сказал заученной русской фразой: «поздравляю вас, г. министр».

На вопрос г. Иванова Маршу, читал ли он телеграмму Юденича и как он ее находит, ген. Марш ответил: «я нахожу, что она слишком автократична». Затем, обращаясь в мою сторону, спросил: «Где г. Горн», а подойдя, довольно громко сказал:

«Если ген. Юденич неприемлем левой части правительства, то он завтра же будет заменен другим генералом».

Я ответил Маршу в том смысле, что это вопрос не столь простой, чтобы его сейчас решать. Позже нам передавали, что «на случай» ген. Юденича проектировалось заменить ген. Родзянко.

12 августа в Ревель приехали Юденич и Родзянко. Предполагалось, что кроме них по нашей телеграмме ген. Юденич должен был вызвать других начальников но ген. Балахович прислал офицера сообщить Юденичу, что он всецело его поддерживает (в чем?), а ген. Арсеньева Юденич почему-то совсем не пригласил. Таким образом, никакого совещания с начальниками частей не вышло, а встал сразу же во всей остроте вопрос о главнокомандующем и военном министре. Его предстояло разрешить, не медля и не колебля спокойствия армии. Между тем правительства, в виде точно очерченного кабинета, еще не было, а имелось какое-то туманное образование, из которого должно было выйти реальное правительство и в котором наметился пока С. Г. Лианозов, как предположительный премьер.

Проект образовать правительство с премьером-министром ген. Юденичем исчезает так же быстро, как и возникает, но С. Г. Лианозов определенно настаивает, чтобы

портфель военного министра и главнокомандование остались за ген. Юденичем. Соображение (невысказываемое, впрочем, прямо) довольно простое: отстранить ген. Юденича, значит войти в открытый конфликт с адмиралом Колчаком, назначившим ген. Юденича главнокомандующим, и потерять в таком случае ту денежную поддержку в ведении войны на северо-западном фронте России, которую Колчак уже обещал Юденичу. Довод и для левого крыла сильный. Союзники о денежной помощи вовсе молчат, а без денег нельзя вести борьбы, потому что одного снабжения и снаряжения недостаточно, нужно еще платить жалование армии, администрации, помочь кредитом разоренным земствам, городам, отдельным хозяйственным организациям края. В то же время отсутствие доброй половины состава намеченных в правительство лиц лишает меня и М. С. необходимой определенности в ответственных шагах, лично я считаю, что для меня, в сущности, ничего не решено, пока не приедут мои псковичи и мы не перетолкуем обо всем сообща.

Утро 12 августа проходит у С. Г. Лианозова в переговорах с ген. Юденичем. Около 4-х часов дня он сообщает нам результат.

У ген. Юденича была осведомительная беседа с членами бывшего Политического Совещания, во время которой С. Г. Лианозов подробно ознакомил генерала с положением дел и настоятельно рекомендовал ему примириться в возникновении правительства. Генерал вначале сопротивлялся, ссылаясь на адмирала Колчака, как единственный источник власти, а затем стал уступать, с идеей правительства примирился, но по словам С. Г., колеблется еще в вопросе об утверждении состава правительства, полагая, что список министров следовало бы утверждать ему. Маргулиес, Филиппео и я энергично протестуем против такой замаскированной попытки оживить умершее Политическое Совещание и заявляем, что ген. Юденич может войти в состав Правительства, как равный между равными, а не иначе. С. Г. Лианозов не защищает позиции Юденича, остальные тоже молчат. На этом частное совещание оканчивается.

В $5\frac{1}{2}$ час. состоялось официальное заседание. Появляется впервые ген. Юденич. Упорно всматривается в каждого из нас. По внешности — среднего роста, коренастый хохол, с длинными густыми усами вниз; впечатление интеллигентности не производит. Одет в простую военную тужурку, с широкими золотыми погонами на плечах и при офицерских георгиях. Знакомимся молча.

Председательствует С. Г. Лианозов. Читает составленный им новый текст обращения к союзникам (переработка последнего, переданного нам Маршем, документа). Заявление принимается в новой редакции.

«ЗАЯВЛЕНИЕ»

Эстонскому Правительству и представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле.

Подтверждая наше предварительное заявление о признании независимости Эстонии, как группа, принявшая на себя функции правительственной власти Северо-Западной Области, как части Единой России, мы дополнительно заявляем следующее:

В целях действительной военной помощи русской действующей армии Северо-Западного фронта со стороны Эстонского Правительства, и, в виду заявления Эстонского Правительства о согласии своем на подписание о сем договора лишь с демократическим Правительством Северо-Западной Области, которое необходимо для сего образовать, мы, нижеподписавшиеся, оценив обстановку, в которой оказалось дело спасения нашей страны и освобождение ее от ига большевиков, изложенную нам в заседании под председательством генерала Марша, обстановку, доказавшую полную невозможность дальнейшей помощи союзников при существующих условиях, настоящим заявляем:

1) что нами сформировано Правительство Северо-Западной Области России, включающей: бывшую Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии, а равно и те, которые будут освобождаться в указанном районе от ига большевиков;

2) что мы приняли на себя полную ответственность по решению всех областных вопросов;

3) что мы рассчитываем, что Эстонское Правительство окажет немедленную поддержку Правительству Северо-Западной Области вооруженною силою для освобождения Петрограда, Петроградской, Псковской и Новгородской губерний от большевистского ига, дабы Правительство, войдя в Петроград, могло установить твердый демократический порядок и осуществить демократическую программу, основанную на уважении человеческих прав и свобод;

4) что мы уверены, что союзная военная миссия, снабжавшая боевыми припасами русскую армию, будет продолжать такое снабжение также и продовольствием, аммуницией и другим снаряжением через Военного Министра, а равно окажет нам и финансовую поддержку.

5) что независимо сего, представляется неизбежным вступить в переговоры с Эстонским Правительством о по-

лучении новой Областью выхода к морю в портах Эстонии для обеспечения взаимных торговых сношений.

Вполне уверенные, что Российское Правительство Адмирала Колчака оценит создавшуюся обстановку одинаково с нами, мы, извещая о происшедшем и о принятом нами решении Верховного Правителя Адмирала Колчака, одновременно с сим просим Представителей Соединенных Штатов Америки, Франции и Великобритании добиться от своих Правительств признания абсолютной независимости Эстонии».

Далее С. Г. читает проект распределения портфелей, чтобы дать требуемые англичанами подписи под этим окончательным заявлением, с указанием портфеля подписавшегося. Маленькая военная хитрость, частью проба некоторых имен со стороны С. Г. и М. С. Прежде всего проваливается куда-то ген. Суворов и на его место без мотивировки, но и без каких-либо автократических притязаний, появляется в качестве военного министра ген. Юденич («Paris inter pares»; «Лучше», — отмечаю про себя, — «если выбирать из двух генералов, то надо предпочесть Юденича, который отбросил гонор в сторону, и которому обещана материальная поддержка, а за Суворовым ничего нет и политически он также не тверд, виляя направо и налево»). К. А. Крузенштиерн сам отказывается от портфеля иностранных дел, говоря, что он будет полезнее в качестве сотрудника правительства в более скромной роли («Умный человек», — думаю, глядя на него, — «должно быть слышал, что «ревельцы» о нем и говорить не хотят — Талейраном называют»). К. А. Крузенштерна никто не уговаривает, а предложенного им кандидата г. Зиновьева обходят молча. Министром внутренних дел выдвигается К. А. Александров. На вид добродушный чиновник, тот самый, который убоялся ехать во Псков и ничего не делал в Нарве, гипнотизируемый Марковым, как кролик очковой змеей. (Его упорно выдвигает М. С., говорит — «кадет и наш», «ответственный портфель, а человек трусливый, помолчу условно до переговора с М. С.; после можно выдвинуть другую комбинацию», — мелькает у меня в голове). С. Г. быстро обводит залу взглядом и, не дожидаясь ответа, спешно переходит к следующему портфелю. («Подозрительная что-то быстрота» — опять мелькает у меня в голове). «Портфель министра культа», говорит С. Г., «вакантен, так как А. В. Карташев по болезни отказался его принять». Я называю И. Т. Евсеева. М. С. Маргулиес и М. М. Филиппео поддерживают меня. Никто не возражает; Евсеева, видимо, многие уже знают. Лианозов что-то записывает у себя на листе. «Сенатор Иванов», — говорит С. Г., — «министр

юстиции». Никто не спорит, молчу и я. («Юрист, деятель по петербургскому городскому самоуправлению, стоял в оппозиции к Политич. Совещанию — приемлем», думается мне). Дальше «временно» решают оставить портфели иностранных и финансов за С. Г. Лианозовым, без возражений соглашаются предоставить М. С. Маргулиесу портфель торговли, снабжения и здравия, как бывшему председателю всероссийского военно-промышленного комитета и председателю санитарного отдела Петербургского Союза городов. Эти портфели, говорят, ему больше всего подходят. («Кто говорит?», — думаю про себя: «не генерал ли Юденич, который смотрит на М. С., как на чорта, или начавшие уже шипеть за его спиной осколки Политического Совещания? Деятельному и боевому М. С. следовало бы дать более активный пост... еще поборемся»). Генерала Кондырева (портфель министра общественного призрения) С. Г. проглатывает своей властью, даже не оглашая. Вижу — и М. М. Филиппео молча зачеркнул у себя эту фамилию карандашем. Портфель путей сообщения предлагается предоставить какому-то неизвестному для меня инженеру. М. М. Филиппео протестует против выдвигания новых кандидатов без предварительного обсуждения; я присоединяюсь к нему. М. С. Маргулиес рекомендует снова обождать с дальнейшим распределением портфелей (решили видимо, что для первой пробы довольно), а подписаться под заявлением у Марша попрежнему, без обозначения портфелей. На этом и останавливаются. В результате первая чистка «списка» произведена.

Ощущение больного зуба, не дающего покоя, производило присутствие в нашей среде г. Иванова. Оно могло компрометировать нарождающееся правительство с первых его шагов, но на участии г-на Иванова в нашем составе упорно настаивал генерал Марш, который искренно верил что в противном случае Иванов с Балаховичем устроят во Пскове бунт против правительства. Генерал до известной степени был прав в своих опасениях, а потому элементарный такт заставлял нас выждать более благоприятного момента, чтобы вернее отделаться от навязанной правительству персоны.

В седьмом часу снова за исключением невошедших в состав правительства, собираемся у ген. Марша для подписки нашего заявления, принятого час назад. Англичане вовсе не возражают против измененной редакции заявления, но настойчиво требуют пять подписей с обозначением портфелей, мотивируют тем, что иначе это подорвет в глазах эстонцев и союзников авторитетность организовавшегося правительства. Перебрасываемся быстро отдельными сло-

вами, что, мол, дальнейшая индивидуализация портфелей от нас же зависит, и подписываемся. Применительно к предшествующей разметке, министром председателем, финансов и иностранных дел подписывается С. Г. Лианозов, внутренних дел К. А. Александров, военным — ген. Юденич, остальные подписываются без указания портфелей. Ген. Марш возвращает С. Г. Лианозову предыдущее, подписанное нами «начерно» заявление. Церемония кончается, и мы расходимся. В конце концов нами было подписано в те памятные дни всего одно упомянутое заявление, имеющее значение действительно официального документа.

Оказывая известное давление при подписании нами договора о признании государственной независимости Эстонской Республики, англичане в то же время не особенно церемонились и с эстонским правительством. Приводимый ниже документ, содержащий открытую угрозу «немилости» эстонскому правительству, служит тому красноречивым доказательством.

«Эстонскому правительству (Министру Иностранных Дел).

Копия Русскому Министру Иностранных Дел.
(Перевод с английского).

Генерал-Лейтенант сэр Губерт Гоф получил Ваше заявление от 11 августа 1919 года, адресованное Бригадному Генералу Дж. Маршу.

1. Он приветствует Ваше уверение, что Эстонское Правительство готово оказать всевозможную поддержку вновь сформированному Русскому С.-З. Правительству и ожидает, что Вы дадите инструкции Вашему Главнокомандующему немедленно начать обсуждение подробностей совместных действий с генералом Юденичем и приведете намеченный план в немедленное исполнение. В данный момент он предпочитает не высказывать своих опасений о том, что может случиться, если его ожидания не оправдаются.

2. Русское Северо-Западное правительство, образованное из коалиции членов разных партий, через своего министра-председателя и министра иностранных дел г-на Лионозова одновременно с сим передает заключение Вам и Представителям Соед. Штатов Северной Америки, Франции и Великобритании в Ревеле. Полковник Пири-гордон, представитель Британского Министерства иностранных дел, поддерживает Ваши требования о признании абсолютной независимости. Я уже уверял Вас в моей самой искренней симпатии и опять уверяю Вас в том же, если Вы поддержите по-

литические и военные цели новой демократической Северо-Западной России.

3. Мой представитель бригадный генерал Марш возвращается в мою главную квартиру 14-го августа, и хотя я знаю, что Вы к этому времени не можете дать мне окончательного ответа, я прошу вас обратить внимание на то, что я ожидаю, что Вы придете в наикратчайший срок к благоприятному соглашению с Русским Правительством.

Ф. Дж. Марш, Бригадный генерал.
Генерал-лейтенант Сэр Губерт Гоф.
Начальник Союзной Военной Миссии в Финляндии и Балтийских Штатах Сев.-Зап. России.

Ревель, 13 августа 1919 г.

13-го августа днем, в заседание правительства явились генерал Родзянко и начальник штаба армии ген. Вандам (известный уже читателю по Пскову). Оба эти генерала утром того же дня, сидя вдвоем в гостинице Ревеля, выработали декларацию пожеланий всей армии и поспешили ознакомить нас с ней. Своей кустарной обсебятиной они решили предупредить наше желание более тесной беседы с армией в кругу всех начальников отдельных частей и таким путем обезвредить нас загодя.

«Пожелания» оказались очень скромные: армии дать все — продовольствие, снабжение, снаряжение, деньги, обеспечить ей активную военную помощь, но в дела ее не вмешиваться и на фронт без разрешения не ездить. В своей книге ген. Родзянко преподнес читателям этот выпад в виде эффектного «холодного душа», которым он будто бы окатил тогда нас, но на самом деле впечатление получилось обратное. Бесцеремонность «декларации» была настолько ясна, что сам Родзянко почувствовал это и после прочтения стал оправдывать ее смысл соображениями в роде того, что «мы ведь все своими руками сделали и терять ничего (читай: власти), не хочется». По условию генералам предполагал ответить премьер С. Г. Лианозов, но после выходки Родзянки и Вандама говорить с ними было не о чем, и С. Г. полуироническим тоном спросил их:

«Чего еще Вы желаете?».

Родзянко стал жаловаться на ингерманландцев, которые вновь начинают вести себя по отношению к русским вызывающе, поносил Балаховича, что он выпускает фальшивые деньги во Пскове, просил устранить эстонские стеснения при переезде их границы в Нарве. Вандам требовал, чтобы правительство заключило с англичанами «договор» на поставку всего нужного для армии, «обязав» их продолжать снабжение армии и зимой, если бы осенью не

удалось взять Петрограда. М. С. Маргулиес тут не выдерживает и начинает разъяснять генералу, что наше положение вовсе не таково, чтобы мы могли «обязывать» англичан. «Англичане не контрагенты наши, а благодетели», — говорит М. С. Но генерал бубнит все свое и вовсе не понимает аргументации Маргулиеса.

В заключение говорит М. М. Филиппео. Он видимо не в состоянии был спокойно отмалчиваться на генеральские «пожелания» и под конец этой первой встречи его, что называется, прорвало.

«Повторяется одна и та же история: люди никогда и ничему не могут научиться», — взволнованно говорит М. М.— «Вместо того, чтобы спаять усилия армии с усилиями общественности, вы снова противопоставляете армию обществу и думаете, что в этой гражданской войне вы можете бороться одни. Мы в праве были ожидать от руководителей армии иного понимания данного момента и иного отношения к нам».

Филиппео говорит медленно, останавливаясь. Генералы слушают мрачно, в том числе и генерал Юденич, который кажется совсем окаменевшим. М. М. кончает; наступает некоторая неловкая пауза. Генералы, видимо, не знают, что ответить. С. Г. Лианозов встает и тем кончает их «беседу» с правительством. По уходе их скоро и мы расходимся. Дорогой журим М. М. Филиппео, зачем он не выдержал общего тона и пустился в объяснения с генералами. М. М. добродушно отбивается.

О предполагаемом визите генералов к ним мы знали, конечно, заранее. Знал о нем также г. Иванов и захотел использовать генерала Родзянко в этой встрече с нами в роли борца за него — Иванова, чтобы импонировать нам в своих домогательствах портфеля «именем армии». С этой целью г. Иванов перехватил утром 13-го ген. Родзянко в Ревеле на вокзале и стал склонять его поддержать именем армии кандидатуру Иванова в премьер-министры, обещая за это примирить с генералом «батьку» Балаховича, по поговорке: «вы нам, а мы вам». А чтобы Родзянко выполнил эту миссию более или менее удовлетворительно и не сбился на словах, вручил ему такую шпаргалку:

«Приветствуя инициативу союзных держав в образовании северо-западной власти, считаю, что таковая власть должна быть демократической и решительной. Для этого необходимо:

1) чтобы во главе правительства стал не капиталист, особенно не должен стать крупный капиталист, а должен быть человек, известный демократическими взглядами, чтобы это был человек активный и решительный, известный своей

энергией в армии, чтобы он был из Петрограда и был известен не только во Пскове и Петрограде, но и в Ревеле, чтобы к нему было доверие эстонского правительства, чтобы он был вообще известен армии.

Таким лицом является Н. Н. Иванов, который, удовлетворяя вышеизложенным требованиям, имеет определенный план действий, пользуется самыми большими симпатиями эстонского правительства и даже эстонской армии, что очень важно, и первый еще в феврале требовал создания северо-западной власти;

2) чтобы в кабинете министров была выделена главная группа из пяти-шести человек, которая все решала бы — иначе кабинет министров потонет в разговорах;

3) чтобы правительство не сменялось до Учредительного Собрания.

Дополнительно к изложенному необходимо передать главнокомандование ген. Лайдонеру».

Как повествует в своей книге ген. Родзянко, он ответил рекомендующему себя Иванову, «что с фальшиво-монетчиками и мерзавцами я никакого дела иметь не желаю и не только не буду поддерживать его (Иванова) и Балаховича перед англичанами, но немедленно поеду к генералу Маршу и передам ему все дело о печатании фальшивых керенок».

Впрочем, этим не ограничилось домогательство г-на Иванова: в промежутке между дневными и вечерним заседаниями г. Иванов явился на квартиру С. Г. Лианозова и стал упорно настаивать, чтобы С. Г. сказал причину, почему Иванову не хотят дать никакого портфеля и оставляют его, так сказать, за бортом непосредственного и активного дела. С. Г. ответил, что против участия г-на Иванова в правительстве ген. Юденич и многие другие члены правительства, недовольные его предшествующей деятельностью в содружестве с Булак-Балаховичем.

Получив и тут отказ, г. Иванов бросился к ген. Маршу, и последний, по просьбе Иванова, написал С. Г. Лианозову письмо, прося предоставить какой-нибудь портфель либо Иванову, либо его другу д-ру Гейману. Сей последний господин, отложив всякие стеснения, одиночным порядком лично явился к ген. Маршу и просил включить и его в состав правительства!

«Ни тому ни другому» — решили мы в ответ на это письмо.

На вечернем заседании обменялись между прочим мнениями о «пожеланиях армии». «Горн кипит по поводу заявлений Родзянко. Я думаю — ерунда, будет сила — сломим их», — замечает М. С. Маргулиес в своем дневнике под этим числом. Действительно я указывал, что генералы уже

объявили нам войну; этого, конечно, надо было ожидать, и чем скорее мы примем брошенную нам перчатку, тем лучше будет для общего дела. К сожалению, ген. Юденич не присутствовал на вечернем заседании и прения скоро улеглись сами собой; большинство присутствующих вполне разделяло мою оценку и расходилось только в моменте, когда нужно поднять эту перчатку.

На другой день ген. Родзянко очевидно пожалел о своих столь неприкрытых шагах накануне и, вернувшись в Нарву, поспешил исправить свою ошибку.

«Из Штаба Северо-Западной армии. № 830 с/сл. 14 августа. 16 час. 40 м.

Отдел внешних сношений.

Председателю Северо-Западного Правительства.

Северо-Западная Армия приветствует в Вашем лице правительство С.-З. России и надеется найти в нем полную поддержку в начатом деле по свержению большевистского ига, водворению правопорядка и законности, доведению России до Учредительного Собрания, а также установлению хороших отношений с соседними государствами. 14—1919. Нарва.

Командующий С.-З. Армией ген.-майор Родзянко».

Два обращения — одно другому противоречащие. То не смейте без нашего спроса на фронт показываться, а то доведите Россию до Учредительного Собрания.

Большинство членов правительства поняли тогда эту телеграмму как отбой генералов. С. Г. Лианозов ответил на нее в весьма приподнятом духе.

«Командующему С.-З. Армией генералу Родзянко.

Ваша приветственная телеграмма доложена мною в заседании Совета Министров в присутствии военного министра, главнокомандующего ген. Юденича. Правительство поручило мне благодарить С.-З. Армию и Вас за высказанные приветствия.

Правительство просит также довести до сведения Армии, что оно согласилось принять на себя тяжелое бремя власти, вследствие настояния союзников, заявивших о возможности продолжать свою помощь и снабжение лишь в случае образования правительства с демократическими принципами. То же заявление сделано было эстонским правительством. Катастрофа надвигалась неотразимо и наша Армия, приковавшая к себе своим героизмом взоры всего мира, была бы неминуемо обречена на напрасные жертвы. Спасая положение армии и в целях ускорения взятия Петрограда и избавления всей страны Русской от ига большевиков, было образовано

правительство, в состав которого вошел как военный министр главнокомандующий армией генерал Юденич и таким образом между Армией и Правительством установлена живая связь. Правительство твердо уверено, что, идя рука об руку с С.-З. Армией и входя во все ее нужды, оно, наконец, получит возможность осуществить заветную мечту всех преданных делу свободы русских людей — сломить засилие и гнет большевиков и вернуть всех к мирной работе. Поэтому лозунгом момента должно служить «все для Армии». Ведь эта Армия — освободительная. Она идет для освобождения русского народа от ига большевиков, идет на помощь закреплению истинных свобод всем слоям населения без различия веры и состояния, на помощь крестьянам, рабочим и всем гражданам для завоевания счастливой мирной жизни и для разрушения того мертвого духа насилия, который царствует ныне в Совдепии. Эта идея всех нас объединит и на этом пути мы всем вам попутчики. Армия наша уже много сделала, народ русский по заслугам оценит героические усилия русских воинов и те сверх-человеческие подвиги, которые они совершили и совершают во имя освобождения своей несчастной Родины, при той невероятно трудной обстановке, которую мы все знаем. Будем надеяться, что при дружественной помощи свободной Эстонии и при содействии союзников в деле снабжения и финансов, мы ускорим возложенные на нас Родиной тяжелые обязанности и войдем, наконец, в Петроград, как вестники мира, свободы, законности и порядка, делающие возможным созыв Всероссийского Учредительного Собрания для установления желанного народу государственного строя.

Председатель Совета Министров
Лианозов».

Телеграммы эти в приказах не были опубликованы. Немудрено: 14-го августа ген. Родзянко ратовал об «учредительном собрании», а 17-го его правая рука, дежурный генерал штаба армии барон Вольф раскрывал объятия для «штабс-капитана Чернякова» (Маркова). С появлением на свет правительства и с переходом бывшей Хомутовской канцелярии в ведение министерства внутренних дел, Марков немедленно был удален оттуда, перекочевав согласно приказа № 9 от 17 августа «в распоряжение дежурного генерала штаба армии».

14-го августа приехал из Пскова Ф. Г. Эйшинский (городск. голова) и Ф. А. Эрн (председатель думы), 15-го утром П. А. Богданов (бывш. председ. псковской земск. управы). Собственно с этого только момента и начинаются настоящие переговоры о конструкции и личном составе правительства,

при чем ген. Марша мы теперь ни о чем не спрашивали, считая, что его роль крестного папаши была выполнена 10—11 августа до конца. Явившись случайно внешним выразителем давно назревших требований самой жизни, ген. Марш снабдил эти требования силой своей власти, предоставив в остальном общественным деятелям строить власть так, как того требовал момент и демократические тенденции.

Переговоры происходили с 14 по 18 августа и настоящим образом правительство сконструировалось лишь 18 августа.

Прежде всего Ф. Г. Эйшинский заявил, что он войдет в правительство, если на то согласится псковская дума, выбравшая его головой и без разрешения которой он не может оставить городских дел. По этому пункту было решено, что мы — псковские гласные — в ближайшие дни вернемся во Псков и там испросим соответствующее благословение Думы. Далее пошли разговоры о программе и составе правительства. Богданов, Эйшинский и я вошли в связь с местным социалистическим блоком. Последний решил поддержать нас, и, после дебатов внутри, нашел коалицию приемлемой на следующих началах: социалистам предоставляются портфели государственного контроля, продовольствия, земледелия, труда, ответственные посты (но не портфели) в министерстве внутренних и иностранных дел, отделение должности главного командования от портфеля военного министра, с учреждением при сем последнем особого политического отдела, заведывание которым должно быть предоставлено лицу по рекомендации блока (имелся в виду надзор за подбором личного состава верхов армии и отдел пропаганды).

16-го августа мы — псковичи (Эйшинский, Богданов и я) обсуждали с М. С. Маргулиесом возможность соглашения и совместной работы, применительно к программе, выдвигаемой блоком. Вопросы ставил Богданов, М. С. Маргулиес отвечал от имени правой части лиц, входивших в сев.-зап. правительство.

«Согласны ли на паритет с социалистами, какова будет декларация, согласны ли на уничтожение по крестьянскому вопросу всех актов Хомутова, согласны ли устроить контроль над действиями армии, согласны ли создать учреждение, перед которым правительство отдавало бы отчет» — вопрошает П. А. Богданов.

«Никаких паритетов, — отвечает М. С. Маргулиес, — а личные кандидатуры делового характера; соглашение с социалистическим блоком признаем необходимым, учреждение для отчетности желательным, но фактически согласимся на съезд с такими парламентскими функциями, когда можно будет устроить выборы на большей территории, ибо мы,

петроградцы, висим в воздухе. Во всяком случае предстоящий съезд мы не считаем таким учреждением. Введение активного контроля за действиями политического характера и назначениями в армии все считаем необходимым, но делать это надо осторожно, чтобы не оттолкнуть армии от себя».

На следующий день, 17 августа, блок официально прислал своих представителей для переговоров с правительством во главе с А. С. Пешковым. Вопросы были те, которые уже ставил П. А. Богданов; приблизительно те же давались ответы. Относительно отделения портфеля военного министра от главнокомандования М. С. Маргулиес ответил, что это невозможно, в силу особого положения ген. Юденича, и лучше такого главнокомандующего иметь в среде правительства, чем вне его. «На паритет не согласны, а готовы итти на приоритет, если у вас окажется достаточное для этого число подходящих деловых людей, — говорил М. С. Портфель министра труда и общественного призрения блок выразил желание оставить за его кандидатом, так как портфели земледелия, продовольствия и контроля уже предоставлены сторонникам идей блока (т.-е. Богданову, Эйшинскому и мне). В общем переговоры прошли удовлетворительно и, в результате их, правая кабинета согласилась включить в свой состав представителей блока, его председателя А. С. Пешкова. После этого поддержка соц. блоком правительства сама собой обеспечивалась.

В промежутке описанных совещаний шли разговоры еще отдельно между нами — псковичами, входить или не входить в состав правительства. Помню одно из таких собеседований на квартире П. А. Богданова. Застрельщиком был он же и выдвигал такого рода опасения на счет нашей будущей коалиции. Деньги и командование (т.-е. фактическая власть) у ген. Юденича, портфели внутренних и иностранных дел у лиц, вышедших из рядов его Политического Совещания (С. Г. Лианозов — бывший его член, К. А. Александров, бывший главноначальствующий гражданской частью по назначению Полит. Совещания), а у нас проблематическая поддержка населения, да надежда на английский кулак, которого еще трусят наши генералы. В то время эти доводы не раз приходили в голову, конечно, каждому из нас, но на все их имелись, казалось тогда, столь основательные ответы, что они победили в конце концов и П. А. Богданова.

Ф. Г. Эйшинский и я говорили приблизительно следующее:

Признав вооруженную борьбу с большевиками необходимой, признав единственно правильным, в условиях данного исторического момента, вести ее на коалиционных на-

чалах с представителями прогрессивной буржуазии, признавшей наши демократические требования, мы от А должны перейти к Б, от агитации и за реконструкцию власти — к принятию ее. В этом положении между нами нет сейчас спора. Пойдем дальше. Мы штатские, а не военные, между нами нет военных техников и, следовательно, командование по необходимости только и мыслимо в руках генералов, которые с политической точки зрения почти все неудовлетворительны и ген. Юденич вовсе не худший среди них. Для обезвреження его и его штаба мы посадим наше око в так называемый Политический Отдел военного министерства, на что согласны все остальные министры поголовно. С. Г. Лианозов рассчитывает, что и на деньги удастся наложить руку, буде их пришлет сюда Колчак. А что касается доброй воли и намерений ген. Юденича, то до сих пор он сдал свои позиции по всем пунктам и можно думать, что в конце концов, не вопреки своей воле. Лично я передал о слышанном мною разговоре ген. Юденича на вечер в английском косульстве 14 августа. По словам генерала, он уже телеграфировал Колчаку и всем заграничным нашим представителям, что согласился с доводами ген. Марша и стал под правительство, войдя в него наравне с прочими, как министр. Далее, остальная «правая» часть кабинета по духу и намерениям нам вовсе не враждебна. Почти на все требования социалистического блока они соглашаются и совершенно не будут возражать, включая сюда и «капиталиста» С. Г. Лианозова, против самой радикальной декларации правительства, а все хомутовские приказы считают вместе с Вами печальным и вредным явлением. А что касается персональной приемлемости лиц на постах премьера и внутренних дел, то об этом мы еще не сказали последнего слова.

16 августа в вечернем заседании правительства произошел обмен мнений, окончательно решивший нашу коалицию. На обсуждение встал вопрос о скорейшей выработке нашей декларации. До выбора необходимой для этого комиссии произошли небольшие общие прения по основным пунктам нашего политического credo: по вопросам аграрному, всеобщего избирательного права, Учредительного Собрания и наших будущих отношений к адмиралу Колчаку. На заседании, кроме штатских министров, присутствовал ген. Юденич и к.-адмирал Пилкин (в качестве морского министра).

Обычно молчаливый ген. Юденич определенно, в выражениях, не оставляющих никакого сомнения, заявил, что земля должна быть отдана крестьянам без всяких условий. Его поддерживает к.-адмирал Пилкин; оба они не возра-

жают ни против всеобщего избирательного права, ни против созыва Учредительного Собрания в Петербурге. Относительно последнего пункта имеется некоторое время ген. Юденич, да и то потому, что «немедленные выборы» ему кажутся технически неосуществимыми. Замечание очень основательное. Разногласия вспыхивают при имени адм. Колчака. Ген. Юденич получил от него свое главнокомандование, к.-адмирал Пилкин, как моряк, связан с Колчаком тесными личными отношениями и немудрено, что оба они сразу насторожились, когда высказал сомнение в прогрессивности намерений адмирала Колчака.

«Адмирал Колчак, — ответил мне В. К. Пилкин, — не «бог знает где», а в Омске, имеет демократическое правительство и определенно высказался за народовластие в будущей России».

«Совершенно согласен с В. К.», — быстро поддерживает ген. Юденич.

«Но речь идет ведь не о признании или непризнании адм. Колчака — он факт», — говорит С. Г. Лианозов. — «Нам нужно лишь подчеркнуть общность наших усилий и намерений».

«Поскольку есть совпадение в наших намерениях» — корректирует М. С. Маргулиес.

— Какие могут быть сомнения... — жмет плечами В. К. Пилкин.

Спор не получает своего окончательного решения, но выбор комиссии обезоруживает нас. Выработка декларации поручается Ф. Г. Эйшинскому, П. А. Богданову, М. С. Маргулиес, В. Л. Горну, К. А. Александрову и Н. Н. Иванову, т.-е. радикальный характер будущей декларации принимается как основа нашей коалиции.

Параллельно с начавшейся работой нашей комиссии происходит внутренняя работа по пересмотру персонального состава кабинета. Мы, псковичи и ревельцы, Пешков и Филиппео вместе составляли довольно солидную группу шесть человек, своего рода левую будущего кабинета, и считали своим долгом, не ограничиваясь декларацией, подойти к составу правительства в смысле его надежности, устойчивости и верности принимаемой нами программы.

Внимание попеременно останавливали имена ген. Юденича, к.-адмирала Пилкина, Н. Н. Иванова, С. Г. Лианозова и К. А. Александрова.

О сенаторе Иванове, проектируемом министре юстиции, говорить не пришлось. Он мелькнул, как метеор, тщетно попытавшись оттягать портфель министра вн. дел. Получив отказ, прислал заявление о «выходе» и удовлетворился работой в «комиссии по организации временного управления

в Петрограде», организованной еще, если не ошибаюсь, при Полит. Совещании; нечто в роде «комиссии наблюдения за комиссией построения», но, к сожалению, довольно недурно оплачивавшейся.

Г. Иванов № 2-й (не сенатор), надо отдать ему справедливость, жарко добивался сначала портфеля внутренних дел, а потом хоть какого-нибудь. Ген. Маршу он буквально не давал покоя и, повидимому, с одной стороны, рисовал англичанину все ужасы катастрофы, если он, Иванов, окажется и впредь «без портфеля», с другой — просто угрожал, намекая на возможность восстания балаховских частей, и вообще всячески спекулируя именем «атамана крестьянских, партизанских» и прочих фантастических отрядов. Ген. Марш сначала, как я говорил, письменно просил С. Г. Лианозова предоставить какой-нибудь портфель Иванову, а когда его письмо не имело успеха, пошел к ген. Юденичу и В. К. Пилкину и предлагал им «потребовать» у правительства (!) назначения Иванова министром внутр. дел. Генералы ответили, что не их дело перетасовывать кабинет, пусть это делает само правительство. Ген. Марш бросил после этого хлопотать за г. Иванова и одно время вместе с ген. Гофом они, говорят, думали утешить г. Иванова прогулкой на военном крейсере в... Австралию («откуда не скоро вернешься в Ревель»!).

Обратное, конечно, думал г. Иванов и «работал, работал» без конца, считая для своей карьеры пригодными все средства. Так, он неоднократно с теми же домогательствами обращался ко мне, а Ф. Г. Эйшинскому, при встрече в ресторане «Линден», определенно заявил, что если ему не будет предоставлено ответственного портфеля, он завтра же едет во Псков и там учинит новый переворот.

Получая отовсюду отпор и отказ, Иванов одновременно забегал к тогдашнему эстонскому министру внутр. дел г. Геллату и всячески внушал последнему мысль о необходимости для нашего правительства (конечно, строго в интересах дела) перенести свою резиденцию в Псков. Расчет был простой: там «батька», вся опричина и с нами можно распоряжаться без всяких церемоний. У г. Геллата, стоявшего тогда особняком в правительстве, имелись свои собственные соображения на этот счет (о них я скажу ниже), идея г. Иванова пришлось по душе этому министру и, очевидно, не без его давления, С. Г. Лианозову был сделан первый намек о переезде в Псков. Не могу сказать, в сколь деликатной форме подавалась эта первая эстонская пилюля, но англичане реагировали на нее бесцеремонно резко. Пиригордон ответил: «русское правительство уедет тогда, когда найдет нужным».

Поведение г. Иванова и полное недоверие к его политической физиономии внушали нам настолько отрицательное к нему отношение, что, кажется, единственным желанием всех нас было избавиться от него при первой возможности. Он знал это и мстил анонимно в своей ревельской газетке на все лады, третируя нас самым безобразным образом; нужды нет, что это было то самое правительство, в котором он добивался себе портфеля во чтобы то ни стало. Между прочим, он всячески подчеркивал, что в состав правительства вошли «статистики». Никто из нас не был к тому времени статистиком, но это занятие в понятиях Иванова, очевидно, было уничтожительным и он особенно подчеркивал его в нашей прошлой деятельности. Другие наши «изъяны» он рисовал еще резче.

Самые большие опасения вызывал ген. Юденич. То, что я писал о нем выше (в период существования Полит. Совещания), в момент образования правительства большинству из нас вовсе не было известно. Лучше генерала знали С. Г. Лианозов и М. С. Маргулиес, но они об этом умолчали и считали наши страхи преувеличенными. А после прений по декларации, предубеждение как будто стало рассеиваться и среди нас. На первых порах генерал уступил нам практически и теоретически по всем пунктам, т.-е. соглашался на чистку штабов, возмущался вместе с нами безобразиями комендантов, не спорил против политических целей, которые ставило себе правительство — чего еще оставалось требовать? Деньги, те материальные средства, которые обещались ранее ему? Но у нас была надежда, с помощью союзников, перевести все причитающиеся на имя ген. Юденича в адрес правительства. Командование?.. Других генералов с таким большим всероссийским именем вокруг не было, а сами мы в этой области решительно ничего не понимали. Выходило так, что возражать против его кандидатуры как будто нечего, и мы, в конце концов, перестали возражать.

Еще менее возражений встретила фигура контр-адмирала Пилкина. Правда, при отсутствии всякого флота, немножко смешно было говорить о портфеле «морского министра», но мы с самого начала смотрели на наш кабинет скорее как на руководящую общей работой политическую коллегию, нежели на «министерство» в общепринятом смысле, и потому в составе правительства мы старались достичь максимума желательной коалиции, дав военным два места.

В противоположность ген. Юденичу, к.-адмирал Пилкин производил впечатление определенно высоко-интеллигентного человека и, казалось, столь же определенной прогрессивности своих воззрений. Испытание «огнем» — на декларации он выдержал еще более блестяще, чем ген. Юденич.

А то, что оба генерала впоследствии изменят своей подписи, тогда и в голову нам не приходило.

К. А. Александров (мин. вн. дел) отрекомендовался нам кадетом. Чтобы выяснить эту фигуру более точно, я затеял с ним, в присутствии М. С. Маргулиеса, разговор о практических ближайших задачах правительства и поставил ему несколько вопросов в упор.

— Почему вы не ехали раньше во Псков и ничего не делали против творящихся безобразий в Нарве? — спросил я его.

— Я боялся, что меня убьют, а теперь в новых условиях я смогу плодотворно работать, — ответил К. А.

— «Я думаю, что нужно основательно очистить штабы и тылы от всех лишних и вредных элементов, и если мы, министры, не займемся этим в первую голову и не разгоним всю насыпь из тылов — мы не исполним нашей роли и не оправдаем нашего появления», — говорю я.

— Верно, верно говорит В. Л., — поддерживает меня К. А. Александров.

— «Азбука...—тянет М. С. Маргулиес, — Вот посмотрим, как станет разгонять эту нечисть г. министр внутренних дел в своем ведомстве», — вызывающе посмеивается он, глядя на К. А.

«Вял, слаб для мин. вн. дел»,—осталось попрежнему возражение против кандидатуры К. А. Александрова. Заменить же его трудно было: на нашу левую кандидатуру правое крыло определенно не соглашалось, боясь, по их словам, резкостей и потрясений в условиях и без того критического положения, внутри же своей компании они ситали К. А., как кадета, естественным кандидатом, уравновешивающим крайние полюсы в кабинете.

Про С. Г. Лианозова говорил: «какой он политик и руководитель кабинета — он финансист, купец». Эту характеристику сдабривали еще ядом подозрений насчет его будущих финансовых операций в правительстве. Но впечатление и личное общение с ним определенно располагало в его пользу. Никаких признаков обличья Кита Китыча, широко образованный, европейского лоска человек, импонирующий в деловых отношениях редким тактом и терпимостью к своему противнику. Доктринерство, нашептывания — с одной стороны, и противоречие с этим внешних впечатлений, с другой — повели к тому, что в возражениях против С. Г. Лианозова единогласия среди нас не оказалось и; помню, мы решили таким образом, что лучшего министра иностранных дел нам не найти во всем составе правительства, что же касается финансов, то будем считать этот пост за С. Г. условно. Для премьера все считали С. Г. вполне под-

ходящим: определенно прогрессивен, приемлет декларацию, великолепно умеет выдержать и провести общие тенденции кабинета и обладает нужным личным тактом на столь щекотливом посту. Впоследствии он прекрасно оправдал это мнение и, за исключением генералов, в составе правительства не оказалось ни одного человека, который, расставаясь с С. Г., в чем-либо мог бы упрекнуть его, как премьера и коллегу.

И. Т. Евсеев и Е. И. Кедрин вошли в состав правительства позже вместо г.г. Карташева и сен. Иванова. О них вовсе не было споров, когда они вступали в наш кабинет: оба бывшие члены Государственной Думы, с определенно прогрессивным и общественным прошлым.

В итоге чисток, обсуждений и «ходов» физиономия правительства, как это видно ниже, резко изменилась по сравнению со списком, предложенным впервые ген. Маршем, что само по себе достаточно показывает, под влиянием каких течений и причин сложилось северо-западное правительство и сколь случайна была в его образовании роль «английского капрала».

То-есть процент определенно демократически настроенных лиц в первом списле составлял 44, а во втором — 72, при наличности в правом крыле такого человека, как С. Г. Лианозов.

Через ½ месяца, когда число членов правительства сократилось до 12, этот процент составлял 83.

Еще два слова по вопросу о распределении портфелей. В своей книге «У ворот Петрограда» т. Кирдецов между прочим пишет по этому поводу так (стр. 240): «Правительство, потеряв несколько дней над разрешением задачи о распределении портфелей — специалистов, знающих свое дело, оказалось очень мало — приступило к выработке своей основной декларации...» Пишущему эти строки всего труднее возражать на подобные безапелляционные утверждения, а потому я ограничусь в данном случае чисто фактическими поправками. Споры о портфелях были, но не по техническим, а по политическим соображениям, о чем я писал выше. С технической же точки зрения споров вовсе не было.

Ф. Г. Эйшинский, взявший продовольствие, в течение нескольких лет до этого во Пскове состоял деятельным членом и председателем городского кооператива, а в городской думе специально ведал продовольственную часть. Ф. А. Эрн, директор реального училища по выбору, старый педагог, публицист в области педагогических вопросов и в настоящее время ценный и видный работник латвийского министерства народного просвещения, взял портфель

Список, предложенный ген. Маршем.		Состав 18 августа.	Окончательный состав.
1. Премьер-мин. и мин. финан.	Лианозов (бесп. прогр.).	1. Лианозов (бесп. прогр).	1. Лианозов (бесп. прогр.).
2. Мин. иностр. дел	Крузенштиерн (бесп.).		
3. Военный министр.	Суворов (бесп.).	2. Юденич (прав.).	2. Юденич (прав.).
4. Министр культа.	Карташев (прав. кад.).	3. Евсеев (бесп. прогр.).	3. Евсеев (бесп. прогр.).
5. Мин. внутренн. дел.	Александров (кад.).	4. Александров (кадет).	
6. Мин. торговли, снабж. и нар. здрав.	Маргулиес (р.-д.).	5. Маргулиес (р.-д.).	4. Маргулиес (р.-д.).
7. Министр юстиции.	Сен. Иванов (бесп.)	6. Кедрин (кадет)	5. Кедрин (кадет).
8. Морской министр	Пилкин (прав.).	7. Пилкин (правый).	6. Пилкин (прав.).
9. Министр продовольствия.	Эйшинский (бесп. соц.).	8. Эйшинский (бесп. соц.).	7. Эйшинский (бесп. соц.).
10. Государственн. контролер.	Горн (плехан.).	9. Горн (плех.).	8. Горн (плехан.).
11. Министр просвещения.	Эрн (лев. кад.).	10. Эрн (лев. кад.).	9. Эрн (лев. кад.).
12. Министр земледелия.	Богданов (с.-р.).	11. Богданов (прав. с.-р.).	10. Богданов (пр. с.-р.).
13. Министр почт. и телегр.	Филиппео (рад.-дем.).	12. Филиппео (р.-д).	11. Филиппео (р.-д.).
14. Министр общ. призрен.	Кондырев (прав.).	13. Пешков (пр. с.-р.).	12. Пешков (пр. с.-р.).
15. Министр без портфеля.	Иванов.	14. Иванов.	
16. Мин. переустр. фабрик.	Бутлеров (бесп.).		

просвещения. П. А. Богданов — кооператор-земец, близко знающий крестьянскую среду и ее запросы — точно специально был создан для портфеля министра земледелия. А Е. И. Кедрин? Могло ли у кого-либо возникнуть сомнение, что он, присяжный юрист, не подходит для министерства юстиции. Или, что можно было возразить против М. С. Маргулиеса на амплуа министра народного здравия, имеющего, кроме юридического, и врачебный диплом, бывшего председателя Петроградского санитарного отдела Союза городов; или против него же, в качестве министра снабжения, торговли и промышленности, как бывшего председателя Всероссийского Военно-Промышленного Комитета, владеющего европейскими языками, так необходимыми, когда дело и технически приходилось вести с теми же иностранцами. И уже совсем не приходилось нам гадать, подходяще ли предоставить портфель призрения профессиональному педагогу, человеку чрезвычайно мягкому, А. С. Пешкову, или портфель исповеданий — члену всероссийского церковного собора И. Т. Евсееву. Возражали против К. А. Александрова, но только с политической, да и вернее не с политической, а тактической точки зрения, как против человека слабого и нерешительного в условиях той мексиканской обстановки, в которой ему предстояло действовать, а ничуть не больше.

Вот почему с технической точки зрения, при распределении портфелей, у нас, вопреки утверждению г. Кирдецова, вовсе никаких споров не было.

После того, как состав правительства и его программа более или менее наметились, мы — псковичи — поехали домой, чтобы: 1) объяснившись обстоятельно с местным эстонским командованием по поводу перемены у нас власти, выяснить прочность и надежность псковского фронта, 2) испросить благословение думы (Эйшинский, Эрн и я) и кооператоров (Богданов) и 3) позондировать о шансах г. Иванова у местного эстонского командования и ген. Балаховича. Одновременно с нами поехал английский капитан г. Смитис (посланный Пири-Гордоном), чтобы специально просить думу освободить Ф. Г. от обязанностей городского головы. Миссия, имевшая больше характер официального заявления представителя союзников о той поддержке, которую собирались оказать правительству союзники, так как согласие думы на уход Ф. Г. в правительство заранее было обеспечено.

По нашем приезде во Псков, в думе состоялось многолюдное заседание Ф. Г. и я (Ф. А. Эрн в это время отправился на учительский съезд, собравшийся во Пскове) доложили о возникновении Северо-Западного правительства,

при чем Ф. Г. сказал, что без согласия думы он, конечно, не оставит своих обязанностей городского головы. Поднялся капитан Смитис и от имени уполномоченного Великобританской дипломатической комиссии в Прибалтийском крае полк. Пири-Гордона прочел на английском языке следующее обращение к Псковской думе:

«Псковичи!».

Тяжесть настоящего положения стала столь великой, что решено обратиться к демократическим чувствам русского народа и выяснить как ему, так и союзным демократиям Англии, Франции и Соед. Штатов, тот существеннейший факт, что борющиеся ныне против большевиков русские действительно воодушевлены искренней любовью к свободе русского народа и стремятся восстановить право на демократическое самоуправление для своих сограждан, находящихся ныне в рабстве у большевиков, этих деспотических и более самодержавно-жестоких, чем любой из царей-тиранов.

В этих целях выдающиеся государственные люди всех партий Северо-Западной России объединились для образования свободного и демократического правительства губерний Псковской, Петроградской и Новгородской.

Правительство это пользуется советами и материальной помощью союзников России, доставивших ныне сюда запасы продовольствия, оружия, одежды, снарядов, дабы дать возможность вновь образованному правительству освободить как можно более земли русской из-под тирании большевиков.

Вновь образованное правительство пользуется поддержкой не одних союзников, оно обеспечило себе также полное содействие и доверие всех выдающихся граждан Северо-Западной России постолько, что сам ген. Юденич не только признал правительство г-на Лианозова, но и предоставил себя в полное его распоряжение, приняв участие в его трудах и ответственности.

Граждане Пскова! Описав Вам таким образом правительство, образованное ныне с одобрения представителей союзников для Северо-Западной России, я имею удовольствие сообщить Вам, что Ваш согражданин и Городской Голова г. Эйшинский избран в число лиц, призванных руководить судьбами России, дабы восстановить в ней и обеспечить на вечные времена демократические права для всех свободных русских граждан.

Я говорю с Вами, как друг свободной России и представитель союзной английской демократии, и призываю вас мужественно предоставить в распоряжение Вашей страдающей

страны Вашего Городского Голову, дабы он мог нести тяжелую долю участия в работе нового правительства, которое предназначено, с божьей помощью, стать орудием освобождения от тиранов Вашего народа.

Я призываю Вас, псковичи, не только дать просимое от Вас во имя свободной России, ее союзников и всей цивилизации, согласие, но дать его быстро, дабы Ваш Городской Голова мог занять свое место среди остальных министров на демократическом конгрессе представителей народа, созываемом в Юрьеве.

Граждане Пскова! Прежде чем проститься с Вами, я молю всемогущего бога, даровавшего западным демократиям победу над германцами, дабы он вдохновил Ваши сердца, преуспеял ваше оружие и даровал русской демократии победу над врагами и освобождение от угнетателей.

Г. Пири-Гордон.

Уполномоченный Великобританской Дипломатической Комиссии в Прибалтийском крае.

Английский текст последовательно передавался по-русски, и, по окончании обращения кап. Смитиса, вся дума приветствовала его шумными апплодисментами. На предложение высказаться встал гласный думы М. П. Пошивалов и в нелишенной дозы сарказма речи высказался по существу возникновения правительства. Приветствуя образовавшееся правительство, находя его принципы насущными и своевременными, М. П. Пошивалов, между прочим, выразил огорчение, что оно образовалось «волею английского капрала», а не по прямому почину и избранию народа. В ответ на эти слова я встал и рассказал вкратце действительные обстоятельства, предшествовавшие образованию правительства, и видимо неизвестные М. П., жившему все время в Ревеле. Ф. Г. Эйшинский поставил вопрос об одобрении его действий. Вслед за ним я от себя и от имени отсутствующего Ф. А. Эрна также заявил, что приму участие в правительстве лишь по одобрении наших действий. Выступление М. П. Пошивалова прозвучало одиноко и не встретило отзвука среди гласных. Дума единодушно оказала нам теплый и сердечный прием, а когда стали голосовать наше предложение, то столь же дружно выразила поднятием рук и доверие и поощрение, покрыв их апплодисментами. Вечером в той же зале состоялась наша частная беседа, в которой мы знакомили гласных с настроением верхов в армии и намерениями союзников.

В тот же день в другом месте на учительском съезде — будущий министр народного просвещения Ф. А. Эрн делал доклад об образовании правительства своим коллегам учи-

телям и также получил от них благословение и всяческие пожелания успеха. А кооперативы и псковские эс-эры дали свое одобрение на участие в правительстве П. А. Богданова.

. . . .

24 августа, в вечернем заседании окончательно утверждается текст правительственной декларации. Генералы еще ранее не спорили против основных положений программы. Спор на этот раз заводит С. Г. Лианозов по поводу п. 9 декларации о допустимости «правительственного контроля над производством», доказывая, что при восстановлении России промышленникам нужно оставить совершенно свободные руки — мысль, которую много позднее с большим подъемом развивал на промышленном эмигрантском съезде в Париже московский крез — Рябушинский. Большинство присутствующих не соглашается с С. Г., прежде всего, конечно, вся левая, и он, в конце концов, уступает нам. Текст декларации готов. Довольно сильное вступление к ней набросал И. Т. Евсеев, так что в целом декларация по тону оказалась немного даже невыдержанной: лирика И. Т. внезапно сменяется сухим и деловым изложением в дальнейшем содержании.

Вот этот исторический документ:

Декларация Правительства.

В братоубийственной войне, вызванной большевиками, в огне и крови гибнет Россия. Бесполезно и бесславно гибнут молодые и сильные, от голода и болезней умирают старые и слабые.

Вымирают города, опустели фабрики и заводы.

Огнем сжигаются деревни. Уничтожается на полях труд земледельца, гибнет скот, пропадает сельское хозяйство.

Лишенные крова и хлеба, толпами бродят по лесам беженцы.

Так гибнет под властью большевиков Россия. И близко дно бездны, в которую ввергнута великая страна.

Призванные к жизни необходимостью решительного и немедленного освобождения русской земли от большевистского ига, возникшее в полном согласии с полномочными представителями союзных держав, объединенное с остальной Россией в лице Верховного Правителя адмирала Колчака, правительство Северо-Западной России объявляет русским гражданам начала, которые оно полагает в основу своей предстоящей деятельности.

1. Решительная борьба, как с большевиками, так и со всеми попытками восстановить старый режим.

2. Все граждане государства Российского, без различия национальности и вероисповедания, равны в правах и обязанностях перед законом.

3. Всем гражданам в освобождаемой России обеспечивается неприкосновенность личности и жилища, свобода печати, слова, союзов, собраний и стачек.

4. Всероссийская власть должна быть воссоздана на основе народовластия. Для сего немедленно по освобождении Родины от тирании большевиков должно быть приступлено к созыву нового Всероссийского Учредительного Собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

5. Если по условиям созыв Всероссийского Учредительного Собрания не представится возможным вскоре по освобождении Петроградской, Псковской и Новгородской губерний, то для устроения местной жизни должно быть созвано в Петрограде Областное Народное Собрание, избранное на той же демократической основе освобожденным населением.

6. Населяющие отдельные территории народности, входящие в состав возрождающейся России, свободно избирают для себя форму управления (Актом, от 11 августа 1919 г. правительство Северо-Западной Области России признало независимость Эстонии).

7. Административное управление государством устанавливается на основе широкого местного самоуправления. Земские и городские самоуправления избираются на общих демократических началах.

8. Земельный вопрос будет решен согласно с волей трудового земледельческого населения в Учредительном Собрании. Впредь до решения последнего земля остается за земледельческим населением и сделки купли и продажи на внегородские земли воспрещаются, за исключением особо важных случаев и с особого разрешения правительства.

9. Рабочий вопрос разрешается на началах 8-часового рабочего дня, правительственного контроля над производством, всемерной охраны труда и интересов рабочего класса.

Граждане многострадальной России!

Правительство Северо-Западной России, принявшее на себя в этот тяжкий час освободительной борьбы ответственность за настоящее и заботу о будущем, приглашает вас к последним усилиям и жертвам во имя Родины, Свободы и Счастья.

Следуют подписи членов правительства.

Ревель, 1919 года, августа 24 дня.

Декларация сев.-зап. правительства поставила все точки на «i» и не оставила места ни для каких экивоков или сомнений. В тогдашних условиях, при наличности стремления отдельных белых правительств закутать свое политическое

credo в самые туманные и неопределенные формы, обещая, например, в будущем созвать «земский собор», «национальное собрание», «народное собрание», т.-е. все, что угодно, кроме учредительного собрания, под органически-демократическим флагом которого терялась всякая возможность протащить ту или иную реакционную контрабанду, в противовес этому северо-западное правительство определенно принимало задачи разогнанного большевиками Российского Временного Правительства и категорически подчеркивало свой радикально-демократический облик. В этом смысле оно было, пожалуй, единственным из всех белых правительств, так как в нем под знамя декларации формально становилось и само военное командование.

Подпись под такой декларацией для договаривающихся министров было равна присяге, а обнародование ее — равносильно выдаче своего рода политического векселя со стороны обязавшейся его честно выполнить военно-общественной коалиции. Тот, кто, входя в нашу коллегию, думал впоследствии схитрить, обмануть широкие круги населения, он мог это сделать, только нарушая категорическое недвусмысленное содержание декларации. Идя на коалицию на началах, начертанных в нашей декларации, мы — демократы всех оттенков — ни в чем не нарушали нашего демократического символа веры.

IV. ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА СЕВ.-ЗАП. ОБЛАСТИ.

1. Дела военные.

Не легко было бороться с засевшей в Нарве камарильей, если бы даже ген. Юденич искренно того хотел. На самом деле он не хотел или испугался радикальной чистки штабов. Пронюхав о затеваемой чистке, полк. Зейдлиц немедленно телеграфировал в Нарву начальнику штаба, ген. Вандаму, что Юденич намерен арестовать ген. Родзянко и весь его штаб. Ген. Юденич поспешил заверить Родзянко, «что это наглая и злая ложь». Больше того: когда Е. И. Кедрину, нашему министру юстиции, с помощью эстонской полиции удалось задержать и арестовать в Ревеле героя псковских застенков полк. Энгельгардта, немедленно же подали в отставку «по домашним обстоятельствам» три полковника, предпочитавшие, повидимому, не дожидаться, когда и их постигнет та же участь. Прошения об отставке были поданы премьер-министру С. Г. Лианозову. В одном из ближайших заседаний С. Г. Лианозов передал прошения ген. Юденичу. Последний частным образом сам выражал большую радость, что удалось, наконец, отделаться от таких «сослуживцев», а потом... вернул прошения на распоряжения ген. Родзянко, при котором эти офицеры орудовали. В результате они остались попрежнему на своих местах.

Постепенно, шаг за шагом, определенно выяснилось, что Юденич слабохарактерен, нерешителен, вял и совершенно не в состоянии произвести необходимых реформ в армии, — наоборот, Родзянко настойчив, упрям и явно стоит поперек дороги всем начинаниям правительства. Это не было открытием для всех нас: еще до образования правительства широкие общественные круги определенно требовали удаления в первую очередь ген. Родзянко, а когда правительство медлило с этим, левой его части приходилось выдерживать яростные нападки со всех сторон, и тем не менее вопрос об удалении ген. Родзянко становился все сложнее и сложнее, по мере того, как выяснилась физиономия той военной среды, с которой нам ближе теперь пришлось столкнуться.

Оказалось и на этом фоне полное безлюдье. Родзянко же был подвижной человек, не лишенный инициативы, в боях беззаветно храбрый офицер, а солдатами любимый начальник, потому что по простоте своих привычек близко подходил к быту русского солдата. Английский полк. Шербург, проектируемый нами на амплуа «атташе» при Юдениче, буквально восторгался поведением ген. Родзянко и, вероятно, по этой причине совершенно не разбирался, что за компания сидела за спиной этого удалого генерала. Поневоле приходилось подумать о других мерах, тем более, что удалить Родзянку не так-то было просто, за него могла вступиться вся штабная компания, а это, в свою очередь, могло бы вызвать крайне нежелательные потрясения для нашей маленькой армии. Проектировалось поэтому постепенно убрать одного за другим наиболее одиозных из окружающих генерала персон, как, например, войскового старшину Пермыкина, ген. Вандама и др., вне этой среды с Родзянкой можно было ладить и он очень скоро шел на все доводы и резоны.

Так некрепко обстояло дело с возможностью «чистки» армии.

Ген. Юденич, что называется, ни вез, ни тянул. Например, декларация так-таки не была объявлена в приказе по войскам и распространялась среди солдат и населения при тайном, а иногда и явном сопротивлении штабов, крайне медленно. Нашу газету «Свободная Россия», которая посылалась в армию от 3000 до 5000 экземпляров, гг. штабные всячески саботировали, квася ее в канцеляриях, а на участке ген. Арсеньева делалась попытка вовсе запретить ее распространение. После вмешательства Юденича запрещение это было аннулировано, но «действия» Арсеньева, конечно, остались без всяких «воздействий». Чтобы положить конец всей этой закулисной волынке и поднять общее настроение солдатских масс, правительство опубликовало к ним особое обращение в 40 тыс. экземпляров и приняло экстренные меры, чтобы номер газеты, где оно было напечатано, дошел до солдат. Справедливость требует отметить, что среди офицерства, особенно фронтового, были все же люди, которые, несомненно, сочувствовали задачам правительства и понимали общую ситуацию гражданской войны, только голоса их намеренно затирались и заглушались разными «ловчилами», заполнявшими многочисленные штабы и бесчисленные бутафорские канцелярии. Вот эти-то офицеры иногда и помогали распространению нашей газеты, поскольку целым тюкам газет, высылаемым в армию, успешно удавалось проскочить на своем пути узкие горла штабных плотин.

2. Интервенты.

С точки зрения эмигрантской в дипломатии Антанты или не получалось никакой логики или в ней была определенная логика, клонящаяся к дальнейшему расчленению России. В этих рассуждениях не доглядели одного, что после войны европейские народные массы стали играть в международной политике более заметную роль, нежели то наблюдалось до войны. Их влияние стало проявляться в виде того открыто-враждебного общественного давления, которое они довольно успешно оказывали на свои правительства и парламенты, избранные в первые дни после окончания мировой войны.

Обращение социалистического конгресса к мировому пролетариату, а еще более усталость этого пролетариата от только что закончившейся общеевропейской войны, повели к тому, что буржуазные верхи в Европе в отношении к русской гражданской войне разошлись со своими низами самым капитальным образом. Антагонизирующие течения были и во Франции и в Англии, но давление низов на верхи в Англии, где пролетариат во много раз сильнее и относительно численнее, чем во Франции, временами оказывалось настолько сильно, что спутывало все политические карты правительства, делая поневоле его политику пестрой и непоследовательной.

Стоящий во главе английского военного министерства Черчиль был сторонником самой широкой помощи русскому «белому» движению, наоборот — английский премьер Ллойд-Джордж, ответственный за всю работу кабинета и вынужденный считаться с мощными течениями, господствовавшими в рабочих кварталах, вел колеблещуюся политику опасливой помощи «из-под полы». Официально он всячески уверял оппозицию, что никакой борьбы против большевиков британским правительством не ведется, не официально — закрывал глаза на ту помощь боевым снабжением, которую оказывал член его кабинета из арсеналов и интендантства военного министерства. С такой точки зрения становятся более понятным отдельные фазы английской помощи. В 1919 году официальная английская политика не вела войны с Советской Россией, но она в собственных интересах поддерживала неприкосновенность балтийских государств, как буфер против большевизма и как оплот против германизма. Такая позиция в известных случаях давала возможность оправданий действий английского флота. Когда большевики, например, вышли с флотом по направлению к Ревелю, английский адмирал мог топить русские корабли на том основании, что они угрожали существованию

флота буфера — Эстонии. Когда Бермонт пошел со своей армией на Ригу, английский адмирал бомбадировал его армию и побережье на том основании, что за спиной Бермонта пряталась старая Германия, мечтавшая, путем реставрации России, реваншировать у Антанты. И в первом и во втором случае бомбардировка спасала, между прочим, тыл нашей армии, она была и в нашу пользу — шаг Антанты, перетолковываемый по своему, был понятен. И действительно в то время, как в Лондоне потопление русских кораблей преподносилось, как необходимая самооборона против воинствующего большевизма, на месте в Ревеле, командующий английским флотом адмирал Коуэн немедленно явился к С. Г. Лианозову с сообщением, что опасность для нашей армии миновала, враг отбит от Ревеля, тыл сев.-зап. армии огражден. То же объяснение нам давалось, когда Бермонт угрожал эстонской территории, а тем самым угрожал тыловой базе нашей армии и ставил нас в фальшивое положение перед эстонцами. Но обстановка и характер вмешательства мгновенно меняются, как только русские белые начинают требовать от англичан наступательных на большевиков действий. Тут перед запросами в парламенте и широкой оглаской никак не отвертишься, поэтому английская эскадра становится необыкновенно вялой, английский адмирал начинает лукавить и в нужный момент уходит с эскадрой в сторону без выстрела.

Та же картина наблюдается в области снабжения нашей армии и в дипломатическом нас признании.

Лицом, которое ведало снабжение для русских за границей, был некий генерал Гермониус. Он заключал договор с Хувером о помощи хлебом, он же вел переговоры с союзниками помощи оружием и снаряжением. Представителем его в Лондоне являлся полковник Беляев. На имя этого офицера было прислано, например, следующее письмо:

Перевод с английского.

Копия

Военное Министерство.

Вайтхол. S. W.

17 июля 1919 г.

Дорогой полковник Беляев,

в ответ на Ваше письмо от 15 июля сообщаю, что мы все время получаем сведения о нуждах северного корпуса, оперирующего против Петрограда, и что мы делаем все чтобы удовлетворить эти нужды.

Значительное количество вооружения было отправлено и много боевых припасов ныне грузится.

Ваш Р. Стиль,
полковник Генер. Штаба.

Интересно добавить к этому несколько строк, которые пишет другой офицер в сопроводительном к документу письме из Лондона в конце июля. «Беляев дважды получал от британского военного министерства официальные извещения о том, что оно берет на себя обязательства снабжать всем необходимым Северную Армию. Копию этих двух бумаг я вам высылаю и передаю настоятельную просьбу полк. Беляева их никому не показывать; особенно важно, чтобы союзники о них не узнали».

Под «союзниками», очевидно, разумелась Франция, ревниво следившая за действиями Англии в Прибалтике. Но я думаю, что это все-таки была не главная причина, почему таких писем не следовало показывать. Обстоятельства, сопровождавшие отправку английского снаряжения, определенно указывали, кого боялся военный министр Черчиль. Корабли с пушками с снаряжением отправлялись из английских гаваней в неизвестном направлении, иначе рабочие отказывались их грузить. А в тех случаях, когда, казалось, эту бдительность удавалось обмануть, грузчики все-таки умудрялись тайно отвинтить у части пушек замки. Кроме того, все снаряжение обещали посылать до 1 октября — дня открытия заседания в английском парламенте. Беспристрастный читатель газет наверное помнит, как в то время изворачивалось английское правительство, когда его донимали в прессе и в парламенте коварными вопросами в роде: «правда ли, что он снабжает оружием армии, вообще против большевиков», «правда ли, что отправляло транспорты снаряжения для ген.Юденича» и т. д. Премьер Ллойд-Джордж обычно никогда не давал прямых и удовлетворительных ответов.

В вопросе с признанием сев.-зап. правительства повторилась почти та же колеблющаяся политика, хотя здесь дело осложнилось усердием наших собственных заграничных политиков и той поддержкой, которую по слепоте своей поспешила им оказать официальная Франция. Помогая организовать сев.-зап. правительство, ген. Марш и полк. Пири-Гордон делали это, конечно, не без ведома и сочувствия Черчиля, которому непосредственно были подчинены генералы Гоф и Марш. Но официально защищать этот акт по тем же соображениям, о которых я сказал выше, было неудобно. Посему для своих английское правительство, ка-

жется, вовсе замолчало всю эту историю; но когда против действий Марша и Пири-Гордона посыпались жалобы адмирала Колчака и нашего реакционного генералитета всех сортов, сидевшего на всех главных политических путях, английское правительство, огрызнувшись в том смысле, что, мол, все, что делают его агенты, они делают не без ведома правительства, но тут же вскоре, чтобы не дразнить особенно «гусей», убрало из Прибалтики всю миссию ген. Гофа, одновременно поручив оставшемуся в Ревеле английскому консулу г. Бозанкету всемерно оказывать поддержку сев.-зап. правительству. В угоду требованиям Франции, миссия Гофа, в которую входит ген. Марш и полк. Пири-Гордон, была заменена миссией французского ген. Этьевана, человека определенно реакционных взглядов, как раз подстать ко вкусам наших командных верхов. С точки зрения английского пролетариата, упорно протестовавшего против всякой интервенционной политики его правительства в Прибалтике, такая попятная политика только приветствовалась. Ему ведь не были известны те инструкции, которые доверительно получил английский консул в Ревеле, г. Бозанкет, откровенно заявивший М. С. Маргулиесу, что они секретные, но благоприятные для сев.-зап. правительства.

3. История с «крылатками».

Деньги...

Вокруг презренного металла всегда накапливалось много грязи. Выпуск сев.-зап. правительством собственных денег тоже вызвал потом разные толки и пересуды.

История выпуска этих денег восходит еще к временам существования Политического Совещания при генерале Юдениче. Нуждаясь сильно в деньгах и сознавая, что под одни погоны их нельзя выпускать, Политическое Совещание ходатайствовало перед Колчаком об отпуске ему прочной золотой валюты, намереваясь таким путем обеспечить выпуск новых, более лучшего, а не бутылочного, как «родзянки», образца денег, чтобы с ними можно было оперировать за пределами «оккупированной» полосы, а когда ответ от Колчака затянулся, придумали для предполагаемого выпуска особый, чисто политический, вид гарантии. «4 июля, — читаем мы в брошюре г.г. Кузьмина-Караваева и Карташева, — Политическое Совещание постановило приступить к печатанию в Стокгольме кредитных билетов полевого казначейства с гарантией оплаты по взятии Петрограда на один миллиард двести миллионов рублей».

Пока печатались деньги, произошел переворот, вместо Политического Совещания у власти оказалось Сев.-Зап. Пра-

вительство. Финансовый кризис к этому времени, конечно, еще более обострился, и перед правительством вопрос о выпуске денег стал столь же остро, как и перед его предшественниками. Но разница была та, что к этому времени получилась телеграмма от адмирала Колчака с уведомлением о переводе валюты и явилась возможность построить план выпуска денег не на фантастическом, а реальном основании. Так как изготовление денежных купюр со штампом Св.-Зап. Правительства стоило дорого и требовало продолжительного времени, а «юденки» в Стокгольме были уже почти готовы, то решили воспользоваться ими, выпустив их под флагом правительства, хотя на деньгах имелись только подписи главнокомандующего Юденича и управляющего отделом финансов С. Г. Лианозова.

Телеграмма адмирала Колчака последовала в ответ на телеграмму ген. Юденича, извещавшего Колчака об образовании Сев.-Зап. Правительства и своем вхождении в состав его. Колчак ответил через свое представительство в Париже.

«Генералу Юденичу. Стокгольм.

Омск телеграфирует от 28 августа: «Осведомившись о перемене управления в Северо-Западной области, Верховный Правитель велел передать, что Вам будет оказано всемерное содействие для успешного завершения борьбы с большевиками в петроградском районе. Министру финансов указано срочно перевести указанные Вами двести шестьдесят миллионов рублей. Задержка в переводе произошла из-за отсутствия валюты, которая в настоящее время имеется в распоряжении правительства. Равным образом мы продолжаем настаивать перед союзниками на оказании Вам широкой помощи снабжением и прочими потребными Вам материалами.

Гулькевич».

Как видно, деньги переводились, *принимая во внимание* образование правительства, и *исключительно* в распоряжение ген. Юденича. Естественно, что С. Г. Лианозов не спешил с опубликованием такой телеграммы — слишком явно сквозило в ней недоброжелательство Колчака к сев.-зап. правительству, но не замедлил использовать в интересах общего дела ее финансовую сторону. В переводе на английскую валюту, в распоряжении ген. Юденича в Лондонском банке оказывалась сумма в 800 тысяч фунтов стерлингов. Целый золотой фонд, которым прекрасно можно было поддержать выпуск собственных денег.

Произошло объяснение с ген. Юденичем. Генерал, конечно, не пожелал выпустить денег из своих рук (для за-

щиты этой позиции достаточно было формального отвода — такова воля Колчака), но палки чересчур не перегибал и пошел на компромисс. По окончательному уговору с министром финансов С. Г. Лианозовым, 500 тысяч фунтов (½ миллиарда эст. марок по тому времени) решено было оставить неприкосновенными, как обеспечение предполагавшегося к выпуску миллиарда рублей собственных денег, остальная сумма должна была расходоваться по особым приказам, подписанным мин. фин. С. Г. Лианозовым и главнокомандующим ген. Юденичем совместно. Из всей суммы — 500 тысяч фунтов было переведено в Стокгольм в подотчетное распоряжение посланника г. Гулькевича, а 360 тысяч фунтов остались на тех же основаниях в Лондонском банке в распоряжении бывш. росс. финансового агента г. Замена и того же г. Гулькевича. Это maximum чего удалось добиться С. Г. Лианозову. Но, имея в виду, что первое время ген. Юденич держался довольно лойяльно по отношению к правительству, можно было думать, что он не нарушит своего слова и не станет распоряжаться деньгами единолично.

При таких условиях, и в ожидании прибытия «шведских» рублей, министерство финансов опубликовало 26 августа 1919 г. свое объявление о выпуске новых денег.

Объявление
от министра финансов
Северо-Западной Области России.

В разъяснение объявления главнокомандующего, подписанного 8-го августа с. г., о предстоящем выпуске с согласия Верховного Правителя адмирала Колчака денежных знаков настоящим доводится до всеобщего сведения:

1) что означенные денежные знаки изготовлены в Швеции и прибудут сюда в ближайшие дни;

2) что они имеют подпись главнокомандующего генерала Юденича и министра финансов Лианозова;

3) что они обязательны к приему на русской территории, как казенными и общественными учреждениями, так и частными лицами на всех рынках и базарах по обозначенной на денежных знаках стоимости;

4) что через три месяца по занятии Петрограда, выпускаемые ныне денежные знаки будут обмениваться петроградским государственным банком без ограничения сумм всем желающим на государственные кредитные билеты, рубль за рубль.

5) что выпускаемые денежные знаки обеспечены всем достоянием Государства Российского;

6) что Правительство Северо-Западной Области России дает гарантию, обеспечивающую каждому, по предъявлении выпускаемых денежных знаков в Петроградской конторе Государственного банка в течение четырех (4) месяцев, получение денежной стоимости знаков в английской валюте, приравнивая сорок (40) рублей новых знаков одному (1) фунту стерлингов;

7) что означенные новые знаки, Эстонским Правительством в распубликованном Министром Финансов распоряжении, допущены к обращению в пределах Эстонской республики на одинаковых со всякой иностранной валютой правах, без установления твердого на них курса;

8) что временные разменные знаки, выпущенные Приказом Командующего Северо-Западной Армии за подписью генерала Родзянко и начальника снабжения полковника Полякова, будут немедленно обменены, рубль за рубль, по прибытии новых знаков из Швеции.

Министр Финансов Лианозов.

Прочитав это объявление, беспристрастный читатель, наверное, не найдет в нем никакого тумана, не видно также из объявления, чтобы деньги были гарантированы английским правительством. Но зато определенно и твердо подчеркивается, что выпускаемые рубли, по взятии Петрограда, подкрепляются имеющейся в распоряжении правительства английской валютой, как оно и было на самом деле.

В таком духе трактовали первоначально указанное объявление все грамотные люди, и, лично я, не встречал ни одного человека большого или малого общественного положения, который тогда хоть на минуту думал бы, что за выпускаемые деньги ручается английское правительство.

Но кому-то надо было пакостить на каждом шагу. Деньги еще и в обращение не успели поступить, как в шведских газетах появилась заметка, утверждающая, что деньги Сев.-Зап. правительства гарантированы английским правительством. Эта заметка, естественно, вызвала в свою очередь опровержение английского министерства иностранных дел, и пошла писать губерния. Вокруг денег создался нездоровый шум. Чтобы рассеять всякие нежелательные толки, в № 13 «Свободной России» от 9 сентября 1919 года появилось официальное осведомление об инциденте. Привожу его полностью, так как в связи с этим хочу остановиться на своеобразном освещении той же истории г. Кирдецовым в его книге «У ворот Петрограда».

«Английская валюта для Сев.-Зап. правительства.

В ответ на телеграмму главнокомандующего Северо-Западным фронтом с докладом о происшедших событиях и образовании Правительства Северо-Западной Области России, из Омска получена телеграмма от 28 августа с извещением, что Верховный Правитель, осведомившись о перемене управления в Северо-Западной Области, приказал передать, что им будет оказано всемерное содействие для успешного завершения борьбы с большевизмом в Петроградском районе, что министру финансов Омского Правительства срочно указано перевести просимые Главнокомадующим (1½ месяца назад) 260 миллионов рублей, и что задержка произошла из-за отсутствия валюты, которая в настоящее время уже имеется в распоряжении Правительства. Равным образом Омское Правительство продолжает настаивать перед союзниками на оказании Петроградскому фронту широкой помощи снабжением и всеми потребными материалами.

Указанная сумма, как мы сообщали, уже поступила в Лондонский банк, в английской валюте и будет служить, по соглашению главнокомандующего с министром финансов Северо-Западной России, обеспечением выпущенных в этой области денежных знаков.

Верховный Правитель телеграфировал также указание, что выпускаемые здесь денежные знаки являются Всероссийскими денежными знаками и что они обеспечиваются всем достоянием Государства Русского.

Какая-то искусная темная рука поместила объявление в шведских газетах о том, что денежные знаки Северо-Западного русского правительства гарантированы английским правительством. Сделано это, конечно, с целью вызвать официальное опровержение и подорвать доверие к новым деньгам. Но расчет не оправдался, хотя «Foreign Office» действительно сделал соответствующее разъяснение. — Как можно усмотреть из приведенных справок, обеспечение в английских фунтах имеется, и Правительство имеет полную возможность гарантировать выдачу, согласно объявлению министра финансов, за каждые 40 руб. — 1 фунт английских стерлингов. Только гарантийная валюта поступила не от английского правительства, а от правительства адмирала Колчака».

Возмущение шведской заметкой со стороны нашего официоза, редактором которого состоял тот же г. Кирдецов, тем более понятно, что на другой день после напечатания объявления министра финансов о предстоящем выпуске денег, в № 2 «Своб. России» (от 27 авг. 1919 г.), появилось интервью

с директором ревельского Соединенного Банка г. Ворожейкиным, где система выпуска новых кредиток рассматривалась в самой доступной и понятной для всякого читателя форме. Соединенный Банк ни в каких обязательных отношениях к правительству не стоял, и г. Ворожейкин мог высказываться, как хотел.

Приехавшие из Стокгольма кредитки были сделаны превосходно, как деньги старого довоенного образца; смущали только какие-то две фигурки, притаившиеся в дымке штрихов рисунка под распростертыми крыльями российского двуглавого орла. Видно было, что одна фигурка мужского пола, а другая женская, над головами обеих помещены маленькие кружочки, слегка напоминавшие абрис короны. Черты лица обеих фигур почти нельзя было разобрать, но в широкой публике скоро стали говорить, что на кредитках 1.000 и 500-рублевого достоинства законспирированы портреты покойных Николая и Александры. Люди же неопределенно право-настроенные, но считавшие необходимым до поры до времени поприкрыть слишком откровенные шаги маскирующейся реставрации, лицемерно уверяли простодушных, что на купюрах изображены боги земного благополучия — Гермес и Гера.

Пятиться было некуда, армия испытывала вопиющую финансовую нужду и потому правительство не стало особенно ломать голову над этими портретами. «Цари», а может «боги», скоро расплылись по разным полкам и канцеляриям.

Как же расходовались эти деньги?

Главной статьей колоссальных расходов была, конечно, армия. Но тут пришлось долго биться, пока мы получили тот или иной ответ, как велика эта армия.

По словесному заявлению ген. Юденича в Совете Министров в сентябре месяце, армия исчислялась в 27 тысяч бойцов. По донесению 4 октября начальника снабжения ген. Янсова, «она достигает 56.600, из них бойцов 20.700», а по сведениям, доставленным полевою конторою, исключая все специальные части, 1-й армейский корпус составлял 58.742 челов., 2-й арм. корпус 16.749 и 1-я пехотная дивизия — 15.000 чел., а всего 75.491 едоков, вместе же со специальными частями для контроля эту цифру вздули в начале октября до 101.648 едоков. В числе специальных частей значились — авиационная база, при отсутствии аэропланов, управление инспектора артиллерии, при наличности особых «артиллерийских мастерских» и при 60 пушках всей армии. В штабе армии по этой ведомости значилось 552 человека. Смета военного министерства, представленная на наше рассмотрение, представляла четвертую вариацию численного состава армии, а именно: 59.100 человек и 1.500 лошадей, при

чем в штабе и приданных ему частей и учреждениях значилось 500 офиц. и чиновников, а в войсковых частях 5.500 офицеров и чиновников, 1.000 подпрапорщиков, сестер милосердия, фельдшеров и духовенства, 200 вольнонаемных специалистов мастеров, машинистов и пр., 353 фельдфебеля, 1.412 старших унтер-офицеров, 5.546 младш. унтер-офицеров, 22.000 ефрейторов и 22.289 рядовых. Сколько тут было бойцов, а сколько тылового балласта, точно определить не представлялось возможным. Невольно бросалось в глаза преобладание среди солдат старых служак профессионалов-фельдфебелей и унтер-офицеров. Видимо, пришедшие с революцией перемены в российской армии заставили бежать из нее и солдатскую аристократию, так как, по мнению рядовых солдат, фельдфебеля и унтеры являлись всегда более связанными со старым «прижимом».

Общая ассигновка на жалование в месяц исчислялась в 28.184.600 рублей. Рядовому полагалось жалованья в месяц 150 руб., ефр. — 175, мл. унтеру — 200, стар. — 250, фельдфебелю — 300, подпр. — 500, офицеру — 600 и выше до 900 — командиру корпуса. Суточных офицеру — 16 р., солдату — 6 р. Офицерам и чиновникам, сверх того, пособие по 200 руб. на жену и по 100 на каждого ребенка до 16 лет. Размер вознаграждения и по тогдашнему дешевому времени чрезвычайно скромный, в особенности принимая во внимание, что в ход пускались новые бумажные деньги. Но, конечно, суммы, отпускаемые на армию, можно было считать скромными лишь в том случае, если допустить, что действительные размеры армии соответствовали тому, что показывалось на бумаге. К сожалению, такой уверенности ни у контроля, ни у правительства вовсе не было. О надувательстве ярко свидетельствовало бросающееся в глаза противоречие, которое получалось при сличении данных нам со всех сторон цифр о составе армии, а кроме того, бывш. нач. снабжения, полк. Поляков однажды определенно обратил мое внимание на то, что ведомости на получение жалованья в армии преувеличены в несколько раз против действительности.

Приведенными цифрами не исчерпывались ассигнования на военное ведомство, так как управление военных сообщений (в сущности железнодорожные ветки на Ямбург и Гдов) требовало по своей смете особо до 6 милл. рубл. в месяц, не считая экстренных и чрезвычайных расходов. В итоге общая сумма ассигнований на военное дело ежемесячно колебалась от 30 до 35 миллионов рублей.

За все время существования сев.-зап. правительства и, в частности, течении того периода, когда деньги его имели

платежеспособность, т.-е. приблизительно, до конца ноября 1919 года, в обращение было пущено 125 миллионов кредитных рублей. Из этой суммы, по данным кредитной канцелярии, около 88 миллионов рублей было израсходовано военным ведомством, а 19 миллионов гражданским. Остальная сумма, в количестве до 18 миллионов рублей, главным образом, пошла на обмен «родзянок», которые с 19 октября 1919 года считались потерявшими силу денег.

Так как главная часть тыловых учреждений сосредоточилась в Нарве и Ревеле, где выпущенные деньги не могли иметь обязательной силы, пришлось организовать здесь ряд разменных касс наших денег на эстонскую валюту. Эстонские финансовые сферы довольно косо смотрели на эти кассы и был однажды момент, когда распоряжением эстонского министра финансов обмен наших денег в Нарве был прекращен. Местное кредитное общество, которое производило по нашему поручению обмен на сумму не более 25 рублей каждому лицу, получило от министра финансов г. Кука телеграмму, запрещающую продолжать эту операцию. Маргулиес и я как раз в этот момент оказались в Нарве и могли воочию наблюдать эффект этой «дружеской» меры.

Около кассы стояла большая толпа, шел ропот, почему не меняют русских денег, кое-кто откровенно бранил наше правительство. Мелкие спекулянты сейчас же учли создавшееся положение и начали выплачивать за 10 рублей по 6-7 эстонских марок, в то время, как мы установили обмен al pari.

На запросе С. Г. Лианозова у Кука, чем вызвана такая губительная для наших финансов мера, последний не мог привести сколько-нибудь убедительных резонов и обещал немедленно отменить свое распоряжение. В то время, как обмен в Нарве был запрещен, в Ревеле, где находилось наше правительство, никаких стеснений этой операции тот же г. Кук не делал. Ясно, что распоряжение эстонского министра финансов имело каверзный характер и после протеста С. Г. Лианозова было отменено.

Для обмена «крылаток» (так народ прозвал наши деньги, очевидно, из-за огромного с распростертыми крыльями двуглавого орла на обороте каждой кредитки) требовался известный фонд в эстонских марках. Между тем, когда образовалось правительство, в кассе бывш. Торгового Отдела находилось не более 20 тысяч фунтов от монопольной продажи льна, что, в переводе на эстонскую валюту, составляло около 10 миллионов марок. Чтобы увеличить эту цифру, С. Г. Лианозов вошел в договорные отношения с эстонским министром финансов и во второй половине октября 1919 г.

правительству был открыт кредит в эстонской казне, в пределах до 10 миллионов марок, под обеспечение 10 миллионов «крылаток» и 20 тысяч фунтов стерлингов, которые, по двойному приказу С. Г. Лианозова и ген. Юденича, г. Гулькевич должен был перевести из Стокгольма, а С. Г. Лианозов внести их условно в Эстонский банк. При подписании договора условились, что заем дается на 6 месяцев из 6% годовых.

В действительности, для курсирования денег сев.-зап. правительства потребовалось меньше эстонских марок: до половины ноября 1919 г., пока существовал фронт, разменные кассы истратили всего 10 миллионов эстонских марок, при выпуске около 130 миллионов «крылаток». В октябре в момент наступления на Петроград «крылатки» стали приниматься, как платежное средство, даже в ревельских лавках, при чем курс их, особенно в Нарве, поднялся до 1 марки 30 пфенн. за рубль. Ряд крупнейиш фирм пошел на сделки с ведомством снабжения исключительно на северо-западные кредитки.

Конец «крылаток» был печальный и позорный. После гибели фронта они потеряли всякую цену; одно время они еще котировались среди скупщиков в Ревеле по 5 марок за 1.000 рублей, а позже и такой безделицы не давали. Изредка за какую-нибудь баснословно мизерную сумму их покупали лишь «для коллекции». Так как в обращении оказалось едва $^{1}/_{6}$ заготовленных в Стокгольме кредиток, то главная их масса (около 1 миллиарда рубл.) была продана для переварки на ревельскую писчебумажную фабрику Иогансена, поступив в котлы прямо из недр главного казначейства. Из бывших в обращении «крылаток» некоторая часть была изъята путем обмена на керенки и эстонские марки и предана, по составлению актов, сожжению. Обмен производили военная и гражданская ликвидационные комиссии и исключительно для бывших служащих разных ведомств, а не для широкой публики. Сколько таким путем изъяли кредиток, за отсутствием под рукой актов, не могу сказать, равно как затрудняюсь сейчас определить, какая сумма этих бумажек осталась у населения «на память».

Согласно 4, 5 и 6 пунктов объявления министра финансов, последовавшего при выпуске «крылаток», обеспечение денег стояло *в тесной связи* со взятием Петрограда, обмен их на российские кредитные билеты должен быть последовать «через три месяца по занятии Петрограда», а получение по ним указанного % английской валюты «в течение четырех месяцев» после того же события. Стало быть, *формально* судьба денег, их ценность зависели исключительно от успеха предпринятой кампании, но мы уже

знаем, что сев.-зап. правительство постаралось обеспечить их особым неприкосновенным фондом в размере ½ миллиона фунтов стерлингов и, таким образом, фактически эти деньги оставались деньгами и при провале всего дела. Недаром С. Г. Лианозов писал по этому поводу в начале декабря 1919 г., т.-е. в самый разгар постигшей армию катастрофы, что «затруднение в обращении денег нисколько не определяет их внутренней ценности, но таково уже логическое действие слова «успех». Мы твердо уверены, что деньги, выпущенные здесь, по внутренней ценности выше «царских» и «думских» денег, не говоря уже о «керенках» и еще меньше о «ленинских»... Так писалось только потому, что «в обеспечение выпуска, по соглашению с главнокомандующим генералом Юденичем, была оставлена соответственная часть из фунтов стерлингов, переведенных адмиралом Колчаком».

Правда, как видно из объявления министра финансов, официально золотого обеспечения кредиток при всяких условиях при выпуске их в публику не обещалось, но, благодаря существованию колчакового фонда и частных соглашений с ген. Юденичем, на последнем лежала моральная обязанность составить гарантийную сумму стерлингов неприкосновенной после катастрофы армии; в особенности в том значительном против первоначального уменьшенном размере, как это определило правительство в последнем своем заседании 5 декабря 1919 г.

Судьба судила, однако, иначе. Со второй половины октября в связи с успехами на фронте, ген. Юденич обнаружил стремление эмансипироваться от правительства и прежде всего в финансовых делах.

Крупные нелады вышли по случаю высылки из Стокгольма 20 тысяч фунтов, необходимых как обеспечение по эстонскому займу. Получив 10 миллионов «крылаток» и веря слову С. Г. Лианозова, эстонцы не стали дожидаться прихода фунтов и открыли кредит нашему министру финансов немедленно.

Но фунты так и не пришли, а эстонскому министру финансов, г. Куку, впоследствии пришлось пережить, я думаю, не мало волнений, когда вместо забранных в его кассе эстонских марок оказались одни бесценные «крылатки». Об инциденте в журналах Совета Министров от 26 ноября 1919 г. имеется такой рассказ С. Г. Лианозова:

«В предвидении дальнейшей необходимости в эстонской валюте начаты были переговоры с эстонским министром финансов о займе, которые и пришли к благополучному концу на условиях, в свое время доложенных Совету Министров. Заем состоялся в размере 10.000.000 марок со словесным со-

глашением об увеличении этого займа, по мере надобности, каждый раз по 10.000.000 мар., с доведением его общей сложности до размера 30.000.000 м. Для обеспечения этого займа необходимо было внести 20.000 фунтов стерлингов. От главнокомандующего было получено письмо на 40.000 фунтов, из коих 20.000 предназначались на военные нужды в Финляндии, а 20.000 на обеспечение займа. Кредит был Правительству открыт в Эстонском Банке. Письмо дошло до Стокгольма, где посланник Гулькевич, коему письмо Юденича было переслано, таковoго письма не оплатил, объясняя, что все 40.000 были им обращены на военные надобности в Финляндии, ибо на таковые 20.000 фунтов не хватало. Председатель Совета указал Гулькевичу на неправильность его действий, тем более, что в письме был приказ Юденича: «Приказу Министру Финансов Лианозова». После этого заявления Гулькевичу и переговоров с Юденичем, от Гулькевича было получено сообщение, что генералом Юденичем письмо отменено. Вследствие неоплаты письма кредит был закрыт, все данные к получению доверия были подорваны, рубль сразу упал. Падение рубля совпало как с моментом отступления войск северо-западной армии от Петрограда, так и с моментом неоплаты письма Юденича».

Официальный протокол, конечно, сильно обесцветил краски подлинной картины происшедшего; на самом деле все протекало много хуже и непригляднее. Ген. Юденич сначала пытался спрятаться за спиной г. Гулькевича, объяснить невысылку денег «недоразумением» со стороны этого последнего, и лишь после сообщения г. Гулькевича, что письмо аннулировано самим ген. Юденичем, все стало ясно, как на ладони. Вызвали также изумление фантастические самовольные ассигновки дасятков тысяч фунтов на совершенно никому неведомые «военные нужды» в Финляндии. Войск там у нас не было, а для производства неудавшейся смехотворной мобилизации русских в Финляндии 40 тысяч фунтов стерлингов как будто многовато было.

С описанного момента финансовое соглашение с генералом Юденичем о фунтах пало само собой и в дальнейшем он окончательно ими завладел, распоряжаясь это уймой государственных денег совершенно единолично и бесконтрольно. Чтобы снять с себя всякую ответственность за подбный произвол генерала перед держателем наших денег, правительство, перед отъездом из Ревеля, сделало соответствующее постановление об обеспечении «крылаток». Оставшись в Ревеле в качестве политического представитля сев.-зап. правительства, я вскоре убедился из действий ген. Юденича, что он вовсе не думает об «обеспечении» держателей «крылаток», хотя бы в самой минимальной форме. Прождав некоторое

время и слыша, что генерал собирается покинуть Эстонию, я передал помянутое постановление Совета Министров для оглашения в русскую печать. Оно появилось в № 22 «Свободы России» от 28 января 1920 г. с пояснениями газеты.

О казначейских знаках сев.-зап. фронта.

Политический представитель Северо-Западного Правительства при Правительстве Эстии В. Л. Горн препроводил для опубликования в газете нижеследующий документ, касающийся Казначейских знаков Сев.-Зап. фронта. Документ этот представляет значительный интерес в виду ухода ген. Юденича с поста Главнокомандующего Сев.-Зап. Армией и возможного отъезда его из пределов Эстии, одновременно же с сим он является ответом на многочисленные запросы лиц, заинтересованных в «крылатках».

Выписка.
из журнала заседаний Совета Министров Правительства Сев.-Зап. Области России от 5 декабря 1919 г.

Присутствовали:

Председатель Совета Министров С. Г. Лианозов.

Министры Ф. Г. Эйшинский, М. С. Маргулиес, В. Л. Горн, П. А. Богданов, М. М. Филиппео, А. С. Пешков, Ф. А. Эрн, И. Т. Евсеев, В. К. Пилкин, помощник военного министра ген. Кондырев и товарищ министра юстиции И. М. Тютрюмов.

Слушали:

Об обеспечении Сев.-Зап. денег, выпущенных в обращение.

Постановили:

Обратиться к Главнокомандующему Сев.-Зап. фронта ген. Юденичу с письмом, разъясняющим, что предназначенные по соглашению между ним и Министром Финансов для обеспечения выпуска Сев.-Зап. денежных знаков 500.000 фунт. из переведенных в его распоряжение фунтов Адмиралом Колчаком могут быть по условиям выпуска и, ввиду обращения всего 125.000.000 руб., уменьшены — до 100.000 — 150.000 фунт. стерлингов, но оставить их совершенно без всякого обеспечения представляется невозможным.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Секретарь (подпись).

Настоящая выписка вручена 14 сего декабря за № 348 ген. Н. Н. Юденичу.

В ночь, когда это сообщение набиралось в типографии, некая компания, во главе с Балаховичем и Ивановым, действуя от имени якобы сев.-зап. армии, раздраженной, что Главнокомандующий уезжает из Ревеля и забирает с собой все фунты, арестовала ген. Юденича. О подробностях всей этой истории расскажу ниже, здесь же замечу, что лишь после такого лихого налета в газетах появилось сообщение, что ген. Юденич, будучи освобожден из-под ареста, оставил на ликвидацию армии 227 тысяч фунтов стерлингов плюс ½ миллиона финских марок и дал подписку, что других сумм в его распоряжении не имеется. «Крылатки» таким образом окончательно повисли в воздухе.

Из заявлений ген. Юденича, сделанных им в заседании правительства 4 декабря 1919 года, можно было заключить, что ко дню ликвидации правительства в Ревеле им единолично было израсходовано около 400 тысяч фун. стерлингов Если к этой сумме прибавить 250 тысяч фунтов (приблизительно, сумма 227 тысяч фунтов плюс ½ миллиона финских марок, оставленных на ликвидацию армии), то из присланного Колчаковского фонда оставалось еще по крайней мере 200 тысяч фунтов стерлингов, которые улетучились неизвестно куда. А между тем, последней суммы с лихвой хватило бы для обеспечения вышеупомянутых «крылаток».

К сожалению, ни я, ни мои подчиненные г.г. контролеры не имели никакого доступа к заграничной кассе, и ген. Юденич, которому так легкомысленно были переданы в единоличное распоряжение огромные суммы денег адмиралом Колчаком, тратил их во все время существования правительства и после совершенно бесконтрольно. Его касса была и осталась тайной, в которую вряд ли кому удалось проникнуть.

Расплата по эстонскому займу окончилась благополучнее, но много пришлось испортить крови, пока удалось убедить ген. Юденича заплатить этот долг. К уплате подлежали 5 миллионов эстонских марок, так как эстонцы, после неоплаты письма Юденича, немедленно закрыли дальнейший кредит правительству. Деньги по этому займу целиком ушли на нужды военного ведомства, но в начале ген. Юденич категорически отказался что-либо платить эстонцам. Разговоры на эту тему происходили накануне его отъезда из Эстонии в конце января 1920 г. Сначала эстонцы пытались получить свои деньги путем непосредственных разговоров с ген. Юденичем, а когда из этого ничего не вышло, я, в качестве политического представителя сев.-зап. правительства, получил от эстонского банка бумагу, коей предлагалось уплатить долг со всеми процентами к 26 января

(1920 г.), а, «если это не будет сделано указанного числа, — грозил банк, — мы вынуждены будем продать с аукциона деньги, заложенные у нас». Речь шла о продаже с молотка 10 миллионов «крылаток», которые находились в банке, как одно из обеспечений займа.

Вскоре в газетах и на столбах в городе появились публикации о предстоящем аукционе «крылаток», а среди публики стали распространяться самые фантастические рассказы о нашем займе.

Иду к ген. Юденичу и горячо убеждаю его не допускать дела до скандального аукциона. Генерал упирается, бранит эстонцев за корыстолюбие, жалуется, что при отходе нашей армии на эстонскую территорию, эстонцы ограбили ее до-чиста и взяли такое имущество, которое в несколько раз покрывает этот заем. Внутренно не могу не согласиться с основательностью выдвинутого довода, но указываю генералу на тяжелое положение русских беженцев и солдат, которое, в случае неплатежа денег, еще больше ухудшится.

«Хуже того, что есть — не будет» — бурчит в усы генерал Юденич.

— А позор аукциона? — спрашиваю я.

— Ну так что ж, пусть продают наши деньги с аукциона, а я буду приобретать их за копейки — ничуть не смущаясь говорит ген. Юденич.

Тогда в сотый раз доказываю ему, что аукцион окончательно подорвет его личный престиж, больно ударит по национальному чувству всех русских людей. Тоже не помогает. Так спорили часа полтора, пока генерал, наконец, сдался. Действительно, на другой день я получил от него и личное и официальное извещение, что долг со всеми процентами уплачен сполна.

4. «Контролеры» и г-да военные.

Я уже сказал, что контроль оказался совсем бессилен, когда нужно было контролировать ген. Юденича. Не лучше дело обстояло, когда пришлось столкнуться с генералами поменьше калибра. Все они чрезвычайно нервно относились к естественному желанию контроля реально осуществить свои функции. Для контролеров вскоре создались очень тяжелые условия работы.

В мое время столкновения произошли сначала из-за пресловутого войскового старшины Пермыкина, а затем почти хронически натянутые отношения установились с начальником этапно-хозяйственного отдела и начальником снабжения армии. Пермыкин, сподвижник Балаховича, впоследствии приближенный ген. Родзянко, был тот самый офицер,

от угроз которого однажды бежала вся ревизионная комиссия. Он состоял начальником снабжения в дивизии «батьки» и в заключение представил такой отчет, что контролеры только ахнули от изумления. В 1919 году, особенно в полосе, занятой белыми, рубль представлял еще внушительную величину, а о миллионах говорили попрежнему с большим почтением. На расходы по хозяйственной части дивизии Пермыкин издержал свыше миллиона рублей, а документов представил только наполовину. Но и то, что было представлено, носило крайне хаотический характер, при чем попадались, например, такие кунстштюки: по счету уплачено 15 р. 65 к., а в итоге показано 1.565 рублей, уплачено 16 р. 15 к., показано — 1615 руб. и т. д. Письменно объясниться с Пермыкиным оказалось совершенно невозможным, он просто не отвечал. Главный полевой контролер пошел сам к нему. Узнав, что от него требуют отчет в истраченных деньгах, Пермыкин вынул из кармана револьвер, и, водя им около носа опешившего контрольного генерала, довольно внушительно ему напомнил:

«А знаете, генерал, ведь эта штука иногда может выстрелить».

Генерал попятился назад в дверь и был таков.

На рапорт главного контролера, поданный по тому же поводу генералу Родзянко, последний положил весьма утешительную резолюцию: «на основании ст. 416 пол. о полевом управлении войск в военное время разрешаю неоправданную документами сумму в 504.179 руб. 34 коп. принять на счет казны».

В результате пермыкинская компания покатывалась со смеху, а главный контролер ходил с вытянутым носом.

Интендант и начальник снабжения в борьбе с контролером прибегали к более мирному, но не менее действительному приему. Они начинали обычно длинную переписку о праве контроля вмешиваться в ту или иную их операцию и очень любили, если это было им выгодно, ссылаться на старые царские законы, приноровленные к совсем другому времени, когда существовала огромная Российская Империя, большая казна и велась война с иноземным неприятелем. Вообще стремление к эксплоатации старых законов и приказов, изданных во множестве в последнюю мировую войну, замечалось и у других чиновников и настолько настойчиво, что еще до образования правительства генерал Юденич вынужден был 21 июля 1919 года издать особый приказ, в котором разъяснял, что не все распоряжения, вышедшие в дореволюционные годы, подлежат применению в обстановке текущей гражданской войны. Ближайшим поводом к опубликованию такого приказа послужило требование «эвакуа-

ционных» и «суточных» при различных передвижениях в борьбе с большевиками, при чем просители в таких случаях ссылались на приказ по военному министерству 1914 г. за № 584 («вывоз на счет казны, по военным обстоятельствам, государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств»). Какую казну нужно было бы иметь, если бы командование северо-западной армии вздумало в самом деле применять этот приказ и выдавать при каждой удирке от большевиков «безвозвратно двухмесячный оклад жалованья и столовых денег», как значилось в помянутом приказе.

Если письменные увертки не удавались, спорщики с контролером спешили укрыться под сень военного министра — генерала Юденича и последний часто становился на сторону «теснимых». Наиболее сильную антипатию к контролю питал начальник снабжения ген. Янов, а между тем благодаря некоторым обмолвкам старого «полож. о полевом управлении войск», он являлся ближайшим и фактическим высшим начальством полевого контроля. Если контроль стоял неудовлетворительно еще в царское время, то тем менее было оснований и морального права базировать его деятельность на старых каучуковых узаконениях в условиях гражданской войны, да еще при партизанских нравах и замашках. При тех скромных рессурсах, которыми располагало наше правительство, следовало организовать почти исключительно фактический контроль, сведя всю бумажную волокиту до минимума, при чем особо тщательному надзору должен был подлежать как раз тот самый начальник снабжения, в распоряжении коего оказывалось все богатство белой армии и которому «в общем порядке службы» по идее закона подчинялись сами контролеры.

По соображениям такта и не желая без надобности обострять служебных отношений, я вскоре же по образовании правительства попытался лично договориться с ген. Яновым о свободе действий служащих полевого контроля и высказал ему мое предположение провести независимость контроля, с подчинением чинов контроля исключительно своему прямому начальству. В ответ на это я услышал иронизирующий анекдот из прошлой службы ген. Янова о хозяйственной некомпетентности контролеров вообще и выражение крайнего изумления, что я хочу посягнуть на закон и тем внести путаницу в столь сложную функцию, как дело снабжения армии. Выходило так, что я — представитель правительства — собирался творить беззакония, а он, начальник снабжения, всячески заступался за попранный закон и предостерегал меня от моих незрелых мыслей. Я понял этого генерала в два слова и, если он не был уволен со

своего поста немедленно, то только по вине и попустительству ген. Юденича, школьного товарища ген. Янова. Последний защищал ген. Янова на каждом шагу, даже в тех случаях, когда этот генерал представлял явно фантастические цифры. М. С. Маргулиес и я, каждый по своему ведомству, решили твердо ограничить произвол ген. Янова и с этой целью приняли некоторые меры, к сожалению, тоже мало обуздавшие начальника снабжения.

По моему представлению совет министров принял в сентябре 1919 года такое постановление: «государственный контроль есть самостоятельное, ни от кого, кроме совета министров, независящее учреждение, а потому чины его, подчиняясь соответствующим главным контролерам, а последние — государственному контролеру, в своей ревизионной деятельности получают все распоряжения и указания исключительно от своего ведомственного начальства, не исключая и того случая, когда ревизия производится по непосредственному предложению начальника снабжения, и никто не в праве чинить какие-либо им препятствия или приостанавливать их деятельность в исполнении этих указаний и распоряжений».

Постановление имело в виду исключительно военное ведомство, так как в прочих ведомствах власть государственного контроля, по крайней мере, формально, не встречала помех. Ген. Юденич почти не возражал против моего предложения и оно прошло в заседании сравнительно гладко. Иначе взглянул на дело «тыл». Раз контролеры вышли из подчинения военному начальству, то пусть ищут себе военную одежду, где хотят,—рассуждала снабженско-интендантская братия и всячески стремилась применить распоряжения об обмундировании тыла исключительно по отношению к злополучным контролерам. В интересах снабжения одеждой в первую голову фронта, было приказано удовлетворять тыл во вторую очередь, — интенданты, снабженцы и прочие тыловики, одевшись в первую очередь, не давали контролерам обмундирования и в третью очередь. Вопрос об одежде настолько обострился, что некоторые полевые контролеры лишены были возможности объезжать фронт, до того они были оборваны и непрезентабельны на вид. Я не мало получал слезниц на эту тему, но всякий раз, как я обращал внимание г.г. военных на несправедливость, допущенную по отношению к работникам контроля, я неизменно слышал довольно преехидный вопрос: «не находите ли вы, что чины контроля должны являть пример особой бережливости казенного имущества».

Лишив контролера внешнего благообразия, к нему стали то и дело поворачивать спину в служебных отношениях.

Пример подавали, конечно, набольшие, лозунг саботаж шел оттуда. Доходило дело и до открытого третирования, например, при столкновении старшего контролера Панина с генералом Родзянко в Гатчине, когда голодного контролера буквально выгнали из офицерской столовой, и я получил рапорт от главного контролера ген. Кудрявцева с просьбой решительно заступиться за оскорбленного Панина и «оказать содействие к получению контролером должного удовлетворения... и гарантии, что в будущем подобные случаи не повторятся, так как командирование чинов контроля при таких условиях вряд ли возможно». Жалуясь на генерала Родзянко главнокомандующему Юденичу, ген. Кудрявцев просил вообще разъяснить чинам армии, что полевой контролер не менее необходим, чем другие учреждения, и что он служит общему с армией делу. «Вполне понятно, писал ген. Кудрявцев, что деятельность контроля по существу своему не может нравиться многим подотчетным лицам, вследствие сего служба в этом учреждении и при нормальных условиях нравственно тяжела. Подобные же примеры (как случай с Паниным) окончательно подрывают его авторитет и с ним совершенно перестанут считаться». При вышибании голодного Панина из столовой полк. Видякин ему язвительно заметил, что «штаб не обязан кормить чужих лиц и что полевой контролер сам на них сделает по сему поводу начет». Нелишне будет заметить, что впоследствии этот юноша-полковник значился в списках некоей военно-ревизионной комиссии в числе «героев тыла», которые слишком свободно распоряжались казенным добром.

На жалобы контроля ген. Юденич совершенно не реагировал. Я поехал в Нарву объясниться с ним лично. Кудрявцев (главный полевой контролер) заявил мне еще две жалобы.

Интендант 1-й стрелковой дивизии кап. К. Шахурин окончательно проворовался. Контроль уличил его в продаже казенной муки на сторону и в присвоении оставленного отступающими большевиками разного более или менее крупного имущества. Полевой контролер сделал представление главнокомандующему о немедленном отстранении от должности и предании суду интенданта, но казнокрад попрежнему продолжал служить на своем месте, а от канцелярии главнокомандующего на рапорт Кудрявцева — ни звука. Чувствовалось заступничество главного интенданта.

Затем скандальная история получилась с вербовкой добровольцев в армию в Риге. Генерал, заведующий там вербовкой, состоял, правда, в непосредственном подчинении адмиралу Колчаку, но набираемые солдаты направлялись в нашу армию, со стороны ген. Юденича, видимо, отпуска-

лись туда какие-то денежные суммы, а все неблаговидности проделывались на глазах английских офицеров нашего побережья. Проделка состояла в том, что, получая от англичан в Риге полное довольствие на триста добровольцев, вербовочный генерал на самом деле имел лишь около сотни их, да и те не получали всего того богатства, которое отпускали англичане. Вербовочному бюро были переданы два ящика коньяку, табачные изделия, сахар, бисквиты, белая мука, консервы, сыр, маргарин, сало, фасоль и др. предметы, при чем табачные изделия частью пожертвовали рижские табачные фабриканты. Львиная часть добра или распродавалась, или потреблялась бюро лично, а под видом добровольцев на английский транспорт, направлявшийся в конце августа 1919 г. в Гунгербург, посадили разных чиновников, отправлявшихся в Ревель в надежде найти какую-нибудь службу у сев.-зап. правительства, ехавших из отпуска или командировок наших офицеров и даже несколько спекулянтов, которых около Ревеля на железной дороге поджидал товар и которые, конечно, ни минуты не думали класть свой живот на поле брани. Скандал произошел еще в море, когда выяснилось, что корабль не зайдет в Ревель, а доставит всех «добровольцев» в район армии — в Гунгербург. Особенно, конечно, вопияли спекулянты и чиновники, обманутые в своих действительных намерениях. Начальник транспорта, английский офицер, к которому обратились с жалобой эти «добровольцы», потребовал у сопровождавшего транспорт русского офицера помощника начальника бюро список эшелона и сам лично произвел проверку добровольцев. Выяснилось, что действительное число лиц, подлежащих сдаче в армию, весьма незначительно, и что прочая братия ехала в Ревель в качестве приватных пассажиров вербовочного бюро, числясь в общем списке лишь для англичан. Британец пришел в гнев и повышенным голосом попросил русского офицера представить ему действительный список добровольцев, исключив из общего числа весь «маргарин».

Картина получилась в высшей степени отвратительная.

В Нарве «эшелон» изъявил жалобу штабу армии и неоднократно требовал, чтобы его вернули назад в Ригу. Генерал Кудрявцев настаивал на ревизии вербовочного бюро и совершенно резонно писал в своем рапорте, что такие действия «порочат обще-русское дело и наносят ему явный вред». Никакого ответа он не получил. В момент моего приезда в Нарву там находился адъютант начальника вербовочного бюро, и ген. Кудрявцев не без основания опасался, что вместо всяких ревизий, ген. Юденич вновь даст денег этому бюро.

После моих разговоров с ген. Юденичем, интендант был отстранен и предан суду, а пресловутый адъютант все-таки, кажется, уехал в Ригу с деньгами. Отнюдь не по злой воле, но главным образом по бесхарактерности, ген. Юденич слишком часто пасовал перед наседавшей на него нарвской камарильей. Например, по поводу безобразного расходования денег в армии, он однажды сам со мною заговорил и в разговоре этом сильно возмущался творимыми манипуляциями; но, когда необходимо было приструнить расходившихся его подчиненных, мирволил им.

При описанных условиях исключалась всякая возможность правильного функционирования государственного контроля.

5. Внутренняя политика.

Внутренняя политика.

В этой области сев.-зап. правительство оказалось совсем бессильным. Отчасти по собственной вине, отчасти из-за косности руководящего военного элемента, упорно невыпускавшего политики из своих рук. Скептическое отношение делового крыла правительства к личности министра внутренних дел К. А. Александрова очень скоро подтвердилось.

В свое время, при существовании Политического Совещания, г. Александров был назначен, как я говорил выше, главноначальствующим гражданской частью в занятой местности и в сем качестве оказался совершенно недееспособен. Когда он занял у нас пост министра внутренних дел, г.г. Карташев и Кузьмин-Караваев особенно подчеркивали этот факт, доказывая в свой брошюре, что «ни ген. Юденич, ни Совещание в избрании данного лица значит не ошиблись». Увы, они слишком поспешно похвалили свою креатуру. Едва вступив в министерство и просидев в Ревеле дня четыре, Александров... взял двухнедельный отпуск и уехал по семейным делам в Финляндию! Отпуск Александров получил помимо ведома совета министров, властью С. Г. Лианозова, и, узнав об этом задним числом, многие его коллеги были очень недовольны, указывая в заседании Лианозову, что такие отпуски, да еще столь важного министра, очень плохое начало для деятельности нашего правительства. Лианозов и Маргулиес во время таких разговоров чувствовали себя, видимо, совсем неважно и всячески заверяли нас, что Александров не замедлит вернуться к своей должности.

Но прошло почти три недели, а от Александрова ни слуху, ни духу. Уезжая, он свалил все дела на плечи петроградского губернатора г. Гурьева и не оставил ему никаких инструкций. Гурьев (настоящая его фамилия другая, — одно из титулованных имен, кажется, бывший член последней Го-

сударственной Думы, человек умеренно-правых взглядов) очутился в очень затруднительном положении. Вскоре он приехал в Ревель и, встретив меня на улице, откровенно спросил: «когда же начнется реальная оздоровительная внутренняя политика?» Я передал о разговоре Богданову, а тот в следующем заседании предъявил формальный запрос, когда же закончится такой недопустимый абсентеизм? Александрову послали настойчивое предложение вернуться в Ревель, и только тогда он прислал телеграмму о своем выходе из состава правительства. Почему? Мотивы для нас остались неизвестны.

Так непозволительно были потеряны целых три недели.

Но и дальше пошло не лучше. Левому крылу этот пост попрежнему побоялись доверить и поручили временное исполнение обязанности министра внутренних дел министру юстиции Е. И. Кедрину. Он занимал это амплуа с 10 сентября по 1 октября. Полубольной уже тогда, Кедрин еле справлялся с своим министерством, пока не слег в постель, и исполнение обязанностей министра внутренних дел возложили на беспартийного и нейтрального ямбуржца И. Т. Евсеева, министра исповеданий. Перед своим уходом Е. И. Кедрин провел единственную и радикальную меру — постановление совета министров об отмене телесного наказания.

Порка, которую в заседании 5 сентября так жарко отрицал главнокомандующий ген. Юденич, в действительности имела место и нередко применялась административными и судебными военными властями.

Спустя недели две после помянутого заседания, начальник петроградской губернии донес министру внутренних дел, что из поступающих к нему рапортов комендантов о приведении ими в исполнение приговоров военно-полевых судов он усмотрел, что, на основании постановлений этих судов, в числе прочих карательных мер довольно часто применяется телесное наказание. Собрав весь материал о порке, Кедрин решил повести энергичную борьбу с военными сферами. Кстати, подошел один особенно возмутительный случай, дошедший до сведения министерства юстиции. Какой-то ротмистр потребовал однажды к себе ветеринарного врача, а когда врач немного замешкался, ротмистр велел выдрать его. Опозоренный врач пожаловался министру юстиции, а тот передал дело в военный суд для привлечения безобразника к ответственности. Кедрин, помню, много волновался по случаю этой порки, и так как факты порки были далеко нередки, то, по его предложению, 1 октября 1919 года совет министров вынес такое примечательное постановление:

п. VIII.

Слушали.

Доклад министра внутренних дел по вопросу об отмене телесных наказаний.

Постановили.

1) Решительно запретить применение какими-либо судами или административными властями телесного наказания на территории Северо-Западной области России.

2) Об этом постановлении довести до сведения Главнокомандующего.

Ген. Юденич на этом заседании не присутствовал, но был его военный коллега — морской министр В. К. Пилкин, не протестовавший против такого постановления. Ген. Юденич получил, таким образом, и второе подтверждение основательности сделанных ему указаний в заседании 5 сентября, а правительство вынесло своего рода testimonium paupertatis господствовавшей и при нем внутренней политике.

Не знаю, что сделал по этому поводу ген. Юденич, но порки со стороны военных властей, повидимому, прекратились. По крайней мере, нам о них не приходилось больше слышать, и жалоб не поступало.

Будучи сам по себе человеком отменно прекрасных личных качеств, И. Т. Евсеев не обладал боевой натурой, чтобы решительно ограничить на местах произвол всякого рода военных властей и обуздать военных комендантов Гдова и Ямбурга. Последние хоть и состояли в непосредственном подчинении начальнику петроградской губернии г. Гурьеву, но ориентировались на нарвский военный курс и позволяли себе вести политику, противную видам министерства внутренних дел. В должностях волостных комендантов, вершителей буквально всех дел в своей округе, попрежнему преобладали бывшие военные писаря, прапорщики и разного рода представители прежней дореволюционной полиции. Конечно, не все они были плохие люди, попадались и исключения, но большинство представляло собой неинтеллигентный элемент, абсолютно непригодный для завоевания уважения и симпатий среди населения. Одним словом, власти министра внутренних дел на местах вовсе не чувствовалось, а о существовании где-то правительства, с иными взглядами и намерениями, масса населения имела весьма смутное понятие.

Среди офицерства на административных должностях хороший интеллигентный элемент попадался из бывших морских офицеров. Один из них, некто капитан 2 ранга Николаев, обращал внимание гражданских властей на неудовле-

творительность состава комендантов и на непонимание низшими властями требований, предъявляемых новой жизнью и обстановкой гражданской борьбы, еще при самом начале деятельности правительства. «Волостные коменданты, читаем мы в его рапорте от 8 сентября 1919 г., по большей части не пользуются должным авторитетом и, что еще хуже, достаточным расположением населения. Происходит это от того, что они люди по большей части без служебного и житейского опыта (вряд ли последнее можно сказать про старых полицейских чинов. В. Г.) и мало интеллигентные... Часть духовенства не понимает современного положения и, повидимому, полагает, что с приходом белых восстанавливается «старый режим». Необходимо держать духовенство в курсе дел внутренней политики и внушать ему правильный взгляд на вещи...»

К сожалению, все, что наблюдал г. Николаев до нас, тоже осталось и при нас, а потому все, что писалось в цитированном рапорте от 8 сентября, с успехом могло писаться в отчетах от 8 октября, 8 ноября и т. д. до начала декабря, т.-е. вплоть до того момента, пока новый большевистский шквал вновь не зачеркнул все белое «строительство» в несчастной полосе.

В оправдание Евсеева можно сказать, что трудно было бороться с непорядками мерами одного министерства внутренних дел, когда рядом с ним действовали другие органы, непосредственно подчиненные военному ведомству и пользующиеся иногда услугами определенно преступных людей; я не говорю уже о своеобразном политическом уклоне этих органов. Вот что мы читаем, например, в одном донесении от 19 сентября. «Во вверенной мне волости агенты и офицерские чины контр-разведки, никому не известные, производят без моего соучастия у местных граждан обыски, аресты и тут же на месте убивают арестуемых без суда и следствия, забирают деньги, лошадей и все им пригодное, не оставляя никаких копий актов или расписок в реквизиции денег и имущества. Такие действия иной контр-разведки на руку всякого рода грабителям и хулиганам, которые тоже называют себя агентами контр-разведки... Если бы офицерские чины контр-разведки все аресты и обыски производили при содействии волостного коменданта, этих злоупотреблений не было бы». Контр-разведка составляла такие заявления, нередко без всякого внимания, иначе ей пришлось бы вообще прекратить свою «высоко-полезную» деятельность по вылавливанию разного рода «большевиков». В огромной массе репрессии ее сыпались на головы ни в чем неповинных людей, выхватываемых по грязным доносам и сплошь да рядом из чисто своекорыстных целей; присутствие на обы-

сках и арестах таких наивных людей, как г. Чаплиевский, вряд ли было в интересах большинства агентов этого органа, считавших себя призванными твердой рукой искоренять большевизм на местах. Зараза шла сверху, питаясь диктаторскими замашками игнорирующих правительство военных властей, упорно стремившихся сделать всю внутреннюю политику своей исключительной монополией. При таких условиях борьба с произволом сводилась к борьбе с тенденциями нарвского тыла, перед которым оказалось бессильным правительство во всем его составе, а не только один Евсеев. Но, конечно, более решительный и крутой министр внутренних дел все же кой-что успел бы сделать для смягчения многих частных случаев царившего повсюду произвола.

Вскоре после взятия нашими войсками Ямбурга, туда выехали министры Евсеев, Эйшинский и Богданов, посетившие затем также гдовский район. Они имели ряд собеседований с земскими, городскими деятелями и ближайшими волостными старшинами.

По сведениям, собранным в эту поездку в беседах с населением Богданова, знаменитый хомутовский приказ о земле № 13 в Ямбургском уезде фактического применения почти вовсе не имел, но «в Гдовском уезде он нашел широкое применение, вплоть до отобрания семян в возмещение убытков помещиков. Предъявлена (была) масса исков о взыскании таковых убытков. каковые иски основывались на том же приказе».

В результате поездки, Евсеев представил на утверждение совета министров два проекта, из которых первый назывался — «Временные правила о восстановлении земского самоуправления в освобожденных местностях северо-западной России».

Второй проект Евсеева касался упорядочения административного управления в сев.-зап. России и заключал в себе: 1) «Временное положение о государственной страже в губерниях» и 2) «Положение о начальниках губерний». Законоположение — детально регламентирующее деятельности и права администрации на местах и вполне гарантирующее, при честном его применении, население от произвола властей. Коменданты по этому проекту упразднялись автоматически.

Но судьба судила иначе. Ямбургом, Гатчиной и Лугой мы владели не более двух-трех недель, и законодательствовать на этой территории вовсе не пришлось. Проект об администрации в совете прошел только 1 ноября, когда началось стремительное отступление армии к границам Эстонии; второй проект—о земстве, как потерявший смысл по той же причине, Евсеев сам просил снять с доклада. Впрочем, толка

от этих проектов тоже не вышло бы никакого, если б даже войска и удержали занятый район: опьяненные успехом, военные власти готовили нам чистую отставку, решив распорядиться судьбой населения по собственному плану.

6. Белая юстиция в теории и на практике.

Не лучше протекала деятельность другого важного органа правительства — министерства юстиции.

Искренний и стойкий либерал, прекрасный человек, хороший юрист, Е. И. Кедрин был увлекающаяся натура, порою совершенно забывавший о временной роли нашего правительства, о необходимости немедленно творить ближайшее практическое дело.

Например, он самым серьезным образом собирался судить большевиков в Петрограде, да и не в Петрограде только, а во всей России, поставивши это дело в широком, почти грандиозном масштабе, с научными комиссиями, специально изучающими преступную бациллу большевизма, и кучей особых судебных следователей, определяющих преступность «в области финансов, торговли и промышленности, земледелия, продовольствия, народного просвещения, городского самоуправления и т. д.». С этой целью Е. И. Кедрин предлагал правительству создать, по взятии Петрограда, «государственную комиссию по борьбе с большевизмом». В особом докладе, написанном по этому поводу, он определял задачу комиссии двояко: «во-первых, чисто судебная — расследование деятельности большевиков, и во-вторых, научно-административная... целью (которой) должно быть прежде всего раскрытие сущности большевизма». Под углом зрения уголовного кодекса и при наличности в составе нашего правительства хотя бы право-социалистического элемента Е. И. Кедрин в научной части работы комиссии предлагал: «изучить историческое происхождение большевистской доктрины, теоретические, научные и метафизические работы социалистических мыслителей, проследить влияние социалистических учений на психологию народных масс...» и т. д., предупреждая нас, что «изучение большевизма должно покоиться (также) на точных объективных результатах и научном исследовании положительных фактов, добытых следственными властями и установленных судебными приговорами». Повторяю, планы его в этой области были грандиозны, с привлечением к участию в государственных работах русской государственной комиссии даже иностранных правительств, ибо «чрезвычайные профилактические меры против большевизма необходимы не только в России, но и на пространстве всего мира».

Доклад Е. И. Кедрина встретил почти недоуменное к себе отношение в среде министров и не дождался их обсуждения.

Ту же непрактичность Е. И. Кедрин проявил в другом случае, когда министру юстиции была поставлена прямая практическая задача — разграничить сферы деятельности военной и гражданской юстиции в уголовных делах, возбуждаемых на занятой территории. Этой мерой мы имели в виду реорганизовать всю постановку судебного дела в армии и возможно скорее прекратить безобразие хомутовской юстиции. Е. И. Кедрин взглянул на поставленную ему задачу, однако, слишком фундаментально. Он организовал для этой цели особую комиссию из 12 присяжных юристов (б. судей, прокуроров, присяжных поверенных), которая окончательно углубила весь этот вопрос.

Комиссия имела 26 заседаний. Приступив к своей работе, она нашла: «что для определения строгого разграничения между гражданской и военной подсудностью необходимо создать такой гражданский суд, коему могли бы быть переданы все уголовные дела, переведенные приказом № 10 командира отдельного корпуса северной армии по военно-гражданскому управлению в ведение военного суда с наибольшей гарантией в правильности их решения, так как отсутствие в северо-западной области окружного суда, судебной палаты и правительствующего сената лишает суд этих гарантий; кроме того, комиссия признала, что падение ценности денежных знаков и изменение условий общественной, экономической и правовой жизни вызывает насущную потребность в пересмотре действующего судебного законодательства» и т. д.

В результате — комиссия занялась пересмотром и пересмотрела «учреждение судебных установлений, устав уголовного судопроизводства, устав гражданского судопроизводства, уложение о наказаниях и уголовное уложение» и внесла в них подлежащие изменения.

Добралась комиссия и до реорганизации военно-полевых судов, констатировала, что они «не предусмотрены законом», «совершенно не отвечают требованиям закона и правосудия», выработала новый проект положения об этих судах, но тут вышел конфуз. Доклад министра юстиции в совете об организации военно-полевых судов значился на повестке на 1 ноября, но к заседанию выяснилось, что ген. Юденич еще 16 октября своею властью упразднил старые хомутовские суды и издал приказ № 266, регулирующий деятельность новых военно-полевых судов, применительно к «своду военных постан.» и узаконениям в период мировой войны. Пришлось К. И. — «просить помощника военного министра представить совету в ближайшее время приказ главнокоман-

дующего, регулирующий действия военно-полевых судов, отложив обсуждение проекта до получения сего приказа». 12 ноября доклад был вовсе снят с очереди, 18 — ходатайствовалось о возмещении расходов по комиссии, а дальше все кануло в лету, ибо и территория и население — предметы попечения комиссии — снова перешли во власть совдепов.

В повседневной практической работе Кедрин, как и все мы, на каждом шагу натыкался на своеволие военных властей. Притянуть ослушников к суду он не мог: военные власти упорно поддерживали друг друга и его не слушались. Они позволяли себе третировать следственные власти даже главного военного суда в Нарве. Памятно в этом смысле дело о загадочном убийстве в Гдовском уезде мичмана Ломана.

Подозрение в убийстве падало на одного ротмистра, приятеля впоследствии весьма юного полковника и генерала Видякина, того самого, о котором я упоминал в связи с оскорблением в Гатчине контролера Панина. По предложению военного прокурора, военный следователь дал ход делу; против ротмистра предполагалось возбудить обвинение в предумышленном убийстве и требовалось лишь соответствующее согласие военного начальства, так как убийство произошло в пределах местности, находящейся в исключительном ведении военного начальства, и было совершено лицом воинского звания. Военный следователь обратился за разрешением привлечь ротмистра к командующему корпусом. Велико было изумление этого юриста, когда в ответ на свою бумагу он получил от начальника штаба корпуса ротм. Видякина грозный запрос: «на каком основании вы определяете, как убийство, случай, повлекший за собой смерть мичмана Ломана, и вменяете в вину ротмистру (такому-то)... Вместе с тем, благоволите сообщить, в какой мере военный следователь ответственен и какие меры взыскания могут быть на него налагаемы за лишенное всяких оснований, сообщаемое в служебной бумаге обвинение должностного лица в преступлении, сим лицом несодеянном, и может ли быть означенное деяние судебного следователя квалифицировано, как преступление, совершенное им при исполнении им служебных обязанностей».

Следственные власти не решились бороться с всесильным тогда молодым человеком и дело без движения осталось у того же Видякина.

Министру писать подобных бумаг, конечно, не решались, но прибегали к волынке, а в промежуток расправлялись по своему. Протесты и вмешательства членов правительства по большей части ни к чему не приводили. Военные всегда находили какие-нибудь увертки, часто прикрываясь тем же

ген. Юденичем. Укажу, например, на знаменитый в наших анналах процесс техника Садыкера, окончившийся смертной казнью.

Анатолий Садыкер, русский беженец в Финляндии, был заподозрен военными кругами в сношениях с большевиками. Когда он, при содействии властей армии, переехал в Ревель и поступил на службу к начальнику снабжения, то через три недели его вызвали по «служебному делу» в Нарву, а там контр-разведка упрятала его в тюрьму, отдав под военно-полевой суд. Садыкер начал молить о защите Е. И. Кедрина и других министров, прося вмешаться в его дела, обставить суд всеми гарантиями для его защиты и дать ему возможность доказать свою невинность. У него в Финляндии оставалась жена и годовалый ребенок. Кедрин предложил военному прокурору зорко следить за следствием и о ходе его извещать.

Вскоре состоялся суд. Свидетели, на которых неоднократно ссылался Садыкер, опрошены не были, письмо некоего Хаджетлаше, служившее, по мнению военных, уликой, на суд представлено не было и в результате был вынесен смертный приговор. Е. И. Кедрин обратился телеграфно к ген. Юденичу, прося его о приостановлении приговора и пересмотре дела. Последовал такой обмен телеграмм:

Ревель, Нарвская, 8, Министру Юстиции Кедрину.

Передана 4 ноября 1919 г.

Приговор обвинительный. Жена осужденного Садыкера умоляет немедленно возбудить дело о доследовании, ибо дело не выяснено.

Председательствующий Васильев.

Нарва, Главнокомандующему ген. Юденичу.

Передано 4 ноября 1919 г.

Узнав приговор Садыкера, считаю долгом поддержать ходатайство жены осужденного о приостановлении исполнения приговора. Председательствующий Васильев телеграфировал, что дело не выяснено. В виду этого отзыва считаю необходимым произвести дополнительное расследование, допросив свидетелей, на которых ссылался обвиняемый и которые остались недопрошенными, вследствие пребывания в Финляндии. Дополнительное расследование представляется особенно необходимым, вследствие пропажи документа, который мог бы уличить подсудимого, почему содержание его приходилось устанавливать свидетельскими показаниями, что всегда сбивчиво и опасно. При таких обстоятельствах отказ от доследования — будет отказ в правосудии, почему

считаю своим нравственным долгом просить приказать приостановить исполнение приговора.

Министр Юстиции Кедрин.

Министру юстиции Северо-зап. правительства Кедрину.

Из штаба армии, 5 ноября 1919 г.

Согласно указания в опросном листе председательствующего на суде Васильева, виновность Садыкера признана единогласно всем составом суда. Постановление суда с ходатайством о помиловании не представлено. Законных оснований к возобновлению дела не заявлено.

Главнокомандующий Юденич.

Был ли действительно невинен Садыкер в приписываемом ему деянии — судить не берусь, так как не знаю подробностей дела, но помню, что о казни Садыкера ходили потом весьма нелестные для Нарвы слухи. О вмешательстве Кедрина в это дело знали многие и в Нарве и в Ревеле, и когда услышали, что Садыкер все-таки казнен, некоторые прямо стали говорить, что в Нарве испугались, как бы Кедрин «не испортил» этого дела. Поспешность, которую проявил ген. Юденич или стоящие за его спиной, вовсе не вызывалась объективными обстоятельствами. С мнением министра юстиции во всяком случае следовало посчитаться и дать возможность обвиняемому защищаться на суде. Иначе, в чем же была разница между красным и белым правосудием?

Или вот другой образчик подозрительной «поспешности», когда по поводу смертного приговора вмешался министр земледелия П. А. Богданов.

18 октября 1919 г. он получил из Гдова телеграмму следующего содержания:

Правление гдовского союза кооператоров просит вас оказать содействие в приостановке смертного приговора над членом нашего правления Александром Федоровичем Моховым и служащим Иваном Ивановичем Соловьевым. Одновременно подаем просьбу на имя главнокомандующего о помиловании. Просим поддержать. Осужденные находятся в гдовской тюрьме № 765.

Правление: Васильев, Епифанов, Дмитриев, Евсеев.

В тот же день Богданов огласил телеграмму в совете министров и под этим числом значится в журнале совета экстренное постановление:

XIII.

Слушали:	Постановили:
Вопрос, внесенный Министром Земледелия, о приговоре военного суда, коим член правления Гдовского Кооперативного Союза Александр Мохов и служащий того же Союза Иван Соловьев присуждены к смертной казни.	Просить Главнокомандующего сделать распоряжение о пересмотре дела Мохова и Соловьева, непричастных к большевизму по удостоверению некоторых министров.

На основании этого постановления в $4\frac{1}{2}$ часа того же дня Богданов послал срочную телеграмму ген. Юденичу, прося о помиловании указанных лиц, телеграфировав одновременно о посылке этой телеграммы правлению союза и гдовскому коменданту. Ответ получился только 23 октября (спустя пять дней):

Спешно.

Утвержденный главнокомандующим приговор по делу Мохова и Соловьева приведен в исполнение девятнадцатого октября.

Генерал барон Вольф.

На коротком, в полтораста-двести верст расстоянии Ревель — Гдов, спешная телеграмма Богданова, конечно, была получена в тот же день, т.-е. 18 октября. Но дело представили так, как если бы она шла 3 — 4 дня, а в промежуток Мохова и Соловьева повесили. «Извините, мол, не виноваты, телеграмма запоздала, видите, как спешно отвечаем вам».

Ни Мохов, ни Соловьев, по словам людей, заслуживающих доверия, большевиками не были. Некоторые министры знали их лично. Впрочем, гдовское начальство и самого министра Богданова, как увидите ниже, не прочь было бы повесить.

Только раз удалось Кедрину арестовать одного безобразника, знаменитого вешателя полк. Энгельгардта, начальника контр-разведки Балаховича в Пскове. Но это было в самом начале деятельности правительства в Ревеле, и арест состоялся при содействии эстонской полиции. Но и этого дела не довели до конца. Военный суд, куда Кедрин передал дело, ровно ничего не сделал. Просидев в тюрьме до ликвидации армии, Энгельгардт вышел оттуда без всяких для себя последствий. Много позже об этом деле Е. И. Кедрин писал в парижских «Посл. Нов.» довольно подробно, квалифицируя роль главного героя, пол. Энгельгардта, в самых резких выражениях.

Несмотря на свой преклонный возраст, Е. И. Кедрин порою загорался, как юноша. Искренний либерал, он умудрился устроиться в своем ведомстве как-то так, что его кругом облепили весьма право-настроенные люди. На эту странность обратили внимание даже со стороны, из Риги. По просьбе Кедрина, наше правительство просило однажды латвийские власти оказать содействие в переезде из Риги в Ревель одного судебного чиновника, которого особенно пожелал иметь у себя на службе Е. И. Кедрин. Когда наш представитель в Риге предпринял соответствующие шаги, ему откровенно выразили изумление, что сев.-зап. правительству нужны в качестве «незаменимых работников» деятели бывшего «союза русского народа». Оказалось, что чиновник, о котором так жарко хлопотал Е. И. Кедрин, состоял до революции председателем одного из отделений этого союза.

Кедрин был немало сконфужен таким пассажем, а бывший «союзник», основываясь на пригласительном письме или телеграмме Кедрина, приставал впоследствии к ликвидационной комиссии, чтобы она вознаградила его за службу в сев.-зап. правительстве — «он-де считал себя все время занятым».

7. Аграрный вопрос. Благие пожелания и печальная действительность.

Земельный вопрос всегда являлся важнейшей проблемой русской внутренней политики, но его значение особенно выросло в по-революционное время, в условиях гражданской войны.

На нашем северо-западе земельный вопрос, с самого начала появления белых у власти, принял уродливые, вредные для движения формы. В верхах армии, а еще более в ее обозе, двигалось много помещиков, и, чего мудреного, что, будучи материально заинтересованными в сохранении своего землевладения, они считали просто большевизмом санкционирование всех крестьянских захватов, происшедших за время революции. По своей прошлой земской работе я знавал много земцев, которые теперь с горечью спрашивали меня:

«Где же справедливость? Почему фабрики не экспроприируются, а только наша земля? Разве она не такой же предмет буржуазной собственности? Ведь не все же помещики получали жалованные земли, многие из нас покупали за деньги, как купцы, промышленники свои фабрики, дома, заводы. Чем мы станем жить, если сельское хозяйство, бывшее нашим обычным занятием и средством к жизни, ста-

нет недоступным нам? Нет, если уж экспроприировать нашу землю, то пусть промышленники и фабриканты прежде обяжутся покрыть все наши убытки, а пока... трудно судить нас за нашу косность в земельном вопросе».

Большинство землевладельцев, впрочем, не развивало такой философии; оно считало земельную экспроприацию грабежом, весь «вековой вопрос» — поташничеством мужикам и требовало напрямик — «вернуть». Этим окриком проникнуты все приказы, касающиеся земельного вопроса в период управления белой властью северо-западным краем, до появления нашего правительства.

Иной психологический процесс шел на другом конце социальной лестницы. Против ставшего всесильным помещика с его грозным и безапелляционным «вернуть» к концу лета 1919 года вновь стоял угрюмый, раздраженный крестьянин. Здесь скапливались все горечи в одну чашу. Помещичьи претензии осложнились требованиями всевозможных военных властей. Деревня систематически эксплоатировалась, не получая взамен ничего или очень мало. Требования эти росли и росли, принимая чем дальше, тем все более чудовищные размеры, пока они, наконец, не приняли характера беззастенчивого обирания оптом и в розницу, натурой и деньгами.

«К концу лета 1919 г., писал в своей записке П. А. Богданов, деревня в своей массе определенно настраивалась против белых». «Нет, видно опять придется уходить в Ланеву рощу» (место пристанища зеленых), фраза, с которй расходился волостной сход Прудской волости, Псковского уезда.

Те же настроения отчасти подметил в то время другой официальный свидетель.

«Приказ № 19 о пользовании лесами вызвал большие толки, я бы сказал, нарекания крестьян. Крестьяне толкуют этот приказ на всякие лады, указывая, что с приходом белых их не только не наделили землей, но оставили в силе прежнее ограничение».

Естественно, что устранение всех вышеназванных причин должно было лечь в основу политики всякого правительства, которое хотело продолжать дело борьбы с большевиками на северо-западе России.

«Новая земельная политика, говорит Богданов, должна была воочию показать крестьянским массам северо-запада, что интересы крестьянства в этой новой политике будут превалировать, что в частности земля останется в руках мужика; что деревня перестанет служить объектом для военно-административного усмотрения, что, наконец, а это самое главное, белые лучше красных, ибо они несут с собой не только белый хлеб, но и мир, и порядок, и свободу».

Эта мысль и была положена в основу земельной политики северо-западного правительства. Пункт 8-й декларации правительства поэтому говорил следующее: «Земельный вопрос будет решен согласно с волей трудового земледельческого населения, в Учредительном Собрании. Впредь до решения последнего земля остается за земледельческим населением, и сделки купли и продажи на внегородские земли воспрещаются, за исключением особо важных случаев и особого разрешения правительства».

Не считая себя в праве радикально разрешить земельный вопрос на каждом отвоеванном у большевиков клочке России, правительство в то же время хотело дать твердую базу для пользования землей до Учредительного Собрания, не запутывая еще больше, и без того достаточно запутанные за годы революции земельные отношения.

Вся дальнейшая политика северо-западного правительства строилась, как развитие п. 8-го декларации. Был отменен ряд мелких сборов за разные виды пользования лесом, надельные леса вернули в распоряжение крестьян, П. А. Богданов выработал проект временного землеустройства крестьян. 18 октября совет министров утвердил проект Богданова.

Как пояснил Богданов в заседании правительства, цели его проекта сводились к следующему:

1) в области земельных отношений сохраняются те, которые имели место к приходу белых войск, что должно дать уверенность широким крестьянским массам, что реставрационных попыток у новой власти нет, и чтобы не запутывать земельных отношений еще больше;

2) изъять из рук администрации (в частности всяких комендантов) разбирательство конфликтов, возникающих на почве землевладения и землепользования, чем положить, наконец, предел самоуправству органов военной власти;

3) отменить приказы Родзянко о земле и прекратить все возникшие по ним дела и тем внести успокоение в деревню;

4) охранить от хищения и захвата совхозы, коммуны, коллективы и др. советские имения, питомники и хозяйства которых могли бы впоследствии послужить общеагрикультурным целям;

5) привлечь к работе по урегулированию земельных отношений само крестьянство, в лице земств и возобновившихся специальных земельных отделов.

К сожалению, все эти благие намерения проводились в жизнь тоже с значительным запозданием. В продолжение почти двух месяцев со времени возникновения правительства вредные приказы ген. Родзянко (№ 12, 13, 14 и т. д.) оставались неприкосновенными, а в Гдове над возобновившим свою

деятельность земельным отделом распоряжался гдовский комендант Штейн. Закон о землеустройстве приняли в самый разгар петроградской кампании, когда военные власти менее всего поддавались обузданию. П. А. Богданов в своей записке подробно останавливается на том впечатлении, которое произвел закон на местах.

Органы военной власти проявили полную растерянность. В то время, как агит-отдел штаба армии распространял приказ министра земледелия, где было полностью передано постановление 18 октября, в виде прокламации, в то время, как приказ был расклеен в Ямбурге и Гатчине, в Гдовском уезде он не был опубликован вовсе в виду резкого вмешательства командира 2-го армейского корпуса, генерала Арсеньева, запретившего заведующему гдовским земельным отделом Зеленскому, через гдовского коменданта полковника Штейна, рассылку этого приказа на месте. Мотивы запрещения лишь много позже были изложены Зеленским при личном докладе П. А. Богданову. Они оказались весьма кратки и красочны.

Генерал Арсеньев заявил:

«Какой там приказ министра земледелия. Правительства уже нет, и Богданов повешен».

В ответ на указние П. А. Богданова на недопустимость замалчивания подобного факта (о нем Зеленский донес тогда, когда очутился вне пределов досягаемости Арсеньева), Зеленский чистосердечно признался, что боялся репрессий горячего генерала.

В докладной записке о результатах командировки от 5 ноября 1919 года чиновник особых поручений при министре земледелия, А. В. Волков, так писал о том же инциденте П. А. Богданову:

«Заведующий земельным отделом, по его словам, дважды ходил лично к коменданту г. Штейну и каждый раз получал один и тот же ответ: «приказ этот не следует распространять, так как министерство земледелия, да и все правительство, если уж не разогнано, то в ближайшие дни будет разогнано», при чем в последний раз комендант сослался, что вопрос этот подлежит компетенции штаба 2-го корпуса, находящегося в г. Гдове».

Получив докладную записку чиновника Волкова, П. А. Богданов через министра внутренних дел в категорической форме потребовал удаления и предания суду коменданта Штейна. Но, увы, это была запоздалая буря в стакане воды — кругом пахло общей катастрофой.

«Как реагировали широкие крестьянские массы на «Положение о земле» сказать трудно,—говорит Богданов, — ибо последовавшая катастрофа сев.-зап. армии смешала все

карты, — можно говорить лишь об отдельных вестях с мест; они определенно были положительны и говорили о правильной линии поведения. «Положением о земле» пытались прикрыться от произвола местных комендантов».

8. Белые дипломаты и независимая Эстония.

Тяжела была задача нашего министра иностранных дел С. Г. Лианозова. Противоречие между действительностью и программой так ярко било в глаза, что эстонцы крайне плохо верили С. Г., что мелочи не должны итти в счет и что армия не питает к Эстонии никаких враждебных чувств. Иногда выпадали случаи, когда положение Лианозова становилось просто невозможным. Из бесчисленной серии бестактностей, легкомысленно усложнявших наше положение, приведу на выдержку два случая, относящихся к началу и середине периода существования правительства.

В сентябре месяце Лианозов, Маргулиес и я должны были поехать по делам в Нарву. Когда мы приехали на ревельский вокзал, то оказалось, что вагон, в котором надлежало нам ехать, не прицеплен. Сопровождавший премьер-министра офицер для поручений сильно возмутился такой невнимательностью эстонской администрации и попросил нас обождать в буфете первого класса, пока он уладит это дело. Я заказал себе чаю и подсел к одному из столиков, за которым пили пиво и закусывали несколько эстонских офицеров. Спустя некоторое время появляется наш адъютант и громогласно докладывает:

— Вагон сейчас будет готов. Эти чухны отчаянно копаются.

У эстонцев физиономии мгновенно вытянулись, побледнели, а у одного офицера стоном вырвалось.

— Какое безобразие...

Наш офицер был добрый славный малый, но что поделаешь, когда естество прет из всех щелей и в минуту досады вырывается привитое старым воспитанием — «чухны». С. Г. Лианозов вполголоса сделал замечание нашему офицеру, но произведенного впечатления уже не вытравишь. Эстонцы вскоре встали из-за моего столика и, что-то раздраженно говоря по-эстонски, вышли из залы.

В другой раз «увлекся» сам ген. Юденич. После взятия Гатчины он поехал осмотреть состояние этого города. Главнокомандующий и его свита сидели в салон-вагоне. На одной из промежуточных между Ямбургом и Гатчиной станций в вагон зашел корреспондент эстонских газет и вежливо попросил ген. Юденича дозволить ему проехать некоторое расстояние в салоне генерала. Юденич разрешил это кор-

респонденту, и, перейдя к прерванному с собеседниками разговору, видимо, совсем забыл о приютившемся где-то в уголке корреспонденте. В то время наша армия делала непрерывные военные успехи, генерал был в благодушно-розоватом настроении и, обращаясь к своим собеседникам, между прочим пообещал им:

— Вот сначала возьмем Петроград, а потом повернем штыки на Ревель...

Вернувшись домой, корреспондент поместил весь разговор в эстонских газетах, а может еще и лично осведомил о нем свое правительство. При первом же визите в эстонское министерство иностранных дел С. Г. Лианозов определенно почувствовал, что эстонцы плохо верят его миролюбивым заверениям. Слушая С. Г., эстонский министр как-то странно и загадочно улыбался. С. Г. Лианозов в то время ничего еще не знал о разговоре в вагоне ген. Юденича и, таким образом, не понимал, в какое глупое положение ставил его разговор другого члена нашего правительства.

А сколько было-то и походя обраниваемых ругательств, в роде «картофельной республики», «картошки» — не оберешься!

V. БЫТ И НРАВЫ БЕЛОЙ АРМИИ И БЕЛОГО ТЫЛА.

Все предприятие вызвало в свое время много несбывшихся надежд, вскрыло по той же причине преждевременно некоторые политические карты и обнаружило полную неудовлетворительность помощи армии со стороны тыла.

Прежде всего розыгрались коммерческие аппетиты.

Возникла идея организации русско-эстонского и англорусского банков. На обоих берегах Финского залива зашевелились ждавшие случая разные спекулянты. Глядя на них, заволновались и обыватели. Люди, никогда не занимавшиеся торговлей, бросились скупать разные товары, могущие понадобиться в Петрограде, перепродавали их во вторые и третьи руки. Начался форменный спекулятивный ажиотаж, взвинтивший цены на несколько раз против их нормальной стоимости. Из Гельсингфорса и Ревеля эта лихорадка перекинулась в Копенгаген. Почуя крупную наживу, появились на нашем горизонте одна-две акулы, почти с общеевропейской известностью. «Крылатки» полетели кверху и стали расцениваться значительно выше эстонской марки. К правительству приставали со всех сторон разные гишефтмахеры, агенты, посредники и просто «доброжелатели», наперебой предлагавшие разные проекты, комбинации и просто продукты. Наиболее бесцеремонные, получив отпор, лезли в обход к ген. Юденичу, стараясь «непосредственно с ним» заключить договор, поставку и т. п. При этом, конечно, всячески инсинуировали по адресу отдельных министров, а генералу Юденичу льстили в глаза самым безобразным образом, называя его единственным и безапеляционным вершителем всех дел и судеб, рассчитывая, что генерал вот-вот совсем одуреет от чада этой пряной лести и, как Крыловская ворона, обронит «сыр», предмет любви этих патриотов. В числе «доброжелательских» проектов помню один, поданный Утеманом со товарищи, откровенно игнорирующий правительство, базарно-льстящий генерал-диктатору и хвастливо показанный мне самим ген. Юденичем, когда я был у него в Нарве, в кабинете. Но в данном случае дело пахло скорее политикой. За спиной

Утемана (русского немца, председателя правлен. учетного и ссудного банка в Петербурге) прятались сен. Иванов (с которым мы разошлись по вопросу о портфелях), г. Тхоржевский (правая рука б. царского министра Кривошеина и домогательство коим поста управляющего канцелярией совета министров в свое время нами было отклонено), г. Бер (живое кадило проживавшего тогда около Гельсингфорса великого князя Кирилла Владимировича), наш неизменный «приятель» проф. Кузьмин-Караваев и «совершенно конспиративно» сам пламенный вдохновитель всей этой разношерстной оппозиции — проф. Карташев. На одного купца приходилось четыре политика — комбинация совсем некоммерческая.

Впрочем, кто тогда не пускался на закупки, всячески конкурируя и без практической надобности развивая параллельную с министерством снабжения и продовольствия деятельность по закупке разных продуктов, всего в 4 часах езды от Ревеля, — в Гельсингфорсе. В моих бумагах, например, имеется отношение, в коем уже в начале ноября, т.-е. после потери Луги и Гатчины и накануне падения Гдова, правительству предлагалось заплатить свыше полумиллиона финских марок за какую-то колбасу, закупленную помимо ведома наших министров, но исключительно «озабочиваясь снабжением Петрограда продовольствием». Покупателями были так называемые «гельсингфорцы» — уполномоченный Красного креста по Петрограду проф. Цейдлер и председатель комитета по организации городского управления в Петрограде сен. Иванов. Конкуренция обнаружилась только потому, что Петроград не был взят, армия откатилась назад, а колбаса оказалась, повидимому, неудовлетворительного качества и не принималась контр-агентом назад. Не случись первых двух неблагополучий, платеж в Петрограде произвел бы «генерал-диктатор»(в «дни побед» эти почтенные деятели считали нас окончательно погребенными) и не пришлось бы вновь иметь дело с северо-запдным правительством.

Насколько помню, правительство отказалось принять эту запоздалую во всех отношениях колбасу.

Трудно было не заразиться тогдашней горячкой, и чего мудренного, что ею заболели вскоре наши тыловые деятели. Взорванный в августе под Ямбургом мост через реку Лугу управление военных сообщений чинило в течение почти всей петроградской кампании. Благодаря такой черепашьей работе, армия долгое время не могла перебросить к фронту своих бронепоездов и перекатить танки. Ясно, что управление оказалось не способно произвести своевременно починку моста. Но это нисколько не помешало начальнику

того же управления, полк. Третьякову, выступить с проектом постройки узкоколейной железной дороги для стратегических целей. Правительству предлагалось заключить многомиллионный договор на совершенно сомнительное предприятие, потому что строить дорогу в условиях гражданской войны могло прийти в голову только изобретательным на всякие расходы тыловикам. К несчастью для прожектеров, они так спешили с этим делом, что не успели заручиться хотя бы предварительным согласием ген. Юденича, что подбная дорога действительно понадобится по стратегическим соображениям. В виду настойчивого предложения полк. Третьякова, ссылавшегося на требование ген. Родзянко, поспешить с заключением необходимых для этой постройки договоров на различные материалы, договор подвергли критике, а попутно запросили телеграфно ген. Юденича, нужна ли ему на самом деле такая дорога. Ответ убил всю затею в одну минуту.

Из Штаба № 536.

Ревель. Председателю Совета Министров Лианозову.

58/№ 2/о. Узко-колейная железная дорога для армии совершенно не нужна.

Юденич.

Сорвалось... Думаю, что ген. Родзянко поддержал эту нелепую затею только по неимению времени разобраться в ней.

Многоопытный главный интендант, конечно, не делал таких грубых промахов. Он действовал в согласии с начальником снабжения армии, ген. Яновым и бил наверняка: ген. Янов (школьный товарищ Юденича) окончательно похитил сердце нашего главковерха.

На одной из страниц книги я осведомил читателя с количеством нашей армии и снабжении ее мукой и салом. Доставленных американцами продуктов было вполне достаточно, считая армию даже в 40 тысяч человек, чего в действительности никогда не было. Тыловики, однако, рассудили иначе и на ноябрь месяц потребовали от министерства продовольствия муку и сало для армии на 200 тысяч человек. Ф. Г. Эйшинский, мин. продовольствия, вначале думал, что тут произошла ошибка, объясняемая тем, что ведомость составлялась в разгар наших успехов, и военное ведомство, так сказать, заранее учитывало взятие Петрограда и увеличение после сего размеров нашей армии. Он проектировал поэтому сократить требования интедантов, по крайней мере, вдвое. Помню, что я, как представитель государственного контроля, сильно напал на совет министров, на Ф. Г. за его

излишнюю доверчивость к интендантским акулам и советовал энергично сопротивляться всем дутым требованиям этих господ. Меня поддержали М. С. Маргулиес и П. А. Богданов, но продовольственную смету на 100 тысяч все-таки утвердили. Большинству коллег казалась, очевидно, чудовищной мысль, что военное ведомство могло так обманывать. По настоянию кого-то из нас, С. Г. Лианозов тем не менее запросил ген. Юденича, не находит ли он, что цифра 200 тыс. чел. чрезмерно увеличена интендантством. Генерал, видимо, опять смалодушествовал и... поддержал интендантство, в контакте с которым работал начальник снабжения армии г. Янов. Нижеприводимый документ ясно показывает, чья рука водила пером ген. Юденича, когда он давал свой ответ на запрос правительства; достаточно взглянуть на скрепу бумаги.

Главнокомандующий армиями
Сев.-Зап. фронта
и
Военный Министр
6 ноября 1919 г.
№ 2449.

Председателю Совета Министров
Сев.-Зап. Правительства.

Вследствие телеграммы Вашей о том, что Главным Начальником Снабжения фронта была заявлена потребность армии на ноябрь в двести тысяч человек, сообщаю, что со своей стороны не нахожу означенную цифру преувеличенной по следующим соображениям: к 26 октября с. г. число едоков увеличилось с 23 тысяч до 90 тысяч и благодаря дальнейшему продвижению вперед увеличивающееся число едоков не поддается точному учету. Далее в освобожденных от большевиков местностях производится мобилизация, вследствие чего значительно увеличится общая цифра потребного для армии продовольствия.

Таким образом, потребность заготовки продовольствия на означенное число едоков вполне отвечает настоящей обстановке, о чем и довожу до Вашего сведения.

Генерал от инфантерии Юденич.

Главный начальник снабжения
Генерального штаба генерал-майор Янов.

«Настоящая обстановка» в день подписания бумаги 6 ноября ген. Юденичу была известна, конечно, лучше, чем нам: мы потеряли к тому времени Гатчину, Лугу, были накануне сдачи Гдова и, разумеется, не производили никакой мобилизации, так как спешно отступали по всему фронту,

утратив $^9/_{10}$ ранее занятой нами территории. А армии в «90 тысяч» мы не имели даже после взятия Царского Села, ибо в течение всего похода наша армия не превышала 30 тысяч бойцов.

Сопротивление отдельных министров только разъяряло тыловиков. Одно время ген. Янов всячески старался «подсидеть» министра продовольствия Ф. Г. Эйшинского. В разгар кампании на фронте стал остро чувствоваться недостаток в автомобилях, ген. Янов шепнул Юденичу, что автомобили задержал Эйшинский в Ревеле. Юденич шлет почти дерзкую телеграмму С. Г. Лианозову и требует расследовать деятельность того министра, который губит дело армии. По проверке оказывается, что из 90 машин, находившихся в авто-транспорте министерства продовольствия, армии еще до 10 октября было выдано 57 машин, американцам и англичанам — 6, эстонцам — 2, в ремонте находилось — 11 и непосредственно обслуживало повседневную работу министерства лишь 14 машин. Подсидеть не только не удалось, но обнаружилось, наоборот, что половину взятых автомобилей задержал у себя тот же начальник снабжения армии. Сконфуженный ген. Юденич просил забыть об его телеграмме.

История с покупкой бензина для автомобилей была прямо возмутительна. Нехватка бензина произошла по вине начальника снабжения армии. Он, как я говорил выше, упорно саботировал правительственные органы снабжения, вследствие чего им приходилось ощупью намечать, что необходимо в первую голову для нужд армии. Делалось это с явною целью дискредитировать их деятельность в глазах главнокомандующего, чтобы доказать необходимость самостоятельных закупок за границей непосредственно ген. Яновым. Впоследствии особая ревизионная комиссия детально остановилась на разборе этой аферы. Выяснилась довольно своеобразная деятельность ген. Янова. Зная, что бензин уже закуплен С. Г. Лианозовым и должен в ближайшие дни прибыть в Ревель, ген. Янов вдруг запросил у Торгового Отдела министерства снабжения бензин в количестве, превышающем раз в 7 действительную потребность, и, так как ответ мог быть только отрицательным, он на другой же день испросил у ген. Юденича чудовищный кредит на 44.517 фун. стерлингов и заказал бензин в Копенгагене. Цена на бензин и притом на ненужную огромную партию оказалсь в 1½ раза выше той, по которой купил через г. Гулькевича С. Г. Лианозов. «Ясно было, говорилось в одном свидетельском показании комиссии, что ген. Янов чрезвычайно был заинтересован в том, чтобы ему удалось заказать эту огромную партию бензина и, заказал нигде в другом месте, как в Копенгагене».

Мало того, когда лианозовский бензин прибыл уже в Ревель, ген. Янов, спустя продолжительное время, запросил С. Г. Лианозова телеграммой, почему не прибыл обещанный бензин. Произвели быстро проверку и выяснилось, что бензин давно на месте и что, следовательно, ген. Янов не знал даже того, что творится в его собственном ведомстве.

Так же блестяще ген. Янов пытался закупить аэропланы за границей, валенки и проч. имущество. Все за спиной и без ведома наших органов снабжения, вступая часто в договоры с людьми явно ненадежными, как, например, американский кап. Мартин, обязавшийся доставить 20 аэропланов, в то время как американское правительство категорически запретило ему вывоз всяких военных материалов, о чем и уведомило г. Гулькевича в Стокгольме.

В числе лиц, допрошенных ревизионной комиссией по делу ген. Янова, был штаб-офицер для поручений при председателе совета министров, полк. Долуханов. Его показание значится в особом рапорте председателю комиссии. Разобрав подробно все приемы деятельности начальника снабжения армии и сообщив относящиеся сюда факты, он резюмирует свой рапорт, между прочим, так:

«Вышеизложенное указывает, как упорно добивался главный начальник снабжения получить в свое полное распоряжение заготовки для армии, как стремился он всячески побороть выставленные ему в этом отношении Правительством препятствия, как вводил он для этого в заблуждение Главнокомандующего и провоцировал его писать бумаги, явно не отвечающие ни фактическому положению вещей, ни действительной пользе казны».

Правительство, конечно, сильно боролось против своеволия ген. Янова. Еще в начале кампании оно в одном из заседаний вновь подтвердило, что закупки за границей не входят в компетенцию ген. Янова, сообщило это постановление ген. Юденичу и просило его сделать соответствующее внушение ген. Янову.

Не довольствуясь официальными постановлениями, отдельные министры многократно жаловались Юденичу на действия Янова, при каждой личной встрече. Ничто не помогало: ген. Юденич либо отмалчивался, либо писал несообразные бумаги под диктовку того же Янова.

А с середины октября подули ветры, грозившие смести само правительство.

Как только обнаружились первые успехи армии, тотчас же усилилось давление на ген. Юденича окружавшей его реакционной клики. К этому присоединились происки г.г. «гельсингфорцев», они начали то и дело сновать в Нарву,

в ставку главнокомандующего, окутывая свои поездки глубокой тайной. Результаты скоро не замедлили сказаться. Подстрекаемый черными патриотами, генерал сделал два распоряжения, фактически упразднявшие северо-западное правительство на внешнем и внутреннем фронте его деятельности. Особым приказом он объявил всю белую территорию театром военных действий и назначил военным генерал-губернатором ген. Глазенаппа, а находящемуся в Гельсингфорсе ген. Гулевичу телеграфно поручил быть его представителем по всем гражданским и военным делам сев.-зап. области. Когда то и другое стало известно, в гельсингфорском стане поднялось неописуемое ликование.

Близорукие политики, окружившие ген. Юденича, не учли многих вещей, сразу подорвав некоторые из тех корней, которые должны были питать успех нашей армии. И приказ и телеграмма Юденича моментально стали известны прежде всего в Ревеле. На эстонцев они произвели ошеломляющее впечатление. Начался звон в прессе, а министр Геллат в своей канцелярии при чиновниках откровенно заявил, что с.-з. правительство больше не существует. Правительственные их круги настроились враждебно к ген. Юденичу.

Грабежи были одной из язв всех белых армий. Наша армия тоже не избегла этого зла, с тою только разницей, что любители поживы здесь преимущественно «грабили награбленное», т.-е. национализированное большевиками чужое добро, или обворовывали общественное и государственное имущество. Благодаря такой своебразной системе видимости массового грабежа не получалось; грабеж «награбленного» происходил, конечно, исключительно по городам. Деревнями войска в этот поход проходили быстро, брали самое необходимое и редко обижали крестьян. Несколько картин, которые я приведу дальше, покажут читателю, что грабеж производился отнюдь не для удовлетворения элементарных и вопиющих нужд армии, а просто по распущенности нравов и жажды крупной наживы со стороны отдельных военноначальников.

«20 октября 1919 г., — рассказывал некто г. Смелков, член Павловской городской управы и впоследствии чиновник особой ревизионной комиссии ген. Ярославцева, — 3-я дивизия с.-з. армии в составе Вятского, Волынского и Даниловского полков заняла г. Павловск, Петроградской губернии. Нашлись люди, которые решили использовать приход белых с целью свести счеты со своими личными врагами, коих оговорили перед белыми, а те без долгих разговоров их перевешали. В числе казненных не было ни одного коммуниста... На следующее утро, по приходе белых, местное население решило организовать городское само-

управление. Таким образом возникла Павловская городская управа... (на долю рассказчика выпало заведывание полицией). Организовав наспех местную полицию, я послал часть полицейских собирать брошенные красными у станции Павловск 2-й винтовки и другие предметы военного снаряжения, а двух полицейских оставил в помещении управы для окарауливания нижнего этажа, где большевиками было сложено в 5 комнатах реквизированное имущество с социализированных дач. Имущество это, в виду огромной его ценности, решено было переписать, а затем, по мере возможности, возвратить владельцам. Там были самые разнообразные вещи из лучших особняков Павловска. Опечатав все входные двери в комнаты, где хранилось это имущество, своей именной печатью и поставив снаружи часовых с винтовками, я через несколько часов случайно заметил, что одна из входных дверей открыта настежь, в помещении хозяйничают офицеры и солдаты. Со слов дежурного полицейского я узнал, что несколько возов с имуществом уже вывезено ими. На мои и г. Башлягера (другого члена управы) протесты и требования покинуть помещение офицер дерзко возразил нам, что он действует по предписанию штаба 3 дивизии и более знать никого не желает. По проверке по телефону слова этого офицера не подтвердились. Тогда я обратился к коменданту города, ротмистру Голощапову, который, пошептавшись с офицером, куда-то скрылся и ничем нам не помог. Пришлось обратиться за содействием к начальнику гарнизона г. Павловска ген. Дракке, который немедленно явился в управу, прекратил это самовольное расхищение имущества и удалил офицера с солдатами.

Всех вещей, вывезенных этими господами, установить нельзя, так как они выносили вещи в ящиках и успели вывезти до моего прихода по показанию полицейского семь возов; лично при мне они упаковывали в ящики: шелковые портьеры, чайную и столовую посуду с вензелями Константина Константиновича, один из сервизов, который (на шесть дюжин) оказался разрозненным, так как глубокие тарелки и чашки для бульона остались невывезенными. Сервиз этот впоследствии я лично видел на вечере в Даниловском полку, а прочую посуду, старинные скатерти и попоны с вензелями императорской охоты у начальника 3-ей дивизии ген. Ветренко, посуду и скатерти на квартире, а попону на его собственных (?) лошадях. В январе 1920 г. жена моя была свидетельницей продажи Константиновского сервиза офицерами Даниловского полка, при чем продавался сервиз в розницу и по такой дешевой цене, что моментально весь оказался распроданным (дивные тарелки продавались по 10 марок штука)... Посланные мною для сбора военного снаряже-

ния полицейские, совместно с железнодорожниками станции Павловск 2-й, собрали с полей около 1600 винтовок и довольно крупное количество патронов... На неоднократные мои заявления начальнику штаба 3-й дивизии, подполковнику Кусакову, забрать эти винтовки и патроны, я получал неизменный ответ, что у него нет ни людей, ни подвод. Так это оружие и осталось в Павловске... Характерно, что в окрестностях Павловска было реквизировано до 1000 подвод, на которых вывезено было разнообразное имущество, ничего общего не имеющее с военным снаряжением, как-то: стекла, клей, пилы, масляная краска, печные дверцы, дверные ручки, материя, мебель, столярный клей и многое другое... Большинство его (имущества) находилось в Даниловском полку и продавалось в Нарве. Из разговоров было видно, что из Павловска Даниловским отрядом было вывезено имущество, принадлежащее союзу кооперативов (станции Павловск 2-й), но за достоверность этого не ручаюсь».

Особенно позорным пятном на отдельных чинов армии ложится грабеж гатчинского дворца.

«Кроме того, — читаем мы в совершенно секретном донесении начальнику контр-разведывательного отделения от 2-го декабря 1919 года, — получены сообщения, что чинами штаба 1-го стрелкового корпуса из Гатчины было вывезено два или три вагона дворцового имущества, среди которого находится серебряная и иная дворцовая посуда с гербами и вензелями, а также другие ценные вещи. Имущество это разделено между В-ным, З-ным и А-вым, у которого среди прочих вещей находится золотой парчи халат. Некоторые из названных лиц спешно распродают доставшееся на их долю имущество, некоторые же хранят».

Хищения оказались очень крупные. Имущество долго после похода продавалось в Ревеле, сначала тайно, а потом, когда перешло к перекупщикам, совершенно явно, вплоть до публикации в местных газетах:

«Охотничья карета Александра II, отделана слоновой костью, продается на Б. Розенкранцской, 16, узнать в магазине № 1».

Это откровенное объявление появилось в № 69 ревельских «Последних Известий» от 1 ноября 1920 г.

VI. РАЗЛОЖЕНИЕ И ГИБЕЛЬ.

Отступление армии от Гатчины до эстонской границы произошло в две недели. Армия пятилась назад, недоумевая, не видя перед собой врага, голодная. Хозяйственная часть окончательно развалилась, а интендантский грабеж обратно-пропорционально рос, по мере приближения к Нарве. За отсутствием печеного хлеба, солдаты и строевые офицеры питались самодельными блинами, сготовленными у походных костров, а сала часто вовсе не получали, хотя интенданты стали выводить в ведомостях уже по 3½ фунта в день на человека!

Надоедание, однообразная пища и начавшиеся морозы стали подтачивать здоровье солдат. За отступающей армией тащились многочисленные беженцы, плохо одетые, тоже голодные, часто с детьми, на измученных, некормленных деревенских клячах или в товарных без печей вагонах. Беженцы мерли, как мухи, ухудшая и без того тяжелое нравственное состояние армии. Кроме того самый отход совершался крайне беспорядочно.

«При отходе от Гатчины, войска, по словам ген. Ярославцева, не имея руководящих указаний, отходили в беспорядке. Начальники дивизий ездили к ген. Юденичу в Нарву за инструкциями, но ни он, ни начальник штаба ген. Вандам, ни его коллеги — Малявин и Прюссинг не знали, на что решиться, и отход обратился в бесцельное, стихийное отступление».

Но, даже потеряв г. Ямбург 14 ноября, армия еще продолжала обороняться на позициях перед Нарвой. «2-я и 3-я дивизии, говорит ген. Ярославцев, были вполне боеспособны, и если бы не враждебные действия эстонцев, могли бы сново оправиться в тылу. Немного хуже обстояло дело в 4-й и 5-й дивизиях, но и они стояли на позиции у дер. Криуши и выносили порядочные бои. Остальные войска отошли в глубокий тыл на территорию Эстонии и были там разоружены эстонцами».

В эстонской армии к этому времени действительно стало нарастать определенно враждебное отношение к нашей се-

веро-западной армии. Разъяренные большевики мечтали заодно свести счеты и с Эстонией. С конца ноября начинаются их яростные атаки на Нарву. Теперь кашу приходится расхлебывать уже эстонской армии, враг грозит ее территории. Большевики бросают на подступы к Нарве отборные части, устраивая в день до 17 лобовых атак. Драться против них очень тяжело, число жертв растет. Непрекращающаяся тайная большевистская агитация коварно шепчет на ухо каждому эстонскому солдату, что виной всему «северо-западники»: из-за них эстонцам вновь приходится проливать кровь, из-за их присутствия в Эстонии и упорстве откладывается мир с советской Россией. Эстонский солдат начинает звереть и враждебно коситься на наших солдат, видя в них единственную причину продолжения войны с большевиками. При встрече с нашими частями эстонцы бранят их, «куррат» (по-эстонски — черти) слышится на каждом шагу. Перешедшие на эстонскую территорию русские части эстонцы без зазрения совести грабят, отнимая обозы, растаскивая снаряжение. Кое-где столкновения переходят во взаимную рукопашную.

Положение нашей армии двусмысленное и трагическое. В то время, как часть ее на эстонской территории подвергается всяким мытарствам и издевательствам, другая — вместе с эстонцами—отбивает атаки большевиков в обход Нарве. Наши солдаты начинают недоумевать: борьба бок-о-бок с эстонцами для них теряет всякий смысл. К чему, думается рядовому воину, помогать эстонцам, раз они так враждебно относятся к русской армии. Ведь было несколько случаев, когда припертые большевиками к эстонской границе наши солдаты, отступая, натыкались на эстонские пулеметы, оказываясь, буквально, меж двух огней. Вперед не пробиться, а назад не пускают эстонцы. В результате начиналась деморализация среди наших солдат, против чего строевые офицеры часто бессильны были бороться, ибо сами начинали терять представление о смысле русской армии.

Справедливость требует сказать, что само эстонское командование попало в этот момент в положение подозреваемого. Общественное мнение и пресса откровенно высказывались за мир с большевиками, а командование вынуждено было напрягать отчаянные усилия, чтобы удержать боеспособность своей армии, потому что текущий день требовал пока борьбы. Для переговоров о мире нужно было время, а враг не ждал и лез вперед. Эстонскому солдату вся ситуация становилась тоже непонятной. В войсках появился ропот. Большевистская агитация, конечно, и тут не дремала. Ген. Лайдонер счел необходимым издать особый приказ своим войскам.

«Неприятель, говорил он, старается всячески использовать это обстоятельство (то-есть продолжение борьбы на фронте, В. Г.) и разбить наше войско, чтобы таким образом вполне подчинить нас своей власти. Ведут широкую пропаганду с целью натравить солдат на офицеров и военное начальство, объясняя, что офицеры против окончания войны, потому что после окончания войны, у них не будет никаких занятий»...

Генерал Лайдонер объяснял солдатам, что для заключения мира правительству нужно время, оно знает, как трудно вести войну, но пока необходимо воевать, чтобы вполне гарантировать государственное и национальное бытие Эстонии.

Правительство республики сделает все возможное, чтобы окончить войну и дать юному государству возможность мирного развития. Можно утверждать, что в настоящий момент надежда на мир обоснована более чем когда-либо. Что же касается войска, то наше войско в полном составе от главнокомандующего до рядового находится в полном распоряжении правительства республики.

Войска, главнокомандование войсками не ведут и не смеют вести самостоятельной политики в вопросе мира или в других вопросах, разговоры о том, что эстонские офицеры после окончания войны не будут иметь работы, безосновательны. В Эстонии чувствуется большой недостаток в образованных людях. Когда война кончится и офицеры освободятся от военной службы, они без труда найдут занятия в государственных и в частных учреждениях, где они будут материально более обеспечены, чем теперь, получая то маленькое жалование, какое в силах платить им за военную службу наше юное государство».

При таких условиях вся окружающая обстановка определенно складывалась против дальнейшего существования северо-западной армии и ее дальнейших задач в противобольшевистской борьбе. Фактов было слишком много, чтобы крепко задуматься: «что же делать дальше».

Положение в конце концов стало совершенно невыносимо. К убийственному состоянию армии, присоединились душураздирающие сцены гибели несчастных беженцев и их детей, буквально замерзавших в снегу перед проволочным заграждением Нарвы.

Когда в конце ноября выяснился полный развал армии, оппозиция генералу Юденичу достигла апогея. Командиры отдельных частей устроили совещание и через командующего корпусом графа Палена подали рапорт о необходимости передать главнокомандование русской армией главнокомандующему ген. Байдонеру. Этот рапорт косвенно выразил тем самым недоверие Юденичу. Он понял это и по-

спешил передать командование ген. Глазенаппу, произведя ген. Глазенаппа в генерал-лейтенанты и наградив Анной 1-ой степени с мечами, хотя генерал этот не командовал до этого времени ни одной боевой воинской частью.

1-го декабря 1919 г. новый командующий издал грозный приказ, не вязавшийся ни с фактическим положением деморализованной армии, ни с окружающей политической обстановкой, хотя в нем и содержалось немало эффектных мест, на которые ген. Глазенапп был такой мастер.

«1 декабря 1919 г. № 573. г. Нарва.

Офицеры и солдаты, я знаю, вы переживаете трудное время, вы устали, зачастую лишены в достаточной мере продовольствия, одежды и даже крова.

Вы неспокойны за свой тыл; вам говорят, что Эстония заключает с большевиками мир, якобы русских солдат не пустят за Нарву.

Большевистские шпионы раздувают эти слухи, шепчут вам, что дело погибло и выхода нет. Малодушные пали духом, поверили, появились переходы в другие армии, порой не русские.

В такое тяжелое время я принял командование над вами.

Переход Нарвы некоторыми нашими частями произошел случайно. Этим воспользовались эстонские и русские большевистские агенты и, пользуясь неизбежным временным беспорядком, вызвали ряд столкновений между эстонскими и нашими войсками, пугая первых русской опасностью и нас якобы тайными предательскими замыслами эстонцев.

Что бы ни говорили большевистские агенты, что бы ни писали купленные ими газеты, русское дело, начатое вами здесь, на севере, не погибнет. Армия цела и не переставая выполняет свой высокий долг.

В эти трудные дни каждый русский душой должен напречь все свои силы, ближе держаться друг друга, поддерживать малодушных. Сила наша в правом деле, в полном единении всех от генерала до солдата.

Я крепко взял в свои руки дело и его не выпущу; ни один офицер, ни солдат не погибнет напрасно и не будет оставлен врагу. Выходы имеются. У нас всегда есть место, где нас примут, где наша родная, русская земля и армия — это Юг. Но, мы должны ради общего великого дела оставаться здесь, не давать свободно вздохнуть комиссарам, создавать постоянную угрозу и заставлять их держать свои войска против нас, не давая им перебросить их куда либо, позволять налаживать свой транспорт, и, достигая этого, мы свой долг исполняем. Постепенно наш тыл налаживается. Я заставляю тыловых чинов работать так, как они обязаны, или я их уничтожу, как бесполезный и вредный элемент. Я бес-

пощадно расправлюсь с теми, по чьей вине офицеры и солдаты фронта ходили оборванными и босыми и во время не получили пищи.

Моя самая большая забота дать вам заслуженный отдых — и тогда, когда вы вновь подкрепите свои силы, конец всем опасениям. Каждый из вас знает, что красные, которых вы гнали, как зайцев, не сделались теперь лучше и сильнее. Они голоднее, хуже одеты, чем вы, и им неоткуда взять.

Зимней кампании красным не вытерпеть, а вы будете иметь все необходимое.

Я требую от всех офицеров и солдат собрать все свои силы, всю энергию, тщательней, чем когда-либо относиться к своим обязанностям, никакой распущенности, расхлябанности. Всем начальникам приказываю быть ближе к своим подчиненным.

Все чины тыла должны помнить, что они сидят спокойно только потому, что впереди кучка героев несет свой белый крест перед родиной.

Я требую, чтобы для них были положены все силы: всякая небрежность, недостаточная заботливость тыла о фронте будет караться мной беспощадно, все трусы, вся слабая духом мразь, которая думает, что судьба России решается на реке Нарве, пускай убирается к красным, они нам не нужны и в рядах красных для нас не опасны. После за свою измену они понесут свою заслуженную кару.

Командующий армией генерал-лейтенант Глазенапп».

За эфектными выступлениями генерала следовало столь же неэффектное «действие». Генерал сложился и... уехал в Ревель. По человечеству трудно его винить, но тогда зачем было рисовать какие-то несбыточные перспективы, угрожать, подтягивать, если в распоряжении не было решительно никаких средств, чтобы скрасить повседневное безотрадное положение офицеров и солдат. Та же mania grandiosa, что и в знаменитом его «генерал-губернаторстве». Правда, нашлось несколько штатских простаков, которые поверили, или сделали вид, что поверили реформаторским возможностям генерал и в качестве «общественных деятелей» выразили генералу на первых порах «доверие». Это была небольшая кучка нарвских беженцев, закрывавшая глаза на предыдущую роль этого реакционного генерала в армии и пытавшаяся выставить его в роли нового мессии белого движения. Несколько позже генерал командировал этих лиц в Лондон и Париж. Они старались там представить черное белым, но им никто не поверил, и, покатавшись по Европе, они вернулись «несолоно хлебавши домой», окутав свою поездку глубочайшей тайной.

Чистка армии свелась к образованию так называемых «особых комиссий по ревизии тыловых учреждений и установлений бывшей северо-западной армии» в Нарве и Ревеле. Первоначальная нарвская комиссия ген. Ярославцева просуществовала всего несколько дней. Генерал Глазенапп внезапно ее закрыл, так как выяснилось на первых же порах, что чистить нужно прежде всего верхи, то-есть штабную компанию. Тут генерал, конечно, сразу обломал бы свои зубы, а потому он перенес центр тяжести на менее страшные места. Я привожу отчет о деятельности одной из этих комиссий с их общими заключением в приложении к своей книге. Отчет оказался очень скромным, хотя и в нем безобразие отдельных «деятелей» довольно недвусмысленно вскрывает многие язвы нашей армии. Политическая сторона дела, конечно, вовсе оказалась затушеванной в этом отчете, а до многих из фактических злоупотреблений комиссия вовсе не успела добраться. К заключению нарвской комиссии был приложен список лиц, дальнейшее пребывание коих в Российской армии комиссия считала впредь вообще недопустимым. По понятным причинам я не привожу в приложении этого списка — заподозренные не есть еще признанные виновными, хотя список потом представили военному прокурору эстонской республики на предмет привлечения виновных к уголовной ответственности.

С заключением эстонского военного министра список препроводили министру внутренних дел Геллату, а тот ограничился резолюцией: «пребывание означенных лиц в пределах республики нежелательно. Предложить выехать, в противном случае, выслать». Результаты ревельской комиссии почему-то положили под спуд. Они мне неизвестны.

Увидав, как «ликвидируется» имущество армии, некоторые должностные военные лица решили не зевать. «Стали присваивать, — рассказывал генерал Ярославцев, — казенные деньги и с ними уезжать, не выплачивая солдатам жалованья, продавали или передавали эстонцам казенное имущество и тоже безнаказанно уходили». Словом, к внешней «реквизиции» присоединился местами собственный грабеж, Хищники рассуждали довольно просто: «если я не возьму, возьмут эстонцы».

Эвакуировавшаяся в Эстонию армия и беженцы оказались сосредоточенными на крайне узком плацдарме. Не хватало жилищ, платья, питание было недостаточно, началась повальная эпидемия сыпного тифа, унесшая в могилу $^2/_3$ армии и много беженцев. Восточная часть Эстонии покрылась многими могильными холмами несчастных солдат и офицеров армии.

Но куда же, спрашивается, делось все начальство? А начальство все уехало, и в Нарву носа не кажет. Говорят, что оно сидит в Ревеле, в лучшей гостинице и «ликвидирует».

22 января 1920 г. генерал Юденич издал приказ о полной ликвидации армии. Начальником военной ликвидационной комиссии он назначил ген. графа Палена, а генералу Глазенаппу поручил общее наблюдение за всей ликвидацией, заявив в приказе, что все необходимое для этого он передал ген. Глазенаппу. Сколько передал денег ген. Юденич и передал ли их, никто не мог сказать. Эстонцы в это время зорко следили за ген. Юденичем, а когда он хотел выехать в Финляндию, то выездной визы не дали. Я совершенно не вмешивался в эти дела, да со мной и не стали бы говорить.

Незадолго до издания приказа, в № газеты бывшего министра Иванова «Верный Путь» 15 января 1920 года появилось открытое письмо к «руководителю северо-западной армии», подписанное «группой беженцев общественных деятелей», где предъявлялось ген. Юденичу до 9 вопросов о причинах катастрофы армии и спрашивалось, куда расходовался колчаковский фонд и когда ген. Юденич даст отчет о деньгах. Письмо было редактировано в резком обличительном тоне, при чем говорилось о каких-то подозрительных валютных операциях генерала. На письмо ген. Юденич вовсе не реагировал, но поползли слухи, что в Ревеле появился ген. Балахович и вместе с Ивановым опять что-то затевают.

В ночь на 28 января 1920 года в гостиницу «Коммерс», где проживал в Ревеле ген. Юденич, явился некто г. Ляхницкий, Балахович (Иванов не пошел дальше лестницы второго этажа), несколько русских офицеров, три чина эстонской полиции и арестовали ген. Юденича. Номер его опечатали, а самого ген. Юденича увезли на вокзал, посадили в вагон и отправили по направлению к Тапсу. Ляхницкий изображал из себя прокурора петроградского окружного суда (хотя все чины северо-западного правительства давно были уволены еще в декабре от своих должностей), который будто бы по долгу службы решил арестовать преступного ген. Юденича, собиравшегося избегнуть законной ответственности.

Вся махинация балаховцев была явно шита белыми нитками, но наводило на странные размышления присутствие при аресте и содействие эстонской полиции, подчиненной как всюду, министру внутренних дел, каковым тогда состоял Геллат. По одной версии из-за вмешательства союзников (что потом официально эстонцами опровергалось), по другой, по непосредственному распоряжению правительства. Юденича вернули из Тапса назад, и он переселился в поме-

щение английской военной миссии. При освобождении он выдал ордера на 227 тысяч фунт. стерл., ¼ миллиона финских марок, 110—115 милл. эст. марок, оставляемых им на ликвидацию армии, и подписку об отсутствии у него других сумм, могущих пойти на обеспечение чинов сев.-зап. армии. Обо все этом было тогда же напечатано в ревельских газетах.

Я узнал об аресте ген. Юденича последним на другой день, от поверенного ген. Юденича, г. Агапова. Я телефонировал Геллату и тот ответил мне, что это дело Балаховича, он хотел его арестовать, но тот скрылся. Тогда я отправился к эст. министру иностранных дел и выразил ему изумление, как могла участвовать в этом деле эстонская полиция, и спросил, когда будет освобожден ген. Юденич. Министр ответил, что Юденич уже свободен, эстонские власти тут не при чем и виновные в аресте понесут наказание. По возвращении домой, я застал у себя сотрудника «Своб. России», которому и передал о своем визите и разговоре с министром ин. дел. Он поместил интервью в газете. Лианозову я телеграфировал подробно в Париж немедленно же, но он узнал об инциденте до получения моей телеграммы и потому сам телеграфировал через французскую миссию, чтобы я немедленно вступился за ген. Юденича. В ответ на это я сообщил ему, что генерал уже свободен. И об этой моей переписке с Лианозовым появилось сообщение в «Своб. России». Привожу эти подробности исключительно потому, что позже на меня напали в русской прессе и слева и справа. Балаховцы упрекали меня в газете «Жизнь» в бездеятельности, что я будто попустительствовал ген. Юденичу и даже заступился за него, а генеральский поклонник, бывший социалист Алексинский в длинном интервью в гельсингфорской газете «Новая Русская жизнь» обвинял меня в том, что арест Юденича произошел по предварительному соглашению между мной, Ивановым и Геллатом. Нелепее и вздорнее этого обвинения придумать было нельзя. Если бы это происходило так, то балаховцы не метали бы против меня громов, а затем всякий, кто хоть немного был знаком с нашим отношением к г. Иванову, воздержался бы писать подобный вздор. Как ни желал я помочь покинутой армии, я тем не менее очень возмутился арестом ген. Юденича, потому что вмешательство балаховцев всего менее гарантировало в моих глазах судьбу имевшихся у ген. Юденича денег.

М. С. МАРГУЛИЕС.

ИЗ ДНЕВНИКА.

19 сентября. Пятница.

Был полковник Поляков; какой-то англичанин спьяна проболтался, что Пири отозван; но объяснение такое: убран за то, что содействуя образованию Северо-Западного Правительства, не сумел наладить добрых к нему отношений эстонского правительства. Спасибо и на этом.

Был Поляков у Лайдонера и говорил о Балаховиче. Балаховичу он предложил командование батальоном на Изборском фронте (человек 500—600). Балахович отказался. Предполагалось дать ему снаряжение, но пришлось отказать, так как пароход со снаряжением, полученный эстонцами от французской ликвидационной комиссии, третьего дня затонул со всем грузом (погибло несколько десятков тысяч сапог).

На вопрос полковника о посягательстве на генералов и на нас, Лайдонер сказал: «как я не позволил арестовать Балаховича, так я не позволю арестовать кого бы то ни было».

Приходил шведский инженер и предлагал такую комбинацию: мы даем им монополию на вывоз льна, а они наймут в Швеции корпус волонтеров в 4.000 человек. Этим последним нужно депонировать три миллиона крон гарантий в Швеции и платить солдатам по 150 крон и 10 рублей в месяц на всем готовом. Я предложил найти в Швеции льняную ткацкую фирму, которая гарантировала бы три миллиона волонтерам за монополию вывоза льна, — остальные мы взяли бы на себя. Не понравилось.

Заходил Лианозов. Беседовал долго с генералом Юденичем. Генерал переехал окончательно в Ревель, предоставив фронт Родзянко, который сохранил всех трех подлежавших увольнению полковников. Таким образом, фронт Гдовский у Арсеньева, Нарвский и командование армией у Родзянко; у Юденича — ничего, кроме заседаний с нами. А после взятия Эрзерума, как захлебывалась пресса от восторгов пред «героем». Куда все это геройство девалось?

Генерал против приглашения Савинкова — убийца, дескать; вот и Колчак убрал его от себя подальше в Париж;

но Алексинского, которого предлагают наши с.-д., согласен; он-де — ручной.

В 6 часов приезжает ко мне генерал Родзянко.

Заявил, что наши левые собираются вести, как ему стало известным, пропаганду на фронте; керенщины он не допустит, да и ни к чему пропаганда — дух солдат и офицеров прекрасен; солдаты дерутся, как львы; их отношения с офицерами прекрасные, нигде нет и не было между солдатами и офицерами таких простых и дружеских отношений; это признают и все побывавшие на фронте иностранцы. Ему сообщили, что на собраниях социалистического блока бывают офицеры. Он ничего не имеет против социалистов, но считает теперь неуместным для военных заниматься политикой, в которой и сам ничего не смыслит; пропагандистов он во всяком случае не фронт не пустит (Лианозову он сказал, что повесит их).

Успокоил его, заявив, что правительство действительно организует отдел пропаганды, но не в рядах белой, а красной армии, куда и пойдут все листовки.

Далее Родзянко указывает на необходимость купить скорее лошадей для армии; начальником ремонтной части он назначил полковника Зейдлица (одного из тех, чье прошение об отставке было в руках генерала Юденича) — человека величайшей честности и большой опытности. Предложил пообещать солдатам за взятие Петрограда землю. Указывая, что неудобно, так как Учредительное Собрание может и не согласиться дать землю нашим солдатам, ибо Колчак и Деникин потребуют того же — земли в Европейской России не хватит; не спорил, предложил обещать офицерам денежное вознаграждение. Требует обещания крестьянам возмещения всех их убытков, причиненных солдатами; разумеется, соглашаюсь.

Генерал Родзянко будет завтра на заседании совета министров, чтобы и там говорить о нежелательности агитации на фронте и лживости слухов о скверном обращении с солдатами, о чем наши левые уже не раз возбуждали вопрос.

Спрашиваю, стоит ли теперь начать делать заготовки дров для Петрограда; отвечает: «делайте». Значит, наступаем.

Заходил начальник военных сообщений полковник Третьяков. У него уже готовы деревянные части моста через реку Лугу у Ямбурга, — как только Ямбург возьмем, мост будет наведен. Так ли?

Вечером пришел Кедрин. Созывает собрание юристов для отмежевания гражданской юстиции от военной.

В соседнем номере (отделен от моего только дверью) генерал Юденич упражняется в чтении по-французски перед своей женой. Мирное житие...

Эстонские делегаты вернулись из Пскова, где передали большевикам требование вести дальнейшие переговоры со всеми четырьмя республиками одновременно.

С фронта доносят государственному контролеру, что прибывшее снаряжение не идет на фронт, ибо начнут рассылать его лишь тогда, когда будут полные комплекты, в которые входят и шинели; а шинелей всего-де прислано 600; будут ждать, пока придут остальные. Я потребовал от генерала Янова, чтобы приказал раздавать френчи, штаны и сапоги, не дожидаясь шинелей.

20 сентября. Суббота.

В 1 час завтрак с Пири у Лианозова. Лианозов сообщает, что эстонское правительство внесло вчера в Учредительное Собрание предложение о предоставлении правительству заключить договор с Северо-Западным Правительством России о переезде его из Ревеля и выводе русской армии из Нарвы. И Поска, и Штрандман заявили Лианозову свое согласие на его предложение избрать комиссию из трех эстонских и трех русских министров для выяснения всех вопросов, вытекающих из взаимоотношений двух правительств, при сем, однако, оба предупредили Лианозова, что не согласятся на то, чтобы Северо-Западное правительство оставалось, как таковое, в Ревеле, — но согласны оставить министров, как частных лиц. Далее Лианозову сообщено, что в понедельник, 29 сентября, в Юрьеве будет съезд четырех Прибалтийских республик по вопросу о переговорах с большевиками, причем на съезд приглашаются и русские. Лианозов сказал им, что на съезд буду делигирован я.

Пири — по моему настоянию — обещал написать Поске письмо с требованием от имени английского правительства оставить нас в Ревеле. Прощаюсь с милым Пири. Чтобы укрепить его позицию в Лондоне — я передал ему текст договора, заключенного с группой русских в Берлине немецким правительством о компенсациях за помощь немцев белой армии, полученных нашей морской контр-разведкой. У Пири мало надежды вернуться обратно — если не вернется, то уйдет из Foreign offic'а и будет поддерживать нас в «Таймсе».

В 5 часов заседание совета. В течение 2½ часов экзаменовали Родзянко, — выдержал экзамен хорошо, прямодушные ответы его подкупали. Он, видимо, старался во всю, желая, подкупив нас признанием и поддержкой армии, добиться нашего согласия на избавление его от Юденича.

Если бы он только знал, как бы мы охотно сделали это, будь у нас деньги для содержания армии.

Из трех подполковников, отставки которых мы требовали, Родзянко согласился отпустить лишь Перемыкина; о Зейдлице сказал: «он меня шифрованной телеграммой уведомил, как о сплетне, что генерал Юденич собирается арестовать меня, но ведь посланный мною офицер может и должен извещать меня о всем». А о Шиманском: «это блестящий офицер, взял первый батарею и пулеметы у большевиков в мае». Особенно настаивал он, чтобы агитаторов не посылали в армию, — его успокоили Горн и Богданов.

После заседания за ужином ген. Родзянко спросил меня, довольны ли мы им, и когда я сказал, что вполне, — он шопотом заявил: «пусть Юденич останется в Ревеле, ведь авторитет его так велик в эстонской среде».

Допрашивали Юденича о Бермонте, — отвечал добросовестно, но растерянно. Почвы у него нет под ногами, всех растерял.

Решили объявить в газете, что Иванов больше не министр (до сих пор, щадя его, не делали этого). Полковник фон-Валь, начальник штаба Родзянко, прислал письмо в редакцию «Свободы России», в которой доказывает, что Н. Н. Иванов большевистский агент.

21 сентября. Воскресенье.

Был утром с Лианозовым проститься с Пири-Гордоном,— такого друга среди союзников не найти. На прощание показал письмо, написанное им Поске от имени Британского правительства: англичане в нем выражают уверенность, что эстонцами ничего не будет предпринято для заключения с большевиками мира и что вообще их действия будут строго согласованы с действиями и интересами союзников. Другим письмом он просил эстонское правительство не настаивать на отъезде Северо-Западного правительства из Ревеля, и во всяком случае, согласиться на пребывание там части его, находящейся в сношениях с союзниками. Повидимому, этими двумя письмами объясняется, как то, что Поска и Штрандман пригласили нас на совещание Балтийских республик в Юрьеве в следующий понедельник, так и то, что Поска просил сегодня прислать список служащих, которых мы хотели бы оставить в Ревеле.

Утром сделал мне любопытный доклад служащий в моей канцелярии лейтенант Кромель, служивший ранее у капитана Z... в его контр-разведке. Z..., капитан первого ранга, и б. преподаватель Морской Академии, служит в контр-разведке, организованной для Колчака. Контр-разведка эта со-

ставляет характеристики министров, посылает их в Копенгаген военному агенту для пересылки Колчаку и кому-то еще в Париж. Все характеристики даются в юмористическом тоне. Вся его работа направлена на доказательство Колчаку нашей непригодности. Z... близок к адм. Пилкину; в сведениях, посылаемых Колчаку, достается и Юденичу.

Сообщил об этом Лианозову; решил проверить факты и поставить Пилкину ультиматум: либо он устраняет Z... и ликвидирует его организацию, либо мы порываем всякие сношения с ним.

Завтракали у Лианозова все Министры. Я опять поднял вопрос о приглашении Савинкова; больше всех протестует Юденич. Пилкин ухватился за Савинкова, как представителя Колчака, и, видимо, переубедит Юденича. Горн — против из-за боязни, что эстонцы истолкуют это, как шаг против признания эстонской независимости; Богданов — тоже. Остальные — за. Решено, что Лианозов переговорит со Штрандманом и Посткой, чтобы выяснить, справедливы ли опасения Горна, а левые настаивают на посылке Савинкову телеграммы с приглашением приехать для переговоров; если он принимает нашу программу целиком и стоит за независимость Эстонии, Финляндии и права самоопределения других — то включить его в состав правительства.

Вечером приехал ко мне Родзянко; сообщили, что к К. А. Крузенштиерну пришла жена Балаховича и передала ему о заговоре против генералов и правительства, в котором-де ее муж не принимает никакого участия. Настаивала, чтобы с ее мужем скорее примирились. Крузенштиерн хотел ее свести к Пири, чтобы она подтвердила свое заявление, но она отказалась ехать. Родзянко предлагает воспользоваться этим показанием, арестовать Н. Иванова и полковника Озоля, которые, по словам, г-жи Балахович, устраивают этот заговор. По ее же словам, у Балаховича 2.000 солдат, полное вооружение и деньги от эстонцев. Я объяснил Родзянко, что арестовывать на чужой территории мы не имеем права, что об аресте надо просить эстонцев, что они содействия не окажут (на арест полковника Энгельгердта согласились потому, что он немецкий барон); что Н. Н. Иванова не позволит арестовать покровительствующий ему Лайдонер. Тогда Родзянко говорит: «что ж, я пойду и дам Иванову в морду».

Когда я сообщил Родзянко, что часть министров переедет в Нарву, он заволновался и просил этого не делать, так как нам-де житья не будет от офицеров и солдат, которые из-за каждого пустяка будут бегать жаловаться на него министрам.

Получил от Гулькевича телеграмму, что большая немецкая поставка расстроилась — не сомневался, что это был очередной блеф немцев с целью помешать своевременно сделать заказ в другом месте.

Организовываю бюро для осведомления западных и наших правительств и иностранной прессы и для парализования работы контр-разведчиков вроде Z... Подлое время.

22 сентября. Понедельник.

Как полагается по традиции — скверный день. Поска вышел в отставку; одновременно с ним другой умеренный член Правительства Янсон. На их место сядут левые, и правительство, таким образом, будет состоять из одних социалистов. Будет ли это знаменовать новый сдвиг в пользу большевиков?

Сегодня получен ответ от финского правительства на наше сообщение от 28 августа о желании вступить в дружеские сношения (уже месяц прошел, но ответ финнов помечен 1-ым сентября). Ответ на имя министра — председателя Северо-Западного правительства, но ни слова приветствия; лишь уверения в дружеских чувствах к русскому народу.

Пришла американская обувь — около 100.000 пар. Спасены.

Заходил приехавший из Стокгольма инженер Л. О. Левинсон-Левин и сообщил, что нас там хает, кто только в бога верует. Известный петроградский банкир Д. Л. Рубинштейн пустил слух, что приглашен мною в состав правительства; нашлись ослы, которые поверили и уверили в этом Н. Н. Шебеко. Ну и соотечественники!

Завтра приезжает сюда Карташев с Новицким; а как Карташев жаждал месяц тому назад отдыха, как мечтал о поездке в Париж!

Был у английского генерального консула Безенкета нащупать, нет ли у него каких-либо новых инструкций относительно нас, — ничего не знает; английское правительство-де нас не признало. Спрашиваю: отказалось признать или отказалось в ответ на просьбу здешних представителей английского правительства аккредитовать их при нас. Отвечает: не могу вам сообщить содержание телеграммы, но я лично признаю вас (!) и буду попрежнему оказывать посильное содействие. Никаких директив до сих пор не получил; не думает, что уход Поски знаменовал активную политику эстонцев в сторону мира с большевиками; просит меня составить с Лианозовым, какие вопросы нас интересуют, — запросит свое правительство.

Что день грядущий нам готовит?

Родзянко был вчера у Лайдонера и просил его впустить в Ревель штаб Юденича, чтобы избавить от Юденича его, Родзянко, в Нарве.

24 сентября. Среда.

В 12 часов едем с Лианозовым к Рею — председателю Эстонского Учредительного Собрания (с.-д.-меньшевик, молодой человек, помощник присяжного поверенного). Просили его снять с повестки назначенный на завтра вопрос о переселении нас в Нарву. Немедленно соглашается, идет в канцелярию, приказывает вычеркнуть этот вопрос из повестки, обещает не ставить раньше следующего четверга.

Я прошу его на случай, если мы не сговоримся в смешанной комиссии, созвать сениорен-конвент Учредительного Собрания и дать нам возможность там защищаться. Охотно соглашается, крайне любезен, провожает до лестницы. Идем затем к Штрандману, — холоден, неуловим, как всегда. Заявляет, что в смешанную комиссию войдут с эстонской стороны генерал Теннисон, командующий корпусом в Нарве, Пийп и Геллат и что Геллат едет в Нарву сегодня, чтобы выяснить, может ли русское правительство разместиться там. Говорим: значит, вопрос о нашем выселении из Ревеля предрешен, нам не к чему входить в смешанную комиссию. «Нет, нужно — поездка Геллата имеет целью предварительное выяснение вопроса».

А в 2 часа звонок Теннисона (временный министр иностранных дел) Лианозову, что вся комиссия едет в Нарву, чтобы на месте решить вопрос, как нам там устроиться — значит, вопрос о Нарве все же предрешен.

Иду к Пийпу (вероятно, он будет министром иностранных дел). С трудом сдерживаюсь: говорю, что есть предел пренебрежения чувством человеческого достоинства, что хотя с тех пор, как я в Эстии, я привык заглушать в себе это чувство, все же больше не могу и для себя решил, что уйду из правительства; но пусть эстонцы помнят, что друзей у них немного, и если они не будут беречь и тех, кто взял на себя тяжелое бремя защиты их независимости перед Россией, — у них совсем друзей не будет. Пийп уверяет, что отношение к нам самое дружеское (!), что в Нарву желательно перенести лишь юридическое место пребывания правительства и учреждений, но что министры, как частные лица, могут оставаться в Ревеле, сколько угодно, что такое положение лишь улучшит взаимные отношения, так как уменьшит нажим на эстонское правительство, слева, что эстонцы готовы оказать нам всяческое содействие и т. д.

В результате — официальные пропуски в Нарву, Юрьев и обратно, купе в вагоне, в котором и они едут... и только.

Юденич уехал в Ригу с полковником Шербергом по делу Бермонта, которому поставит вопрос ребром: если он с нами, то ехать немедленно в Нарву; если не поедет — значит, не с нами. Не поедет, конечно.

25 сентября. Четверг.

В 3½ часа поехали на совещание комиссии: Геллат, Пийп, генерал Теннисон с эстонской стороны, — Кедрин, Горн и я — с русской. Председательствовавший Геллат прочел список русских учреждений, находящихся в Нарве; оказывается, что на три тысячи солдат, 122 офицера и 12 чиновников занято помещение в 79 местах; в общем 536 комнат, считая и казармы. Действительно, наши пораскинулись по-российски: кто раньше занял помещение, хотя бы в два раза больше, чем нужно, других не пускал; наши на размах в одну шестую земного шара, эстонцы — на маленькую Эстонию. У них командующий армией — в двух комнатах; у нас облепленный паразитами штаб — в 16 комнат; у них контрразведка — в двух комнатах, у нас — в шести и т. д.

Я заявил, что без командующего армией мы не можем решить вопроса о сжатии и особенно переносе всех наших военных учреждений в Ивангород (часть Нарвы на правом берегу реки Наровы). Страшно было в случае наступления большевиков из Ямбурга, защищаемого (в четырех верстах от Ямбурга на запад начинаются позиции) одними эстонцами; податься ведь можно только на левобережную Нарву, а мост через Нарву — в руках эстонцев, как и весь город Нарва. Сделали перерыв, пригласили Родзянко; спросили его, не встречает ли он препятствий к переносу всех военных учреждений на правый берег Нарвы: «а мне все равно — левый или правый берег», был «молодцеватый» ответ; этим вопрос был и решен; а в Иваногороде не то, что в 79 местах не найти помещений для военных учреждений, но и в 9 вряд ли найдется. Эстонцы сказали, что они немедленно очистят помещения (250 комнат) в Ивангороде, выслав оттуда живущих (оказывается, что в Ивангороде живут, главным образом, русские).

Переходим к вопросу о переселении правительства в Нарву. Спрашиваю, какими мотивами оно вызывается. Геллат отвечает: «скажу вам двумя словами: воля народа». Кедрин, волнуясь, говорит, что сильные правительства сами создают волю народа, — у слабых народ создает волю. Боится, как бы эстонцы своим отношением к нам не сделали ложного шага. Вмешался Пийп, стал опять уверять, что отношение самое доброжелательное, что авторитет наш на западе и в стране только выиграет от этого, что правительство приблизится к армии и фронту. В ответ я указал на

унизительный характер требований, внесенных правительством в Учредительное Собрание, и в виду компромисса предложил коллективное представительство в Ревеле из трех министров, в то время, как все правительственные учреждения будут в Нарве и правительственные акты — подписываться Нарвой. Пийп тотчас же соглашается; Геллат говорит, что не возражает, но и не соглашается, ибо вопрос должен быть разрешен всем правительством; добавляет, что все министры могут индивидуально жить в Ревеле с минимум личного персонала: газета, деньги, торговое агентство также могут остаться в Ревеле. Утешаю себя тем, что нет худа без добра — избавимся от десятков лишних служащих, паразитически осложняющих учреждения; больше половины таких, если не все три четверти. Горн пытается с демократической и партийной точки зрения возражать Геллату (тоже Плехановец). но Геллат обрывает его, заметив, что тут не партийное собрание, а комиссия. Бедняга Кедрин так взволновался, что у него начинается сильный припадок грудной жабы. Укладываю его в постель.

6 октября. Понедельник.

Приехал в 6 часов в Ревель; начался проклятый день, полный сплетен и интриг; да к тому же хозяйка отказалась сдавать комнату под канцелярию; придется искать для приемов другое место; предлог, — требуются постоянно комнаты для иностранцев.

Лейтенант Кромель (рекомендованный мне генералом Владимировым) сообщил, что у капитана Z. есть пять моих политических писем, которые, якобы, ходят по рукам. Начали фабриковать апокрифы!

Карташев и Новицкий опять здесь: для чего-то едут к Юденичу в Нарву. Приехал С. В. Иванов и профессор Г. Ф. Цейдлер просят утверждения их проекта городского комитета и денег, денег и денег.

Днем в 5 часов заседание совета министров. С. В. Иванов и профессор Цейдлер докладывают свой проект, по которому им присваивается функция организаторов петроградского городского самоуправления. Решили деньги на подготовительную работу дать, а их пока не назначать организаторами будущего самоуправления. В Питере успеем.

Вечером обедали у Лианозова: Е. И. Кедрин, С. В. Иванов, профессор Г. Ф. Цейдлер и я. Я навел разговор на борьбу финляндской группы с нами. Сенатор Иванов и профессор Цейдлер не отрицают, что их план передачи им организации городского самоуправления, есть план передачи им фактической организации нового правительства. Тогда я предложил предварительно сговориться для совместных

действий. Цейдлер согласился немедленно. Иванов — после спора.

Надо будет поехать в Гельсингфорс и поговорить.

По словам С. В. Иванова, они создали союз в Финляндии, постановивший бороться с большевиками и всячески поддерживать и защищать независимость Финляндии: Иванов — председатель.

По сообщению Лианозова, И. И. Тхоржевский переписывается с Кривошеиным, который теперь в Екатеринодаре и информирует его о нас (могу себе представить). Лианозов отправил большие донесения Колчаку, Деникину, послал телеграмму Сенютовичу — Троцкому. Суета сует...

7 октября. Вторник.

Сведения с фронта. Началось наше продвижение; идет успешно на юго-восток; взята на линии Псков — Луга станция Струги Белые. Очевидно, однако, что это только диверсия. Настроение бодрое. Юденич назначил Родзянко помощником главнокомандующего, удалил Кондырева с должности начальника штаба главнокомандующего, назначив им начальника штаба армии генерала Вандмана. Кондырев назначен Юденичем товарищем военного министра, при чем Юденич просил допускать его на все заседания вместо себя. Обсудили этот вопрос в совете министров в общей форме — решили, что товарищи министров имеют лишь совещательный голос и участвуют в заседаниях только по вопросам своего ведомства.

8 октября. Среда.

Приходил ко мне знакомиться генерал Краснов — донской атаман, седой, с умным лицом. Два месяца назад приехал с юга. Был в Париже, Гельсингфорсе; едет сегодня в Нарву; если Юденич не примет, пойдет к нам на любую службу; был у Лианозова, рассказал, что Колчаковская пятерка идет в Париже вразброд; Маклаков согласен уже и на самостийность, Сазонов — централист, Львов слаб, Щербачев — ни до чего не касается, а Савинков старается угодить всем... Донская и Кубанская республики похоронены — казаки, что на фронте, не поддерживают самостийников и у Дона и Кубани остались только Рада да атаман (не полная автономия); Деникин будет в Москве в декабре, по его мнению.

Спрашиваю Краснова, что из себя представляет генерал Врангель.

«Это — генерал типа moderne».

«Он даже в места злачные не идет один, — его всегда сопровождают два иностранных корреспондента».

Приехали представители русской колонии в Финляндии — В. С. Мандель и Г. Башкиров — просить заступничества и денег. Обещали с Лианозовым и то и другое. Полковник Поляков с фронта приехал, — Родзянко его не переваривает и назначил инспектором авиации (а аэропланов у нас нет). Дело Русско-Эстонского Банка, который он устраивает, по поручению Лианозова, очень подвинулось; многие эстонские министры согласились войти в него учредителями.

Написал письмо адмиралу Пилкину, в котором прошу сообщить мне, правда ли, что капитан Z..., как мне сообщил лейтенант Кромель, учредил за нами шпионаж, посылает о нас доносы Колчаку и Деникину и имеет каких-то пять моих писем, — прошу ознакомить меня с их содержанием.

Заходил ко мне Ф. Ф. Лич. Он издает The Russian Outlook; предлагает поставку железнодорожного снабжения дешевле и быстрее всех конкурентов из Америки. С Лианозовым ведет переговоры о Русско-Английском банке для предоставления нам двух миллионов фунтов стерлингов валюты.

Был сегодня капитан Смитис из британской миссии. Говорит, что в Англии ждут через несколько месяцев министерства Гендерсона и что английский флот уйдет с первыми заморозками из Финского залива.

9 октября. Четверг.

Выехал в Гельсингфорс; перед отъездом ужасная новость, — Бермонт обстреливает Ригу. Что-то будет с несчастной нашей армией.

Вечером в Гельсингфорсе; сразу же окунулся в грязную ванну. Все клевещут, ненавидят, поносят, — чувствую, что долго не выдержу. Нескрываемое торжество Тхоржевского, Бера и присных по поводу выступления Бермонта, злорадные сплетни; Юденич вышел из состава правительства; Кедрин психически больной; я окончательно политически скомпрометирован одесскими событиями и еще чем-то и еще чем-то...

Поздно вечером Поллок и Яворская просят к ним, желают предупредить о чем-то важном, крайне спешном. Иду. Л. Б. Яворская сообщает, что черная клика, — Тхоржевский, Бер, Новицкий и прочие, — несколько дней уже сияют, предвкушая какую-то победу. И это все.

10 октября. Пятница.

Еду к Хольсти — хороший прием. Разговоры о желательности добрых отношений.

Сводка в 6 часов: Юденич объявил Бермонта предателем и вне закона. Публика здесь недовольна — слишком-де резко. Латышское правительство бежало из Риги (бедный

Ульманис, бежит в третий раз), но немецко-русские войска пока лишь в предместьях Риги. Французский и английский флот идут в Ригу. Фош ведет войска на Германию. Авось ликвидируют эту ужасную для северо-западной армии авантюру.

Приходит генерал Васильковский; был главнокомандующим в Петрограде при Керенском, потом полтора года жил в большевистской России. Был в Ревеле у Юденича; вернулся разочарованный — не использовали его. Длинный, нескладный, глаза с темным кругом, хорошая улыбка, а говорит так: «я — великий патриот», «моя огромная любовь к родине».

11 октября. Суббота.

Вытянутые физиономии. Как смел генерал Юденич назвать Бермонта изменником и объявить вне закона? Зачем такие большевистские эпитеты, — ведь фон-дер-Гольц не враг России.

Томительный день.

Был у Лео Эрнрота (бывший министр иностранных дел в Финляндии). Когда-то в Генте в 1913 году на первом международном конгрессе городов, куда я был делегирован Петроградской Городской Думой, я согласился, чтобы финские города были представлены самостоятельно от русских в Бюро Конгрессе. С тех пор Л. Эрнрот, когда бывал в Питере, приходил ко мне с визитом. Я просил его наладить доставку в Питер дров, бумаги, молока. Охотно обещал помочь.

В 6 часов радость: Ямбург взят нашими. Спасены: Питер виден на далеком горизонте. Без немцев берем. И часть правительства спасена. Недаром унижались и боролись.

В 7 часов пришел ко мне В. А. Бер; проговорился, что от Деникина есть инструкции, как наладить в первое время управление Питера; очевидно, враги не дремали.

12 октября. Воскресенье.

Наконец, сегодня И. И. Тхоржевский, с которым А. И. Каминка, И. В. Гессен и я поехали к недомогавшему М. И. Шефтелю в Кранкулу, открыл план наших врагов:

1. Юденич упраздняет северо-западное правительство до того, как вступает в Петроград.

2. В Петрограде он лишь главнокомандующий, при котором — с одобрения Деникина — совет без социалистов, конечно («пустить этих социалистов в Петроград — ни за что», говорит Тхоржевский).

3. Признание независимости Эстонии советом не принимается (!).

4. Деникин признается диктатором.

Этот план задуман при содействии Карташева и присных в Гельсингфорсе; на него-де получена санкция от Деникина, и проводником его при Юдениче является генерал Глазенап, с которым в Гельсингфорсе сговорился Тхоржевский, Карташев и Бер.

Возражал Тхоржевскому М. И. Шефтель; он не верит в диктатуру Деникина, ибо она искусственно создана; Деникин — не диктатор божией милостью; нужна директория; нельзя порывать с северо-западным правительством до Петрограда — иначе не сохранить добрых отношений с Эстией; удаление социалистов из будущего Петроградского правительства — крупная ошибка.

Я указал, что, придя в Петроград, нужно иметь доверие Финляндии и Эстии, ибо снабжение Петрограда будет возможно только через них (зимою); что уход или удаление правительства теперь же запутает отношения с Эстией; что признание диктатуры Деникина осложняет положение, показав, что попытка создания демократического правительства, даже и при участии в нем генералов, встречает недоверие со стороны Деникина, что для интересов русской демократии крайне важно поддержать первую демократическую правительственную программу, что можно войти в соглашение с Деникиным, что областничество — лучший и единственный способ создать крепкую Россию и т. д.

Тхоржевский возразил, что Северо-Западное правительство ничего не сделало и не могло сделать в Эстии для облегчения положения северо-западной армии, а посему, без ущерба для нее, может быть упразднено, что нужно итти за «Национальным Центром» (Карташева), как за единственным руководителем; что Юденич уже начал эмансипироваться от северо-западного правительства тем, что назначил вместо себя заместителя в совете министров генерала Кондырева.

И. В. Гессен заметил, что, раз Деникин будет в Москве, то отдельного правительства в Петрограде не может быть, но что все же рано теперь порывать с северо-западным правительством.

Решили продолжить беседу во вторник.

Во вторник Бер едет в Ревель и Нарву обрабатывать Лианозова и Юденича. Карташев обедал у Лианозова. Очевидно, хотят заручиться согласием Лианозова (как единственного лица, связанного с Юденичем) на роспуск правительства до Петрограда.

Налаживается дело с Эрнротом; думаю, что удастся обеспечить Петроград топливом. О муке для Петрограда телегра-

фировал американцу Z..., хочет новой взятки — будет снова усердствовать.

13 октября. Понедельник.

В 10 часов говорил по телефону с Лианозовым; хорошие вести — наши прошли Волосово, пол-пути между Ямбургом и Гатчиной. Взяли в плен 1.000 человек — мало; то ли мало было, то ли разбежались по сторонам железной дороги. Таким темпом через две недели можно быть в Петрограде.

Сообщил Лианозову о планах Карташева; он уже слышал о какой-то телеграмме из Омска, будто бы приглашающей Юденича избавиться от нас, и написал об этом Юденичу. Генерал ответил, что никакой телеграммы не было, и что он ни о чем таком не думал. Я предложил Лианозову в четверг ехать в Нарву выяснить наше положение. Он обещал.

Хлопочу о Петрограде, через Эрнрота налаживаю дрова, молоко, бумагу; предлагают сахар, готовы брать частью новые наши деньги по курсу 3 рубля за финскую марку.

Д. Л. Рубинштейн с Ф. Ф. Личем обратились к А. И. Каминке и И. В. Гессену с предложением вести с ними переговоры об английском займе, помимо Северо-Западного правительства, — оба отказались.

14 октября. Вторник.

Весь день без конца предложения поставок и при том за наши деньги. Войско идет вперед.

Обед у Эрнрота. Присутствуют финский премьер Венсла, министр торговли, директор Государственного Банка и четыре бывших министра торговли и финансов. Эрнрот сказал мне приветственную речь, благодарил за мое отношение к финнам в Генте в 1913 году.

Я просил дать Петрограду в кредит дрова, принадлежащие финской казне. Когда Эрнрот и директор банка спросили о гарантиях, ответил им речью на тему, что во время революции, быстрых смен правительств бумажные и правительственные гарантии равны нулю; американцы дали нам муку и сало на десятки миллионов без всяких гарантий, англичане дали снаряжение на сотни миллионов без гарантии; пусть же и Финляндия проявит великодушие и щедрость, и наша благодарность будет лучшей гарантией. Повидимому, произвел впечатление, обещали сделать все возможное и назначили собраться завтра в 11 часов в кабинете у Венсла.

Послал Лианозову мотивированную записку для Юденича, где докладываю необходимость сохранения нашего правительства до конца военных операций,

15 октября. Среда.

Утром в 11 часов в кабинете у Венсла. Присутствуют: Хольсти, Эрнрот, министр путей сообщения, министр торговли и промышленности. В принципе согласны дать нам дрова в кредит.

У финнов телеграмма из Петрограда, что там шестого постановлено эвакуировать город и в первую голову коммунистов.

Финские банки согласны дать нам заем в 20 миллионов финских марок под серьезные гарантии — начал переговоры.

Было заседание с представителями русских организаций — пришло человек 20. Смотрят на меня с ненавистью и первым поставили вопрос, войдет ли наше правительство в Петроград или будет раньше упразднено. Больше ничем не интересовались и ни о чем не спрашивали.

Вечером сенсация: нашими взято Красное Село и Красная Горка. Проверить нельзя. Телеграф не действует.

16 октября. Четверг.

Возвращаюсь в Ревель. Лианозов уехал с генералом Владимировым в Нарву. Пытаюсь по прямому проводу поговорить — тщетно.

Слухи о Красном Селе ложны, как и о Гатчине. Наши обходят Гатчину западнее, подходят к Сергиеву. Утром телеграмма от Юденича: красные отступают. Петроград будет взят через несколько дней, готовьте продовольствие и медицинское снабжение.

Узнаю, что Карташев и Новицкий приедут в субботу, чтобы ехать отсюда в Петроград; их агент Лившиц сияет — диктаторцы побеждают.

Эстонцы впутываются, идут на Красную Горку, на Псков, Геллат сказал Горну, что эстонцы возьмут Псков и даже собираются устроить в нем свое гражданское управление.

17 октября. Пятница.

Лианозов вернулся от Юденича; сообщает, что Юденич, по его словам, никаких указаний до сих пор не получил ни от Деникина, ни от Колчака, и, если получит, ничего не предпримет тайно, не поставивши в известность Лианозова; постарается решить все острые вопросы совместно с правительством. Обсуждаем с Лианозовым, как быть. Я предлагаю поехать с ним завтра в Нарву к Юденичу и сказать ему, что правительство не цепляется за власть, желает лишь избегнуть репутации лиц, выдающих фальшивые векселя, нет надобности свергать правительство — оно само уйдет, если увидит, что исполнение принятых им на себя обязательств

невозможно; что правительство, придя в Петроград, готово подтвердить, что оно стоит за единую Россию (федеративную), и что оно лишь временное правительство. Если этого мало, — то согласится на пополнение своего состава петроградцами, а, если и этого мало, то, чтобы гусей не дразнить, готово переименоваться в областное управление; дольше итти на уступки не стоит, лучше уйти теперь же.

Лианозов предложил создать местное северо-западное управление из трех губерний без Петрограда. Создать его из местных членов правительства. В Петрограде же будут генерал Юденич и совет при нем. Оба мы понимаем, что ехать нам в Петроград, это значит — украсить собой какой-нибудь фонарь, ибо на генерала Юденича насядут черносотенцы, «Национальный Центр», немецкие агенты и все будут убеждать изъять нас из обращения. В лучшем случае повторится Омская история с Авксентьевым, Зензиновым и др. Единственный способ не рисковать своей жизнью в Петрограде, это — раствориться в совещании при Юдениче, чего мы, конечно, не сделаем. Решили созвать совещание министров в 5 часов, поставить этот вопрос на обсуждение.

В 5 часов собрались у Лианозова: Эйшинский, Горн, Эрн, Пешков, Богданов, Филиппес и я (Кедрин болен).

Мы с Лианозовым сделали сообщение и внесли соответственные предложения. Все долго нам возражали, указывая на необходимость защищать нашу правительственную программу, не останавливаясь ни перед чем, на необходимость указать генералу Юденичу, какой он опасности подвергает дело борьбы с анархией, жертвуя демократией и т. д. Принято предложение Эйшинского поехать всем в Нарву.

Взята Гатчина и Красное Село; генерал думает не двигаться дальше дня три (в Гатчине и Красном Селе идут уличные бои, красные оказывают сопротивление сильное, но не стойкое). Паникеры болтают: приехал-де генерал Десино из Нарвы и сообщил, что генерал Юденич не уверен в победе. Зачем только эта проклятая остановка движения на три дня, — чую беду.

18 октября. Суббота.

Взяты Лигово и Пулково, осталось 15 верст до Петрограда. Говорят о взрывах, пожарах, уличных боях в Петрограде. Завтра, быть может, войдут!

На письмо Лианозова Юденичу о приезде завтра в Нарву совета министров ответ телеграммой: ждет нас, будет в совете, «если только обстоятельства не потребуют его присутствия на фронте».

Захожу к Кедрину в 12 часов. Бедняга лежит в постели, плохо старику, попрежнему в экстазе от всего, что я пред-

принимаю. Рассказывает, что Карташев и Новицкий были у него на этой неделе; Карташев жаловался на «подлую» Северо-западную армию, которая погубила членов «Национального Союза» (расстрелянных в Питере и Москве по списку, отобранному у агента Карташева—Лившица, при аресте его контр-разведкой Юденича и попавшему «как-то» в руки большевиков). Вернулись из Нарвы в кислом настроении. Приедут в Ревель, чтобы окончательно заняться делами «Национального Центра».

В 12 часов с Эйшинским у эстонского министра торговли; там заседание: Штрандман, Кук, Пийп, Риман и др. Говорим о покупке у эстонцев 2½ миллионов пудов картофеля; эстонцы требуют иностранную валюту, мы отказываемся. Остановились на том, что эстонское правительство даст разрешение на вывоз картофеля в Россию лишь тем купцам, которые обяжутся ввезти в Эстонию из России контр-валюту в виде нужных Эстонии товаров. Мы же будем покупать картофель у этих купцов. Спрашивали меня эстонцы, как мы будем регулировать цены в Питере. Ответил: никаких нормировок, лишь продажа правительством продуктов по себестоимости для того, чтобы не дать ценам вздуться свыше меры.

Приходил к нам американец Миллер; сообщил, что учредил русский комитет помощи детям (отдел Всемирного Союза), просил 10.000.000 рублей субсидии: питание они сами будут доставлять детям до 14 лет, при чем для начала он взял из эстонских запасов 900 тонн муки. Дали ему 10 миллионов.

В 4 часа заседание совета министров. Пришла телеграмма от Юденича, что взяты Лигово и Пулково; он должен быть на фронте в Гатчино и не может быть в совете министров. Следующая телеграмма — спешно перевести в Нарву в казначейство 50.000.000 рублей. Отшивает нас генерал. Кстати и его заместитель генерал Кондырев на приглашение прибыть в заседание совета заявил, что занят и не может быть.

Спешим утвердить по ведомствам нужные кредиты; все чувствуем, что не скоро соберемся, быть может никогда. Получил полномочие заключить с финнами договоры на дрова и прочее; с банками — заем; получаю все нужные суммы на закупки.

В 11 часов ночи звонит приехавший в Стокгольм инженер Л. О. Левинсон-Левин, один из немногих работавший не покладая рук на наше дело, делавший все от него зависящее для снабжения нашей армии через Стокгольм и открытия там для этого нужных кредитов; перед отъездом к нему на пароход пришел друг Юденича (офицер для связи, оставленный им в Стокгольме) и сообщил, что получил от генерала письмо, в котором он сообщает, что в Питере будет установлена «твердая власть» и будет сделана соответственная расправа.

Левинсон-Левин, справедливо дешифрируя заявление генерала в смысле учинения погромов, спрашивает, стоит ли послать шифрованную телеграмму французскому представительству в Стокольме де-Лаво, с которым он, Левинсоа, близок: читает мне проект телеграмм к де-Лаво, где необходимость продолжения демократической политики обосновывается необходимостью дружественной поддержки Финляндии и Эстии и избежания излишнего кровопролития. Одобряю, благодарю, хотя не верю результату; политика генерала исторически необходима.

Заходит поздно Z. из разгрузочного отдела и говорит: среди военных слух, что в течение целого месяца гражданских властей в город не пустят, чтобы не мешали «умиротворять» город и свободно устанавливать «вешалки».

Решаю завтра ехать в Гельсингфорс, чтобы попытаться поскорее закончить договор на доставку дров в Петроград, пока еще имею на это право. Оставлю хороший подарок петроградцам от Северо-Западного Правительства.

19 октября. Воскресенье.

Был от датской организации доктор Нансен; я просил его телеграфировать Скавениусу, гнать скорее в Петроград муку, сахар, рис и сало. Заходил полковник Таландс и капитан Симитс. Таландс вчера приехал из Риги; Бермонту не удается перейти на правый берег Двины. Город мало пострадал от артиллерийской стрельбы Бермонта, лишь несколько убитых. Снаряд попал в здание английской миссии. Что делается на восток от Митавы, идут ли войска Бермонта к Двине на большевиков — ничего не известно. Эстонцы хорошо поддержали латышей. Английский флот тоже помог обстрелом левого берега у Риги.

Я рассказал полковнику Таландсу о намерении военных не пускать правительства в город, дабы там расправиться с большевиками и самим налаживать аппарат снабжения города, указал на тяжелые последствия такого плана для несчастного городского населения и общего дела освобождения России. Таландс со мной согласился, едет завтра в Нарву, потом в Гатчино за Юденичем, где поговорит с ним, Глазенаппом и Владимировым. Будет также телеграфировать своему правительству о необходимости удержать военных от неистовства и погромов.

А тут еще мой ближайший сотрудник по медицинской части доктор Аснес сообщает, что начальник военно-санитарной части доктор Молодовский не скрывает, что нас не пустят в город, чтобы мы не мешали военным вешать народ. Нужно принять доступные нам меры.

Был у меня японский военный агент Коматубара. Я сказал ему, что Семенов, которого он поддерживает в Восточной Сибири, авантюрист. Он мне ответил: «но и Колчак авантюрист».

— Как так? Ведь Колчак был адмиралом и командующим черноморским флотом до февральской революции, его знала вся читающая Россия.

— А все же его не признали земства и другие общественные группы Сибири.

Пригласил Г. Л. Кирдецова; прошу его со следующего номера нашей газеты говорить о необходимости выдержать с достоинством экзамен на гуманность и справедливость и отводить побольше места для сведений о работе Северо-Западного Правительства по мирному устроению жизни.

Просил Лианозова созвать на завтра совет министров, провести ряд мероприятий по гражданскому устроению очищенной от большевиков местности и сообщить союзникам на Западе о необходимости после взятия Петрограда проявить мудрое милосердие, дабы снять с нас ответственность перед европейской демократией; обо всем этом поставить в известность Юденича, чтобы он знал, что всю ответственность принимает на себя.

Ничего неизвестно ни о Кронштадте, ни о Красной Горке, — молчит Горка. Над Кронштадтом и портом «Серая Лошадь» (на 5 — 6 верст западнее Норки) — дым. Наши продвигаются вперед от Красного Села крайне медленно, видно сильное сопротивление.

Обедал с X..., французским агентом конференции мира при балтийских государствах, и французским консульским агентом Гельм. Пошлют сегодня телеграмму врачу Клемансо, другу X..., о необходимости оказать давление на военное командование с целью предотвратить погромы и убийства.

По словам Гельма, эстонцы идут к Ораниенбургу и в случае, если наша армия попадет в западню, выручат.

Цаппи, по протекции Глазенаппа, назначен комендантом в Гатчине и заявил уже Левинсону-Левину, что никого не будет пропускать в Петроград. Но пока что уже даны пропуски до Гатчины представителю Красного Креста графу Игнатьеву и его помощнику графу Нироду.

Сведений с фронта никаких уже больше 30 часов.

20 октября. Понедельник.

Утром опять никаких известий, войска очевидно стягиваются. Капитан Симитс говорит: на фронте очень хорошо, хотя продвигаются очень медленно.

В час завтракаем в клубе Эстонского учредительного Собрания по приглашению Пийпа и полковника Реймана (на-

чальник снабжения эстонской армии). Пийп заговаривает о необходимости договориться вполне определенно с нами о гарантии свободы Эстии теперь, когда на эту свободу и на наше правительство начинают посягать со всех сторон. Он знает, как на нас смотрит генералитет и подвинчивающая его компания из Гельсингфорса, и беспокоится за исполнение Юденичем принятых на себя правительством обязательств по отношению к «независимости» Эстии.

А между тем эстонцы охотно пойдут нам на помощь: возьмут Псков, идут к Красной Горке. В Петроград не войдут. Окажут помощь и в тяжелую минуту, если судьба ее пошлет, но лишь в случае твердого и определенного заявления Колчака и Деникина о независимости Эстонии. В Псков не пустят ни Балаховича, ни Н. Н. Иванова; отдадут гражданское управление нам; будут охранять занятую ими теперь озерную позицию; просят прислать в Петроград при его взятии три вагона провизии для эстонских граждан, Пийп торопит и просит на завтра свидания у Лианозова. Я в сотый раз сказал им, что нам будет очень трудно защищать в России независимость Эстии, как переходный у федерации фазис, но что открытая дружеская помощь нам, когда она ярко проявится, лучший адвокат эстонской независимости.

В 5½ часов Лианозов получает письмо от Юденича; генерал зовет его завтра в Нарву посоветоваться о предлагаемом Ф. Ф. Личем англо-русском банке в Петрограде.

В 6 часов совет министров у Кедрина на квартире. Бедняга совсем сходит на-нет. Спешно разрешаем несколько вопросов и решаем послать Горна в Нарву для переговоров с Юденичем. Горн изложит все соображения левого крыла, — последний резерв, который мы можем выдвинуть против происков Карташева.

С фронта хорошая сводка — прошли немного вперед, хотя и не по главному направлению от Красного Села к Лигову (а туда ведь шли уже, не отступление ли маленькое), а на С.-З. в сторону Ораниенбаумской железной дороги.

Н. Иванов был у Лианозова и принес покаянную от своего и от Балаховича имени; просил принять их услуги для общего дела. Поздно.

Еду завтра в Гельсингфорс, почти ничего не узнав за пять дней, что был здесь.

21 октября. Вторник.

Приехал в проклятый Гельсингфорс — опять окунулся в муть. Звоню Эрнроду, — дело о переговоре с финнами передано опять в новую комиссию. Почему — не могут разобрать. Решаю сидеть дома, никого не видеть; но забыл снять телефонную трубку. Звонит И. В. Гессен и сообщает, что Карта-

шев и Новицкий уехали сегодня в Нарву, вызванные туда генералом Владимировым. Выехал и Кузьмин-Караваев.

Приходит А. И. Каминка и два часа меня терзает, уговаривает выйти из правительства, бросив работу; все равно невозможно будет работать под натиском местной русской компании. Генерал Гулевич заявил-де в частной беседе, что он не знает никакого Северо-Западного Правительства и уже назначил лицо по вывозу хлебных грузов из Выборга в Петроград, не дожидаясь моего распоряжения. Уступая его настояниям, послал телеграмму Лианозову, требуя подтверждения Юденичем моих полномочий здесь в Финляндии.

Когда я измученный сказал Каминке, что я должен довести дело до конца и заключить договоры с финнами о топливе для Петрограда, что никто, кроме меня, в виду моих личных отношений с финнами, этого не добьется и что, пока правительство не смещено, я должен работать и я чувствую, что я исполню свой истинный долг, делая это, несмотря на все препятствия — я читал в его дружеских усталых глазах признание, что все же нужна бумага от Юденича, так как только такая бумага дала бы ему возможность заткнуть глотку клеветникам и сплетникам.

А развязка близится. Сейчас звонил И. В. Гессен, что из форта Инно финны начали обстреливать Кронштадт, что финское правительство совещается об активной помощи нашей армии... Дай-то бог.

22 октября. Среда.

Еще проклятый день.

Слухи о неудаче Юденича муссируются здесь кем-то весьма усердно: и большевики получили подкрепление из Москвы через Тосно, и наши отступили под Пулково, и под Царским Маннергейм писал кому-то, что предприятие Юденича безумно.

Опровергаю, разъясняю, бранюсь, мечусь.

Поллок определенно во всем видит немецкую руку: ведь все здесь оплакивают неудачу Бермонта.

Утром в 11 часов вызвал меня директор департамента торговли и промышленности Вейянен на заседание с ним и Эрнротом и сообщил мне проекты финского правительства; оно предлагает для Петрограда: 1) 400.000 куб. метров (40.000 куб. саженей) дров с доставкой, в течение трех месяцев, начиная со дня падения Петрограда, в самый Петроград с суши и моря; 2) 500.000 кило карбита и лампы для освещения им.

Все это с платежом через три месяца со дня прибытия отдельных партий и с возобновлением договора на дальнейшее, если добрые отношения сохранятся и впредь. Цены

совестливые. Все это, однако, при условии, что расчеты за все это не пойдут в счет общих взаимных русско-финских расчетов, что все финские вагоны и паровозы, которые окажутся в трех наших губерниях, будут возвращены немедленно финнам; что товары, принадлежащие финнам и захваченные большевиками, буде окажутся в Петрограде, будут возвращены; что мы разрешим финским промышленникам закупать в России сырье, потребное для их фабрик.

Я в принципе согласился, оговорив относительно последнего пункта, что разрешим на общих с другими основаниях, то есть без ущерба для отечественной промышленности. Прошу назавтра или послезавтра подготовить проект для подписания — согласились. На сердце легче.

Утром англичане привезли мне на миноносце 65 миллионов наших денег. Чтобы их поместить в надежное место, просил Эрнрота испросить разрешения использовать кладовую финского Государственного Банка, на что получил любезное согласие и немедленно водворил там чемоданы с деньгами; финны приняли их на хранение на неделю, раньше запрещали ввоз наших денег в Финляндию.

Утром в 11 часов заходил сенатор Иванов, упрекал меня, что я «разошелся с общественностью», что с одного меня взыщется это. Я указал на то, что он, Иванов, Бутлеров и К. А. Александров отказались от портфелей, чем и создалась антиобщественная атмосфера. Рассказал ему, что продовольствие Питера на первое время обеспечено.

1. 400.000 пудов муки в Выборге; сало, молоко и бобы там же.

2. 200.000 пудов муки я отвоевал для Питера в Ревеле.

3. Американцы взяли на себя кормление детей до 14 лет, для чего заняли у эстонцев 900 тонн муки, а мы дали им десять миллионов на организацию.

4. Мы покупаем у эстонцев полтора миллиона пудов картофеля.

5. Заказано через Башкирова в Америке на средства Центрального Военно-Промышленного Комитета 10.000 тонн муки, 25.000 тонн риса и сахара.

6. Подписывается соглашение с финскими огородниками на поставку нескольких миллионов пудов овощей.

С. В. Иванов сознался, что у них в Гельсингфорсе усердно распространялись слухи, что мною ничего не заготовлено. Не возражал против решения правительства образовать в Петрограде городское управление при содействии комитета из Юденича, Евсеева, его, Иванова, и меня.

Днем от 11 до 3-х принял более 30 человек, делавших предложения о поставке Петербургу всевозможных пищевых продуктов. Покончил условно с консорциумом фин-

ских банков: дают от 25 до 100 миллионов марок на год, кредит из 10%; обеспечение — на $^1/_3$ фунты — Юденича, на $^2/_3$ — наши рубли, из расчета 2-х рублей в обеспечение одной финской марки (теперешний курс думских). Хотел было потребовать в обеспечение таможню, петроградский трамвай, либо ветку Петроград — Белоостров, — убедил от всего отказаться. Теперь можно вздохнуть свободно, — главная задача выполнена: продовольствие, топливо и деньги для Петрограда есть, но...

В 7½ часов прибегает А. В. Сапожников, заведующий у нас топливом; сообщает, что генерал Гулевич получил телеграмму от Юденича с назначением его, Гулевича, заведующим в Финляндии всеми военными и гражданскими делами; в помощь ему по гражданским делам назначается сенатор С. В. Иванов; завтра об этом будет заявлено в газетах, дабы я не мог заключать здесь никаких сделок. Днем же И. И. Тхоржевский убеждал А. И. Каминку помешать мне заключить сделки, — все-де сделки должны совершаться генералом Юденичем, а не «фиктивным» Северо-Западным правительством, с которым Юденич порвал... и пошла писать губерния.

Через полчаса дополнительное сообщение моего секретаря Мейера; ему передал А. А. Давыдов, что по финансовой части генералом Гулевичем приглашен Утеман.

За Давыдовым стали трезвонить другие — все слухи сосредоточиваются у И. В. Гессена. К 11 часам б. директор Союзного Банка звонит Гессену, что в телеграмме Юденича я объявлен самозванцем, о чем-де будет в газетах и т. п. У бедного А. И. Каминки мигрень. А завтра, конечно, полетят сплетни и доносы по финским банкам, министрам; что будет с дровами и продуктами для Петрограда — един ты, господи, веси.

Ломаем себе голову с И. В. Гессеном и А. И. Каминкою, к которым захожу за информациею, что сей сон означает.

И. Гессен вспоминает, к сожалению, с большим опозданием, что недели две назад союз промышленников и фабрикантов в Гельсингфорсе телеграфировал Юденичу просьбу указать лиц, с которыми он мог бы сноситься по делам Петрограда по взятии его (телеграмма эта, подписанная председателем союза Утеманом, была послана Юденичу, конечно, помимо правительства); связываем это обстоятельство с заявлением Карташева И. Гессену, что Владимиров вызвал его в Ревель, с телеграммой доктора Аснеса, что Карташев и Новицкий проехали уже Нарву. Неужели Юденич в момент заминки, когда его продвижение приостановилось, когда нужно сугубое доверие финнов и эстонцев, решил устроить эту демонстрацию? Или просто неразбе-

рихa и интриги наших дорогих соотечественников, готовых свалить Северо-Западное правительство какою бы то ни было ценой.

А из Петрограда отчаянные слухи — свирепствует красный террор, бунты, пожары.

23 октября. Четверг.

Положение на фронте неопределенное, — продвижение на север как будто бы замедлено; французские и английские суда не могут подойти к Кронштадту из-за минного поля, пересекающего Финский залив с севера на юг у входа в него, и обстреливают перекидным огнем из Копорского залива батареи Красной Горки, отвечающей на выстрелы. Финны готовы оказать нам помощь и пойти на Петроград, но Юденич их не приглашает. По словам Полока, условия помощи:

1) установление русско-финской границы комиссией из финнов и русских;

2) референдум в Карелии, куда ей примкнуть: к России или к Финляндии;

3) оплата всех военных расходов по экспедиции на Петроград (приблизительно 6 миллионов марок день и не более полутора миллиардов в общем);

4) при занятии Петрограда — оккупация дороги от Петрограда до Белоострова для охраны движения по ней.

Боюсь, что у Юденича никого не окажется для переговоров, если и придется их вести.

А от Лианозова второй день — ни письма, ни телеграммы, ни телефона.

В газетах уже появилась заметка о назначении Юденичем Гулевича и сенатора Иванова для ведения русских дел и для переговоров с финским правительством — каких дел, в каких пределах — никто не знает; по мнению А. Каминки, для всех дел без исключения.

От И. Гессена сообщение, что политику в Финляндии французы окончательно выбили из рук англичан и уже будто бы заставили Финляндию выступить на помощь России. Так ли? Скорее развели неразбериху, которая уже чувствуется на каждом шагу.

Из Питера продолжают приходить ужасные сведения. Несчастные питерцы. Хорошо, что они не знают, как мы здесь в Гельсингфорсе их спасаем.

24 октября. Пятница.

Утром опять ничего, — не телеграмм, ни телефона из Ревеля. Третий день без известий.

Приехал присяжный поверенный С. Кальманович, чтобы по просьбе Кедрина выехать в Ревель ему на помощь. В Вы-

борге Кальмановичу сказали, что Северо-Западного правительства уже нет, а в Гельсингфорсе А. А. Давыдов предложил ему «не компрометировать себя, поступлением на службу несуществующего правительства». Спрашивает, правда ли это, и как ему быть.

Приходили интервьюировать нас из «Hufutsbladet» по вопросу об интервенции Финляндии; я сказал, что для себя лично я давно решил вопрос: нельзя класть на одну чашу весов с одной стороны жизнь несчастных петроградцев, с другой — материальные расчеты: человеческие жизни дороже клочка земли. Но я уверен, что и финны поймут положение и не осквернят акт братской помощи земельными вожделениями.

По словам И. В. Гессена из французских источников, — французы потребовали от имени Антанты немедленно интервенции финнов без каких бы то ни было условий, и будто бы финны на это вынуждены согласиться. Как бы в подтверждение — сейчас Хольсти сидит у генерала Гулевича.

Получил, наконец, в 4 часа две телеграммы от Лианозова. В Нарве были Пешков, Горн и Филиппео, говорили с Юденичем, и «перемена неизбежна, но еще не сейчас»; остальное сообщит по телефону, который весьма кстати не действует. Другая телеграмма: Лианозов предлагает заключить финансовый и дровяной договоры с финнами, не обращая ни на что внимания. Слава богу.

А на фронте туго, — на север и восток движения наших нет, на стрельнинском направлении идут упорные бои с «сильным противником».

К восьми часам удалось, наконец, поговорить по телефону с Лианозовым. Он мало говорил с Юденичем о нашем деле. Он был два дня занят в Нарве с Личем по делу англо-русского банка. Лич, английский делец, имеет своим агентом при Юдениче некоего Гарденина. Лич навязывает Юденичу учреждение в Петрограде англо-русского банка, с монополиею на валютные операции; Лианозов требует передачи проекта на предварительное рассмотрение правительства; Юденич как будто обещал. Перед отходом поезда Лианозов поставил Юденичу вопрос, намерен ли он при перемене образа управления Северо-Западной областью сохранить программу Северо-Западного правительства; Юденич сказал, что будет обязательно ее поддерживать при всех комбинациях (в программе — независимость Эстонии, а ближайшая комбинация, проводимая Карташевым — диктатура Деникина, не признающая ее). О правительстве же взялся подробно переговорить с Юденичем В. Л. Горн, который приедет в Нарву завтра. Мнение Лианозова, что Юденич уже вошел в полный контакт с Колчаком и Деникиным,

а тут сговорился с Карташевым, и участь правительства предрешена; ликвидация же зависит от того, прочна ли будет стратегическая позиция Юденича или нет; если Финляндия выступит, то Юденич нас ликвидирует. Я сообщил, что по моим сведениям Финляндия готовится к наступлению под давлением Франции. Значит, решаем мы с Лианозовым, наша ликвидация близка; пока же мы все работаем попрежнему, и договоры с финским правительством нужно заключить.

Звонит И. В. Гессен, — генерал Гулевич уже просил помощи финнов от имени Юденича; слава богу, смирились. Есть данные о подготовке финнов к мобилизации и снабжению армии; зашел ко мне в 9 часов вечера директор торговли и промышленности финского правительства и сообщил, что проекты нашего соглашения о дровах, хлористой извести и карбите готовы. Я просил перевести их немедленно и приготовить к подписи на понедельник.

В 11 часов приехал Поллок из Биерке; приходит или уже пришел английский монитор с 15 орудиями, — будет обстреливать Красную Горку, чтобы дать возможность тральщикам протралить мины у входа в финскую бухту и подготовить ее для прохождения судов, которые будут бомбардировать Кронштадт. Дело протянется неделю, другую. Сводка за день — на всех наших позициях идет упорная борьба с большевиками, которые, повидимому, получили через Тосно подкрепление. Как могли их там пропустить? А как все было бы просто и сколько жизней было бы спасено, если бы ценой признания независимости Эстонии и Финляндии было получено их содействие в самом начале операции две недели тому назад. Проклятый Париж!

25 октября. Суббота.

Тучи сгущаются над нашей злополучной северо-западной армией; сопротивление красных растет, и есть попытки с их стороны перейти в наступление.

По слухам, идущим от полковника Церебровского (состоит при ген. Гулевиче), финны заявили, что пойдут нам на помощь, если Колчак признает их независимость и если союзники дадут им деньги на кампанию. Посланы якобы телеграммы Сазонову с упоминанием о тяжелой ответственности парижского правительства. Нашли, чем запугать их!

Заходил А. И. Каминка; он имел вчера беседу с генералом Гулевичем, показавшим ему пресловутую телеграмму Юденича, которой он ставится во главе всех русских дел в Финляндии на правах генерал-губернатора, а гражданским помощником ему назначается сенатор Иванов. Одна копия

этой телеграммы была послана Юденичем Утеману, другая — Карташеву.

Генерал Глазенапп назначен петроградским генерал-губернатором, взамен ранее назначенного генерала Владимирова.

А между тем на фронте неблагополучно, — слухи о том. что наши очистили Царское Село и Павловск, что три бронированных поезда большевиков не пускают наших вперед: о наших танках ничего не слышно.

Юденич через Гулевича просил финнов о помощи, ничего взамен не обещая. Я говорил с Эрнростом и Стенротом; за ничего — ничего не дадут, а за признание независимости пойдут на Петроград.

Полковник Эрвенгрин выступил в Карелии с 3000 человек, — чтобы отвлечь силы большевиков от нас.

Был у директора финского государственного банка Стенрота говорить о разрешении ввоза денег Северо-Западного правительства сюда и о займе нам 20 миллионов финских марок, — обещал содействие.

От Лианозова телеграмма, что «на три его телеграммы Юденичу по поводу Гулевича — нет ответа».

В 7 часов говорил по телефону с Горном. Горн долго беседовал с Юденичем; перемены должны быть, министерство не может остаться из-за необходимости солидаризоваться с Колчаком и Деникиным; Карташев уже намечает будущий новый «совет»; кого пригласить — еще не решено. По поводу назначения Гулевича и Иванова, Юденич показал Горну телеграмму, посланную дней десять тому назад и подписанную Утеманом и сенатором Ивановым (sic!) с просьбой назначить представителя русских в Финляндии и с заявлением, что подписавшие хотят иметь дело только с ним, Юденичем.

Настроение в Ревеле хорошее, — там полная уверенность в успехе.

Француз Меллер сообщил, что вчера выехал из Бреста в Ревель пароход с 58 пушками, 1000 пулеметов, 10 танками и огромными запасами боевых припасов. В лучшем случае фронт их получит через две недели.

На мой вопрос, действительно ли местные французы оказывают сильное давление на финнов в пользу интервенции, Меллер ответил жалобой на местного уполномоченного, которого он сегодня в течение часа не мог убедить действовать энергично — тот ссылается на отсутствие официальных полномочий. Многого дождешься от такой «помощи».

26 октября. Воскресенье.

Утром был у французского генерала Этьевана. Оказывается, что упомянутый Меллером пароход еще не вышел

из Бреста и везет не 58, а 45 пушек, не 1000 пулеметов, а двести, и совсем не везет танков.

Генерал Этьеван рассказал, что получил в среду, 22 октября, телеграмму от Юденича, с просьбой о помощи. Этьеван был у финнов, к которым обратился 23-го также и генерал Гулевич. Финны в пятницу передали свои условия:

1. договор с ними подписывается в Париже Сазоновым, при чем признается их независимость;

2. Антанта берет на себя расходы;

3. условия предполагавшегося в июне соглашения остаются в силе: Печенга и часть Карелии переходят к финнам.

По мнению Этьевана, телеграммы его и Гулевича сегодня будут переданы Сазонову. По заявлению финнов помощь может быть в две недели со дня объявления мобилизации. Финны и Этьевану высказали опасение, что Юденич, взяв Петроград, будет угрожать их свободе. О преувеличенных аппетитах финнов свидетельствует вчерашний пример: Юденич просил Этьевана прислать ему 300.000 пуль для танковых пулеметов. Финский военный министр обещал их, а к вечеру прислал Этьевану письмо, в котором соглашается дать пули лишь при условии возврата их в три недели и продажи финнам французами в тот же срок еще одного миллиона пуль.

В 1 час завтракаю с Венола, Хольсти и Эрнротом, которых пригласил для беседы о помощи нашей армии. Беседа длится более двух часов. Я убеждаю финнов не требовать признания Сазоновым независимости Финляндии, как conditio sine qua non помощи нам: Сазонов не выражает мнения всей России, и его непризнание не может быть роковым не только для России, если финны из-за этого откажутся от помощи, но и для самих финнов. Я говорил, что если финны нам не помогут, и Юденич будет побежден, — то угроза Красного Петрограда может быть очень серьезной и для финнов; если же Юденич войдет в Петроград, то память об отказе финнов будет и впоследствии, когда Россия окрепнет, всегда стоять стеной между двумя народами; что наоборот, если финны помогут теперь, это будет такая услуга, которую поколения будут помнить и за которую благодарность будет велика.

Венола и Хольсти отвечают, что у них нет большинства в Палате, ибо 80 социал-демократов, 40 аграриев и часть прогрессистов против интервенции; что у них нет средств на мобилизацию и дальнейшую оккупацию Петрограда (оказывается, Н. Н. Шебеко предлагал им оккупировать Петроград и держать его в своих руках для наведения порядка, при чем необходимо-де держать там тысяч 30 человек); что

у них нет аммуниции и боевых припасов, а Антанта не дает их; что, усламши мобилизованных в Россию, они сами остаются без армии внутри страны; что черносотенство антуража Юденича, если не его собственное, для них ясно, теперь в особенности, когда они узнали, что, не дойдя еще до Петрограда, Юденич собирается ликвидировать Северо-западное правительство и тем самым уничтожить все обязательства по отношению к Финляндии и Эстии.

Спрашивали, правда ли, что мы устранены от дел в Финляндии, и как мы думаем на это реагировать. После двух часов убеждений, мне удалось добиться лишь обещания не считать отказа Сазонова концом переговоров и быть готовыми искать вместе с нами новых комбинаций.

А город полон мрачных слухов: Павловск и Царское Село отняты у белых, Воронеж — у Деникина, который будто бы сказал где-то и когда-то представителю Антанты, что больше не может бороться с большевиками.

Приехали люди, выехавшие три дня назад из Петрограда (между ними и французский военный агент): сообщают, что центр сопротивления и укрепления Петрограда — Инженерный Замок, угол Каменноостровского и Ружейной, угол Офицерской и Английского проспекта. Будто все мосты, Николаевский вокзал, водопровод и электрическая станция минированы. Третьего дня роздана последняя порция хлеба, из Москвы пришли красные юнкера и матросы и т. д.

Вечером у И. В. Гессена; сообщил мне новость (уже старую для него), что кн. Львов, Савинков, Чайковский будто бы требовали от Колчака удаления Сазонова. Ответа пока нет.

От Лианозова письмо — просит работать попрежнему, уверен, что наша ликвидация произойдет мирно, и выбор момента будет предоставлен нам.

Заходил представитель заведующего экспедицией грузов в Ревель; сообщил, что ничего не могут доставить населению освобожденных местностей, что там уже негодуют на белых. А ведь это Юденич заставил меня и Эйшинского передать военным весь аппарат экспедиции.

27 октября. Понедельник.

Скверные сведения утром — французы сообщают, что Красное Село ускользает от нас, а в Царском Селе наши были только два дня; Николаевская дорога нами не была перерезана у Тосно. Если Юденич начнет отступать, то фронт более не воскреснет.

К французам приезжает генерал Ниссель, бывший во французской миссии в Петрограде, новый дирижер оркестра, а музыкантов нет.

Договоры торговые и по снабжению закончены в министерстве торговли, перешли в министерство иностранных дел и получу их лишь завтра днем: приходится отложить отъезд, тем более, что и по финансовым вопросам лишь завтра будут закончены переговоры.

Из Терриок телефонное сообщение, что на море сильная артиллерийская стрельба. Не монитор ли английский обстреливает Красную Горку? Спрашиваю Поллока; говорит, — неизвестно еще, пришел ли монитор.

Взоры здешней публики опять обращаются к Бермонту; неудача Юденича как будто бы их даже радует.

В 7½ часов утра у телефона полковник М. М. Долуханов — наши отступают от Красного Села из-за взятия большевиками большими силами Ропши; наш фронт южнее Царского и Красного Села, но наши на хороших позициях, на высотах.

Финские газеты утверждают, что Орел и Воронеж в руках большевиков.

Еще новость — эстонцы послали курьера к большевикам с проектом мирного договора на случай нашего окончательного провала.

28 октября. Вторник.

В 8 часов утра телефон из Ревеля; Лианозов сообщает, что он получил несколько дней тому назад телеграмму от генерала Гулевича с просьбой предложить мне все закупки и вообще все шаги здесь делать с ведома и согласия Гулевича, а также передать ему деньги — 50 миллионов «для единства финансовой программы». Лианозов ответил, что я, как министр, делаю все с ведома совета министров, а для объединения всех ведомств существует комиссия Северо-западного правительства под председательством А. И. Каминки, куда Гулевичу и надлежит послать своего представителя. Деньги же переданы в распоряжение мое, как министра снабжения, постановлением совета министров и никому другому переданы быть не могут; единство финансового плана достигается комиссией профессора Каминки. Копию этой телеграммы Лианозов послал генералу Юденичу. Сведения из иностранных источников о предстоящем падении Красной Горки.

Забавное интермеццо: вчера заходил полковник Езовитов; на карточке: Colonel K. Jesovitov le Chef de la Mission militaire — diplomatique de la Respublique Democratique Blanche-Ruthenienne. Предлагал заключить федеративный союз между Северо-западным правительством и Белорусской Республикой.

— А где же правительство Белорусской Республики?

— Часть в Минске, часть в Вильне, один министр в Париже и один в Праге; собственной территории сейчас нет: часть у поляков, часть у большевиков.

Я ответил ссылкой на le ridicule qui tue и выразил сожаление, что белоруссы не образовали федеративной группы с Эстией, Латвией и Литвой; тогда стоило бы поработать над федеративным союзом со всей группой. Полковник — энергичный, умный, востроглазый малый.

Вчера выпал первый снег, а сегодня на море снежная буря. Говорят, что Эрвенгрин продвигается, что финны на всякий случай готовятся к мобилизации (переписывают лошадей и повозки).

Вечером получил сведения: у финнов 103000 человек шуцкора, из которого 30-35 тысяч пойдут в Россию добровольцами; кроме того, 30.000 регулярной армии, которая может быть пополнена еще 30.000 человек при мобилизации группы А. Таким образом, от 90 — 95.000 можно без труда поставить под ружье. Боевых запасов на 100.000 человек хватит на три-четыре месяца. Нужно, чтобы кто-нибудь толкнул финнов, иначе они в колебаниях потеряют время. Из Англии будто уже есть ответ: пусть финны идут на свой риск и страх. Англия ничего сделать не может, по крайней мере, ясно.

Подтверждаются сведения об обратном взятии большевиками Орла и Воронежа. Зловещие слухи о нашей армии: взята Гатчина и наши войска могут быть окружены. Операциями против нас руководит генерал Черемисов.

Звонит И. В. Гессен: по французским сведениям, у Красной Горки произошло какое-то недоразумение с эстонцами; там стоял с эстонским дессантом адмирал Питка, — генерал Юденич будто бы не допустил его к взятию Красной Горки.

29 октября. Среда.

Сведения о конфликте генерала Юденича с адмиралом Питка такие: Питка по радио предложил красным на Красной Горке сдаться, обещая им за это эстонское гражданство. Юденич усмотрел в этом посягательство эстонцев на Красную Горку и протестовал против вступления в нее эстонцев. Если это правда...

Обстрел Красной Горки продолжается.

Утром в 9 часов телефон Лианозова — генерал Юденич просил его ехать в Гельсингфорс, сделать все возможное, чтобы добиться содействия финнов. Наконец! Хорошо, что я принял меры, не дожидаясь, когда просветлеет его высокопревосходительство.

А с фронта плохие сведения: затея Эрвенгрина в Карелии почти ликвидирована, — его гонят большевики назад.

На Петроградском направлении большевики, взяв Ропшу, двигаются на юг; взяли Кипент и, угрожая тылу нашей армии, могут вынудить ее отступить из Гатчины (и тогда уже до Нарвы покатятся). Разве только падет Красная Горка, которую продолжают обстреливать английские мониторы.

В 4½ часа приехал Лианозов; рассказал:

1. Генерал ликвидировал данные им Гулевичу полномочия следующей телеграммой:

28. 10. 19 г. 21.

153/353. Ревель из Штарма № 2229 (10а).

Ревель, председателю совета министров Лианозову.

«Гулевичу я сообщил чтобы никаких заказов не делал контрактов не заключал вырабатывал условия и представлял их правительству или мне для представления правительству точка кредит пятьдесят миллионов ему отказал точка на ваше предложение согласен укажу ему руководство. Юденич».

С такой же легкостью разъяснил, как и дал полномочия.

2. Юденичу предъявляю со стороны правительства и другое обвинение, — в неправильном назначении Глазенапа генерал-губернатором Петрограда без нашего согласия. Оправдывается тем, что спешка. Ерунда, конечно.

3. Положение на фронте неважное; без финнов — не выкарабкаться. Петроград наскоком не взять, придется долго тянуть и, может быть, оттянуться назад к Ямбургу.

4. На фронте настроение бодрое, к министрам предупредительное, но генерал решил, повидимому, нас ликвидировать до взятия Петрограда.

5. Генерал резко телеграфировал Колчаку, требуя признания независимости Финляндии, жалуясь на Сазонова. Есть данные, что Колчак 15 октября сам запросил его, что нужно сделать, чтобы помочь ему, но телеграмму, повидимому, Гулевич почему-то задержал.

6. Наш кабинет настаивает на необходимости уйти теперь с треском, декларировав измену демократии, — Лианозов и Кедрин борятся против этого предложения.

7. С Личем Юденич, повидимому, заключил условие на открытие в Петрограде русско-английского банка с иключительным правом действия в Петрограде, помимо правительства, несмотря на обещание, данное в Нарве Лианозову. За Личем — Д. Л. Рубинштейн. Решили с Лианозовым немедленно заняться обходом крупных финских фигур для выяснения вопроса об интервенции. Говорил с Эрнротом, он указал мне восемь лиц, с которыми нам с Лианозовым надо будет завтра говорить.

Сенатор Иванов окончательно потерял голову: получив телеграмму Юденича о назначении его заведующим гра-

жданской частью в Финляндии, он телеграфировал Клемансо, Ллойд-Джорджу и еще кому-то о помощи Петрограду.

Вечером с фронта сведения лучше — сопротивление наших тверже, обходное движение большевиков задерживается. Родзянко выставил всех из Гатчины, в том числе и Глазенапа с Владимировым, как «гражданских чинов» — под предлогом большой опасности; очевидно, чтобы остаться хозяином положения.

2 ноября. Воскресенье.

Лианозов спрашивает, как я поступлю, если наши левые потребуют теперь демонстративной ликвидации министерства. Говорю, что присоединяюсь к демонстрации только в том случае, если ею мы не повредим делу северо-западной армии.

Завтра объявляется Гулевичем приказ о мобилизации всех русских, живущих в Финляндии, до 41 года включительно. Приказ абсурдный, так как объявлен юридически самочинной властью, к тому же не на родине, и даже без санкции Северо-западного правительства; вряд ли он произведет должный эффект, а нареканий будет масса.

С фронта к вечеру весть — мы оставили Лугу (вряд ли теперь Гатчина удержится). Спасти положение сейчас могут одни эстонцы, а об них никто слышать не хочет. И как будто нарочно из Парижа весть, что Бурцев и Савинков нажимают из всех сил, чтобы добиться признания Антантой Колчака, того Колчака, который не признает независимости ни Эстии, ни Финляндии.

3 ноября. Понедельник.

Утром сильный удар по нас: японец телеграфировал И. Гессену, что Гатчина (вчера или третьего дня) оставлена нами, а в сводке какая-то ерунда о деревнях, отнятых и опять отданных на Псковском фронте, и ни слова о Гатчине.

Оказалось то, что можно было предвидеть: катятся обратно, катятся из-за органической неспособности политиков в Париже что-либо предвидеть, из-за бездарности генералов, неспособных понять, что великая Россия, как они понимают ее, — с фетишем в центре, — ушла навсегда в прошлое, и что путь к спасению будущей России, не менее великой в благоволении соседей, помощью которых, быть может, можно будет купить освобождение Петрограда. И теперь, разбитые, они не допускают «позора» признания независимости Эстии и требуют «стратегических гарантий» от Финляндии.

Заходит бывший начальник сыска в Петрограде — Кунцевич, просит переговорить с финнами о штаб-ротмистре

Ленце, служащем в нашей контр-разведке. Этот достойный гражданин напился вчера в дребезги, пошел в театр, буянил, и, когда полицейские стали его выводить, то он сломал пальцы одному, разбил переносицу другому и укусил палец третьему. Финны, разумеется, в долгу не остались; при этом Ленц всячески поносил Финляндию.

И. В. Гессен рассказывает, что советские газеты ликуют, считая нас окончательно разбитыми.

4 ноября. Вторник.

Катастрофа подтверждается, по телефону из Ревеля сообщают, что Гатчина очищена, войска наши задерживаются на западе от нее. Большевики идут быстро от Луги к северу; взяли Преображенскую и Мшинскую; идут на Гдов, — боюсь, что на этот раз возьмут напором и Гдов и Ямбург, и мы очутимся в Нарве, не имея ни клочка русской территории. Жизнь на враждебной нам эстляндской территории сплошной ужас. Французы, по словам И. В. Гессена, боятся, что армия будет окружена; утверждают, что катастрофа произошла вследствие того, что Родзянко и Арсеньев не повинуются Юденичу. А если бы повиновались?

7 ноября. Пятница.

Вторая годовщина большевиков; как будто за ними правда исторической необходимости: разум подсказывает это, а сдаваться, отказавшись от борьбы, нет сил.

Предложил Лианозову назначить нашим представителем в Финляндии И. В. Гессена, всегда хорошо нас информировавшего, имевшего прочные связи в финской прессе и, по сообщению близких ему лиц, охотно принимающего этот пост. Лианозов одобрил; запрошенный мною И. В. Гессен дал немедленно согласие; он едет во вторник в Стокгольм к Гулькевичу, чтобы предложить убрать его представителя Бера из Гельсингфорса, осветить через Гулькевича перед Колчаком наше положение и укрепить его. По словам Гессена, французы сообщили ему о телеграмме, присланной на-днях Сазоновым Юденичу с предложением от имени Колчака заканчивать переговоры с финнами и с уведомлением, что Колчак признал, наконец, независимость Финляндии. Эх, вы... милые.

А у самого Колчака теперь так: Петропавловск взят, Омск эвакуируется. И у Деникина неважно: между Херсоном и Николаевым и в Киевской губернии неспокойно — крестьяне волнуются и беспокоят. А у нас, — Гдов взят красными, Ямбург — эвакуируется. Вторая годовщина большевизма.

Едем завтра на Голгофу — к эстонцам, разбитые, смятенные, изменившие им.

Горн был в Сейме, где партия с.-д. собрала свой президиум из двенадцати человек и обсуждала под председательством Таниера свою позицию в вопросе об интервенции. Резолюция относится одинаково как к прямому выступлению Финляндии, так и к поддержке добровольческого выступления; клеймит генералов реакционерами, заявляя не без юмора, что русским нет сомнения требовать поддержки для выступления на северо-западном фронте, когда достаточно русской территории, с которой можно вести войну против большевиков, не прибегая к помощи посторонних и попутно называя все правительство Юденича реакционным. Тем не менее, просили Горна посылать корреспонденцию в их газету и приехать еще поговорить с ними. Очевидно, для своих рабочих должны были резко отмежеваться от противо-большевистского похода.

8 ноября. Суббота.

Утром выехали с Лианозовым в Ревель.

В 5 часов заседание совета министров у Кедрина. Были все кроме Юденича, Евсеева и Филиппео (все трое на фронте). Сделал доклад о положении дел в Финляндии; потом перешли к больному вопросу: дальше так продолжаться не может. Юденич фактически упразднил наше правительство в Финляндии и на освобожденной территории. Пилкин защищает генерала одним аргументом: не было-де времени в тревогах военных действий созвать правительство. Ответ возмутил даже невозмутимого Лианозова: генерал ведь нашел время дать политические полномочия генералу Гулевичу, отвечая на телеграммы своего постоянного антагониста Утемана, — между тем для этого ведь спешки не было никакой. Попутно контр-адмирал Пилкин доложил, что с эстонцами Юденич не поладил потому, что эстонцы посягали не только на Красную Горку, но и на Кронштадт; они сделали десант, насильно захватив перевязочные средства, приготовленные Пилкиным для русской армии, и высадили три тысячи человек, чтобы взять Красную Горку. И вот, не дожидаясь взятия ее, английский адмирал Коуэн открыл карты: он послал Юденичу телеграмму с предложением увести русских из-под Красной Горки под тем предлогом, что они якобы ссорятся с эстонцами, а русских вовсе и не было перед Красной Горкой. Далее эстонцы хотели заполучить в сфере своей оккупации и берег Финского залива до Ораниенбаума, ясно, что у них было соглашение с англичанами о захвате Кроштадта. И всего этого не знал никто из нас, в том числе и наш премьер. И когда я с нескрываемым возмущением стал говорить о вопиющей бездарности руководителя похода, умудрившегося в самый важный момент поссориться с эстонцами, после того, как

ясно было, что своими силами ему не справиться, ибо даже и Тосно не заняли, чтобы отрезать сообщение Питера с Москвой. И чорт знает из-за чего топтались три дня в Царском Селе. Пилкин заявил, что чувствует, что надо бы ему выйти из состава правительства, но он не может этого сделать, ибо представляет «некоторые» интересы Колчака; упрекал, что мы отступаемся от Колчака, а раз мы изменяем этому пункту программы, то нечего требовать от генерала соблюдения пункта о независимости Эстонии. Повторил, что считает позорным для нас всех входить как правительство в Петроград, раз мы созданы англичанами, а не волею народа. Демократы! Напоминаю Пилкину, что, по заявлению самих англичан, и Колчак был создан ими и притом в значительно большей степени, чем мы, ибо у нас англичане были лишь орудием в руках лиц, желавших создания правительства на северо-западе...

В конце концов адм. Пилкин просил нас не подымать теперь с Юденичем основных вопросов, ибо ему не до того, — на фронте важная задача отступления с сохранением живой силы.

Мы изъявили согласие обождать несколько дней, но он должен помнить, что события в Финляндии также не терпят отлагательства, ибо надо ускорить организацию помощи нашей армии.

9 ноября. Воскресенье.

Эстонцы опять взялись за нас: требуют выселения до конца ноября всех служащих военных и не военных.

От Бурцева опять просьба о денежной помощи «Общему Делу». Карташев по поводу статей Кирдецова о Северо-западном правительстве заявил ему: «Мы колеблемся, пропустить ли вас в Петроград или нет».

Я поднял вопрос о необходимости для правительства иметь теперь в Париже дельного представителя, в виду того, что дело наше затянется и необходимо правильно его поставить. Кирдецов выразил желание поехать, ссылаясь на поездку, предпринятую им летом, и на завязанные им в Париже, в связи с нею, полезные связи. Мы соглашаемся. Кирдецову будут даны поручения познакомить русское политическое совещание, международную конференцию и русскую колонию с нашей работой и переговорить с Савинковым и Алексинским о вступлении в наше правительство.

А Куприн писал Кирдецову из Ямбурга, предлагая свое сотрудничество в нашей газете, — рады.

По мнению полковника К. А. Крузенштерна, неудача Юденича произошла вследствие отсутствия единого командования и руководства военными операциями. Юденич сидел в Нарве без связи с выдвинутыми вперед частями.

Сплошь и рядом срочные телеграммы с боевыми указаниями посылались поездом. Генералы шли вперед без взаимной связи друг с другом, торопились первыми войти в Петроград. Побросали Лужский и Гдовский фронт, где большевики продвинулись с ничтожными силами; не имея разведки, отступали перед горстью неприятеля. Все возмущены начальником штаба Вандамом (настоящая фамилия его Едришкин, сотрудник «Нового Времени»). Недовольство Юденичем также очень велико.

Нечто фатальное — провидение за большевиков. Любой Дыбенко, не говоря о Буденном, прошел бы триумфальным шествием в Петроград с такой горстью храбрецов, какая была у Юденича, так полно и прекрасно снабженной.

По сведениям Лианозова — опять зашевелился Балахович с Н. Н. Ивановым; опять Балахович организует зеленых под Печорами. При себе устраивает политическое совещание с Ивановым во главе. Собирается послать комиссаров оттягивать у Юденича солдат и офицеров и грозит арестовать штаб Юденича, если Ямбург будет эвакуирован. Армию свою называет социалистической. Хвастает, что получит деньги и организует в Ревеле свою контр-разведку. Опять начинается.

Зашел к Лианозову Евсеев, выехавший вчера из Нарвы. При чем в Ямбурге генерал Глазенап получил приказ об эвакуации Ямбурга; почему, отчего — Глазенап не знает.

По словам Теннисона (командир первой эстонской дивизии), происходит какая-то ерунда с нашей армией, — слоеный пирог, где нельзя разобрать, кто кого окружил. Пока беспокоятся о части генерала Арсеньева, которая неизвестно где находится.

Карташев с Кузьминым-Караваемым и Лившицем выехали на дачу в Гунгенбург отдохнуть от трудов. Марков II в Ямбурге. Говорили о нашем правительстве: «лишь два русских — Богданов и Евсеев, да и те забыли, что они русские, остальные — жиды». Бедный Лианозов!

10 ноября. Понедельник.

Начинаем четвертый месяц нашего существования; итоги за три месяца: потеряли Псков и Гдов со всей примыкающей территорией, но зато узнали окончательно, что под руководством Юденича — Петроград не видать, как ушей своих.

В 12 часов был у Лианозова английский генерал, просивший и меня присутствовать при беседе. Наивно-добродушный старик расспрашивал, что нам нужно сейчас; сказали — денег и боевые снаряды; спросил, возьмем ли Петроград до весны. — Сказали, что с финнами и эстонцами возьмем. Спросил, почему не договорились с эстонцами, — не могли

ответить правды, уклонились. Обещал доложить своему правительству и заходить к нам. Боже, что за ерунда!

21 ноября. Пятница.

Был у меня подполковник Х... гвардейский офицер, и рассказывал свои впечатления с фронта. По его словам, высшее офицерство идет на большевиков с целью вернуть усадьбы, квартирное имущество, вешать комиссаров и наказать «сволочь-народ», который сверг царя и поддержал большевиков — о России мало думают; среди офицерства не мало «любители» частной собственности. Гр. Игнатьев встретил в Ямбурге гвардейского офицера, который хвастал тем, что недавно нашел на комиссаре 40.000 царских денег, которые взял себе. Солдаты тоже много грабили. (Филиппео вчера рассказал, что начальник разведки Х..., живущий в одном с ним доме, привез жене из Гатчины много дамских принадлежностей, костюмов, белье). Приехавшие из Нью-Маркета русские офицеры осталися без белья; им говорили: «для чего вы приехали сюда, — занимать наши места». Глазенап, Владимиров, Краснов составляют особенную группу. Глазенап скверно окружен, — разведчики из Финляндии, шпионы Владимирова и т. д. Краснов увлекся издательством, — издает в Нарве «Приневский край». Отношение к офицерам, переходившим от красных, самое неразумное: их разжалывают немедленно в солдаты, третируют крайне грубо, что, разумеется, делается немедленно известным и тем, что остались еще в рядах красных. Никакого командования, никакой осведомленности в штабе; восторг по поводу всякой деревни. Многоначалие. В Гатчине белые съели все запасы несчастных обывателей, сами же ничего не подвезли.

28 ноября. Пятница.

В Таймсе сведения, что Курск был взят 18-го, — был прав японец, он много лучше нас осведомлен. Удивительно, что он знал об этом 20-го ноября в Ревеле по московскому радио, которое 20-го же было известно в Лондоне. А у нас в отделе внешних сношений ничего не знали.

29 ноября. Суббота.

Все опять у разбитого корыта: германофилы уничтожены полным поражением Бермонта, черная сотня и «Национальный Центр» — поражением Юденича, Колчака и Деникина, мы — отрицательным отношением к нам Эстии и интригам Франции против поддерживавших нас англичан. Все поражены, — одни большевики победили.

Русская публика притихла, озирается; Кедрин вчера уехал в Париж.

Г. КИРДЕЦОВ.

У ВОРОТ ПЕТРОГРАДА

I. ПАРИЖСКОЕ СОВЕЩАНИЕ И БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В 1919 ГОДУ.

Весной 1919 г. у меня возникла мысль (ретроспективно я нахожу ее до нельзя наивной) «взбудоражить» Париж — тогдашний центр всероссийской эмиграции, куда со всех сторон стекались «сливки русской политической мысли», где заседала мирная конференция и Вильсон вещал народам мира новые принципы этики и морали. Я знал, что туда, в Париж, прибыл или прибудет из Архангельска глава северного правительства Н. В. Чайковский; там же с правами члена русского Политического Совещания находится Б. В. Савинков, который в ту пору еще числился членом партии социалистов-революционеров. Найдутся и кое-какие социал-демократы. В Политическом Совещании, тогда только что образованном (март 1919 г.) заседает старый идейный работник эс-эров С. Иванов, а вместе с ним и некоторые элементы Временного Правительства: кн. Львов, Третьяков, Коновалов и, наконец, П. Б. Струве, которого информирует из Гельсингфорса исключительно и, конечно, своеобразно А. В. Карташев.

В виду редких известий из Парижа и сугубой конспирации, которой на первых порах была покрыта деятельность парижского Совещания, я, конечно, не знал, что оно идет на поводу у Колчака, что вся внешняя политика Совещания лежит в руках С. В. Сазонова, считающегося полномочным представителем Колчака, что немногочисленные «левые» элементы Совещания — только статисты.

У меня возникла мысль «взбудоражить» Совещание, показать ему рельефно огромное значение Петроградского фронта в связи с положением вещей в Финляндии и Эстонии — тогда как все внимание Парижа, а также Кремля, было поглощено Уралом и Волгой, где Колчак продвигался — и, наконец, добиться того, чего в Гельсингфорсе не хотели слышать Карташевы, т.-е. здоровой и искренней демократической политики в отношении Финляндии и Эстонии в целях совместных с ними действий против большевиков.

Попутно мне еще рисовалась возможность прочесть в союзных делегациях на мирной конференции ряд докладов

о положении на месте да «похлопотать» об ускорении присылки оружия, снабжения и денег как для тех сил, которые Юденич набирал, так и для отмеченного выше русского «Северного Корпуса», уже действовавшего на территории Эстонии.

Я видал войска этого корпуса совершенно без сапог и шинелей, без хлеба и денег; они вообще были предоставлены самим себе как экономически, так и политически. Одни штабы на собственный риск и страх печатали фальшивые «керенки», другие (во главе с Родзянкой, а после при содействии Валяй-Маркова, принявшего имя капитана Чернявина) — столь же усердно печатали ярые черносотенные прокламации и распространяли их в пределах Псковской губернии под самым Петроградом — Гдовском и Ямбургском уездах...

Некоторым «политическим» влиянием на штабы пользовался там в ту пору некий гастролер из Петрограда Н. Н. Иванов, петербургский присяжный поверенный, стяжавший себе известность в свое время рекламой об «Общественных заводах» на столбцах «Нового Времени». Впоследствии сей муж (если не ошибаюсь — по настоянию эстонцев, у которых, как поговаривали злые языки, он состоял на службе) попал в члены Сев.-зап. Правительства в самом начале его образования, но через 2—3 недели был исключен, изобличенный в соучастии в погромной деятельности знаменитого «батьки» Булак-Балаховича в Пскове.

Это обстоятельство, однако, не помешало сему господину называть себя «министром» до последних часов существования Сев.-зап. Правительства. Еще раз имя его всплыло в марте 1921 г. в дни кронштадтского восстания: едва в Кронштадте загремели пушки, Н. Н. Иванов откуда-то вновь налетел на Ревель и стал там организовывать нечто в роде правительства на случай падения коммунистического Петрограда. Но на сей раз в дело вмешались большевики: на основании постановлений мирного договора с Эстонией о недопущении образования на территории республики русских организаций, «имеющих своей целью насильственное ниспровержение существующего в России государственного строя», советская делегация в Ревеле потребовала немедленно, высылки Иванова — и он пропал.

Но мы еще вернемся к северному корпусу и его «деятелям». Мысль о Париже совпала с моментом, когда Российский Комитет в Гельсингфорсе единогласно принял разработанный мною по его приглашению проект отдела агитации, пропаганды и устройства бюро печати с отделениями в Париже и Лондоне и других европейских центрах. Бурцевское «Union» почти что не существовало еще; Деникин-

ский «Осваг» был образован значительно позже; главными же центрами информации о Советской России в ту пору могли быть только Гельсингфорс и Ревель, географически наиболее близкие к Петрограду, который тогда еще только начал вымирать политически и экономически и с которым, несмотря на фронты и закупорку границ, тесная связь была установлена относительно прочно.

Предстояло связать в Париже обе задачи — одну политическую и другую по технической организации агитационно-информационного бюро. Предшествовали длительные беседы с А. В. Карташевым и Юденичем «по пунктам», при чем последний особенно напирал на то, чтобы я в Париже добивался «нажима» союзников на Финляндию и... денег.

Этот «нажим» меня нисколько не удивлял: Юденич, сидя вот уже четвертый месяц без дела в комфортабельной гельсингфорской гостинице «Societetshuset», уже успел убедиться, что действующий в пределах Эстонии русский Северный Корпус, имеющий свои штабы, традиции, а в качестве «руководителей» — таких головорезов-авантюристов как Родзянко (племянника председателя Гос. Думы), «батько» Булак-Балахович, фон-Валь (сына известного петроградского градоначальника) и Джерошинский, едва ли с распростертыми объятиями встретит его, Юденича, хотя он и «герой Эрзерума» да генерал-от-инфантерии.

Вот почему Юденичу больше улыбалась мысль похода на Петроград через Финляндию, а не через Эстонию. Буде поход удастся — он окажется единственным героем и история будет знать только его, а не каких-то выскочек в роде Балаховича и Родзянки...

Впоследствии я узнал, что именно в этом направлении в Лондоне и в Париже уже работали «военно-уполномоченные» Юденича генералы Десино и Геруа, из которых последний в качестве профессора Николаевской академии ген. штаба до своего прибытия в Гельсингфорс (февраль 1919 г.) занимал очень видный пост в красной армии.

Снабженный полномочиями, я покинул Гельсингфорс на 7 недель.

В Лондоне, который был первым моим этапом по пути в Париж, российская общественность была представлена тогда П. Н. Милюковым, проф. М. И. Ростовцевым, А. В. Тырковой и Литовцевым, при чем последний стоял на левом крыле, группируя единомышленников вокруг своего политического еженедельника «Самоуправление», издававшегося на английском языке и представлявшего собой серьезное литературное начинание в подлинно-демократическом духе. Более или менее значительной «массовой» эмиграции на берегах Темзы тогда еще не было. Деникинская беженская волна

еще не нахлынула на Европу, от Колчака же, продвигавшегося победоносно к берегам Волги, приезжали только «уполномоченные», но не беженцы.

Помню, уже на моем докладе Russian Liberation Commettee на Флит-стрит, прочитанном в присутствии Милюкова, Тырковой, Ростовцева и других, я встретил первое разочарование, о чем, впрочем, меня и предупреждал петроградский журналист А. В. Руманов, знакомый с моими взглядами.

П. Н. Милюков молчал, зато другие высказывали «недоумение» по поводу основных моих тезисов, приписывая их исключительно моей «субъективной» оценке положения. Они были согласны с тем, что началом и концом всякой политико-стратегической мудрости в борьбе с большевиками было, есть и будет взятие Петрограда, ибо Колчак еще далек от больших центров, а Деникин существует пока только потенциально. Но никто не хотел понять, почему для достижения этой цели нужна «кооперация» Финляндии и Эстонии, а для «кооперации» — признание независимости Финляндии и права на самоопределение за Эстонией.

Еще труднее было усвоить господам по Liberation Commettee, почему Юденич и окружающие его политические элементы, главным образом, А. В. Карташев, сами не могут добиться «кооперации» на приемлемых началах: ведь они там, на местах, и лучше знают, что делать нужно...

Указания же мои, что Гельсингфорс по случайному стечению обстоятельства — гнездо правых и, в лучшем случае, умеренно-либеральных элементов, которым ни финляндцы, ни эстонцы решительно не верят, что, вдобавок, правые монархические элементы (группа Волконского, бывшего тов. председателя Г. Думы) держат определенный курс на Германию на виду у официальных и тайных представителей Антанты в Гельсингфорсе — эти мои указания и выводы из них совсем ожесточили некоторых членов Liberation Commettee.

А Милюков все молчал, чиня карандаши и теребя от времени до времени свои по тогдашней моде «по-европейски» коротко остриженные усы. Его положение в Лондоне было тогда (март 1919 г.) щекотливым. Он только недавно вернулся из Парижа, где, как говорили, за его киевскую германскую ориентацию, французы не постеснялись указать ему на неудобство его дальнейшего пребывания на берегах Сены. В самом Лондоне патриотический угар еще не рассеялся (прошло, ведь, всего каких-нибудь 4 месяца со дня перемирия); германофильство еще каралось, если не законом, то во всяком случае морально и политически.

Но вождь к.-д. все-таки работал — среди английских парламентских деятелей, с которыми у него сохранились связи.

в кругах профессуры и от времени до времени в печати, чем ему способствовал в значительной мере известный английский журналист Вильямс, проведший десяток лет в России и прекрасно знакомый с российскими политическими условиями.

Однако, справедливость требует отметить, что на этих порах своего пребывания в Лондоне П. Н. Милюков держался в стороне от большой политики и не «ангажировался» в какую-либо определенную сторону, если не считать его решительного «нет» в вопросе о Принцевых островах, возбужденном два месяца назад Ллойд-Джорджем. В общем на меня производило впечатление, что он еще только присматривается к окружающей обстановке, к идеям и модам, а своего «курса» пока не имеет.

Далее мне сейчас же довелось ознакомиться, что в палате общин положение русского вопроса, т.-е. дела о помощи в борьбе с большевиками, далеко не блестящее. Коалиция Ллойд-Джорджа, в том виде как она вышла из недавних выборов, не имеет единого мнения в русском вопросе. Часть либералов не желала бы ввязывать Англию в большие расходы по оплате «экспедиций в Россию», исход которых проблематичен, а еще больше она не желает провоцировать Рабочую Партию, пользующуюся огромным влиянием на только-что демобилизованные и демобилизуемые миллионы солдат. Рабочая партия же, особенно Гендерсон и Макдональд, высказываются решительно против всяких форм интервенции, требуют даже немедленного отозвания английских войск из Архангельска и Мурманска, потому что раз война с Германией кончена, то нет надобности в их дальнейшем там пребывании, которое правительство Ллойд-Джоржда мотивировало в свое время обще-военными соображениями, а отнюдь не велениями «интервенции».

Что до самого Ллойд-Джорджа, то он по обыкновению сидел на двух стульях; он весь соткан из компромиссов, а если Принцевы острова и провалились сегодня — где гарантии, что он завтра не выступит с каким-нибудь новым столь же сенсационным предложением?

Его ближайший сотрудник по кабинету статс-секретарь по иностранным делам старик Бальфур, для которого атмосфера парижской мирной конференции становится тяжелой, повидимому, скоро уйдет совсем и его место займет известный ненавистник России Керзон, отношения которого к России известны всему миру из его обширного литературного труда об Индии. Он — наиболее выпуклый сторонник идеи ослабления России, как великой державы, в Европе и Азии, что, само собой понятно, может быть достигнуто только путем поддержания анархии в России и ее постепенного рас-

членения. Для сохранения могущества Великобритании, для окончательного устранения всякой угрозы для Индии, это — condito sine qua. А в палате общин эти идеи Керзона имеют сторонников как среди консерваторов, оставшихся верными старым заветам английской политики, так и среди либералов...

Правда, есть один член кабинета, который «душой и телом» стоит за всемирную интервенцию, это — Черчилль, военный министр. Он под разным соусом, пользуясь остатками исключительных правительственных прерогатив из эпохи войны, уже оказывает русским помощь вне контроля Палаты Общин и, верятно, будет оказывать ее посильно и впредь. Но и его дни сочтены, ибо над ним висит Дамоклов меч парламентского расследования атаки Дарданелл английским флотом, предпринятой без надлежащей подготовки по инициативе Черчилля и закончившейся, как известно, гибелью нескольких крупных судов.

Единственное, на что при данных условиях можно рассчитывать, да и то с известным нажимом на политическую логику, это — английская помощь оружием и снабжением до тех пор, пока в Париже еще заседает мирная конференция и мир с Германией не подписан, т.-е. пока Ллойд-Джордж еще поглощен наиболее важным в данную минуту германским вопросом и таким образом лишен возможности заниматься en grandes lignes российской проблемой.

Еще одна возможность имеется налицо; это — отправка английских подкреплений на архангельский и мурманский фронты в виду тамошнего затруднительного положения ген. Айронсайда, вызванного несомненными успехами большевиков у Онеги. Но, судя даже по формулировке этого вопроса самим Черчиллем, это произойдет не в виде отправки целых частей, а лишь путем вербовки добровольцев среди только что демобилизованных солдат, часть которых, втянувшись в течение 4-х лет в военно-походную жизнь, никак не может высвободиться из нее — явление, отмеченное у всех участвовавших в мировой войне народов.

Приблизительно то же самое говорили мне мои старые английские знакомые из парламентских кругов, с которыми у меня сохранились связи еще с мирного времени, и, наконец, ближайшие «ведомственные» сотрудники Ллойд-Джорджа и Foreign Office'а.

Помню содержание двух моих бесед с проф. Симпсоном, который на Downing-street заведывал тогда русским отделом и пользовался у англичан большим авторитетом. Русские обрисовали его мне как инициатора плана отделения балтийских окраин от России и образования из них независимых республик, которые, разумеется, рано или поздно

должны превратиться в британские колонии. Это — он якобы «натравливает» Ллойд-Джорджа на единую и неделимую Россию, никто, кроме него, не обрисовывает так удачно съехавшихся в Лондон представителей Эстонии и Латвии в сторону провозглашения независимости, обещая им и финансовую, и военную помощь Англии.

Я застал на Downing-street в кабинете, напоминавшем скорее отделение петроградской Публичной библиотеки для научных работ, ученого, который, несмотря на свои официальные функции, отнюдь не прятал свои мысли за туманными дипломатическими формулами.

Его интересовал большевизм как социально-психологическое явление, а не как продукт «германских» козней, в чем старательно его убеждали тогдашние лондонские русские круги. Знаток истории России, он находил, что Ленин — неизбежное следствие социально-экономического развития России от Петра до Николая II, плюс — психологические особенности русского народа... Балтийская проблема, в ее актуальной практической постановке, его, Симпсона, действительно, занимает, но у него еще нет достаточно данных, чтобы судить, насколько обоснованы стремления балтийских окраин к независимости и «не совершат ли они самоубийства» — экономического и политического — отделившись от России.

Автономия в пределах возродившейся российской государственности или тесная федеративная связь — вот ближайшие возможности решения данной проблемы. Но русские, с которыми союзникам и, в частности, англичанам приходится сейчас иметь дело в Лондоне и Париже, говорят о возвращении к старому, о status quo ante bellum; в Лондоне, например, ему довелось слышать перефразировки устаревшей французской формулы относительно Австрии: «Если бы России не было вовсе — то ее нужно было бы создать, и именно такой, какой она была в 1914 г.»...

Почему?

В другой раз, когда разговор у нас уже шел о конкретных «политических» нуждах русских антибольшевистских организаций в Финляндии и Эстонии, тот же Симпсон спросил меня вдруг:

— Правда ли, что эстонцы, если только им удастся отразить новый натиск Троцкого на Нарву, заключат мир с Москвой?

Такой же вопрос — помню — через 2 — 3 недели после этого разговора поставил мне в Париже «правая рука» Вильсона по русскому вопросу, член американской делегации на мирной конференции Моррисон, назначенный вскоре

представителем Соед. Штатов в так называемой Балтийской Комиссии.

Тогда в Лондоне и Париже вопрос этот меня не удивлял, потому что еще перед моим отъездом из Гельсингфорса эстонский делегат Ханко, военный министр молодой республики, трудовик по своей партийной принадлежности, чистосердечно меня предупредил, что если соглашение с русскими по вопросу о военной кооперации не состоится, Эстония «к лету будет вынуждена начать с большевиками переговоры о мире — благо, Москва их настойчиво предлагает»...

Впоследствии, когда я опять уже сидел на южном берегу Финского залива в Ревеле, когда фронт Юденича уже развалился окончательно, а в Юрьеве дописывались последние страницы мирного договора (январь 1920 г.), мои эстонские друзья уже не скрывали более от меня, что первые «намеки» на возможность соглашения с Советской властью были сделаны именно из Лондона.

А читайте — исторической правды ради — тогдашние официальные английские заявления в Палате Общин: правительство His Majesty осведомлено о переговорах, но не производит на Эстонию никакого давления...

Еще на один политический «курьез» напал я в те дни в Лондоне: он относится скорее к истории финансовых дел Юденича, чем к чистой политике.

От Юденича, а также от А. В. Карташева я узнал перед моим отъездом в Париж, что в Лондоне сидит Ю. Гессен, директор общества «Кавказ и Меркурий» и «Волга», с мандатом устроить у англичан заем для покрытия первых расходов по предприятию Юденича, «ибо от Колчака деньги все не поступают».

Само собой разумеется, что я Гессена посетил в Лондоне. Он буквально «горел» своим делом и, нужно отдать ему справедливость, — совершенно бескорыстно, не в пример тем многочисленным мародерам и казнокрадам, которые впоследствии, точно пчелы, прилипли к денежному ящику сев.-зап. армии при полном попустительстве Юденича и ближайших его сотрудников.

Гессен, имевший большие связи в английских промышленных кругах, особенно в пароходных компаниях, в 2—3 недели поставил на ноги «весь» Лондон, кроме правительственных кругов, в отношении которых на первых порах требовалась строжайшая конспирация. Дошло до того, что ему удалось «достучаться» к дяде короля, герцогу Баттенбергскому, с которым — страшно сказать по тогдашним временам! — он объяснялся по... немецки и который обещал всяческое содействие вплоть до нажима со стороны самой короны...

Нашелся солидный крупный банк, который готов был дать, если не ошибаюсь, до 200.000 фунтов стерлингов под обязательства крупных русских промышленников и финансовых деятелей, находившихся тогда в Лондоне и организованных Ю. Гессеном в своеобразный консорциум ответчиков.

Намечалась при этом — если память мне не изменяет — следующая комбинация. Деньги эти из Англии не выходят, ибо для займа требуется разрешение канцлера казначейства. Финляндии в существующей сумме будет открыт кредит в Лондоне для закупки необходимых ей товаров и продуктов; она же, в свою очередь, выплатит эту сумму организации Юденича в Гельсингфорсе в финских марках по курсу дня. Так как портфель финляндского банка в отношении английской валюты в ту пору был весьма тощ, а товарный голод в стране (после коммунистического правления и германской оккупации), напротив, очень велик, при небходимости, вдобавок, покупать продовольственные продукты у американцев на доллары — то финляндское правительство в лице тогдашнего министра иностранных дел Энкеля казалось весьма заинтересованным в удачном исходе намеченной операции. А раз оно в ней заинтересовано, то оно должно облегчать, если уж не содействовать собственными силами осуществлению задач Юденича в пределах Финляндии. Иначе, ведь, русским нет смысла брать у англичан деньги, цель которых всем известна, а именно: покупка сапог, шинелей, продовольствия и медикаментов...

Но дело все-таки провалилось: «в последнюю минуту» банк подумал, что лучше будет, на всякий случай, осведомиться у правительства His Majesty, а правительство Ллойд-Джорджа, которое в ту минуту, быть может, действительно опасалось успеха Юденича у Петрограда, со всеми вытекающими из него последствиями для политики расчленения России, сказало «нет» или просто затормозило дело.

Так оно и заглохло окончательно.

Но мне скажут: ведь это же самое правительство Ллойд-Джорджа через несколько месяцев (в августе и сентябре 1918 г.) после образования Сев.-Зап. правительства, все-таки снабдило армию Юденича оружием и амуницией, снабжением и продовольствием и даже танками.

Совершенно верно. Сев.-зап. армия, действительно, получила от Англии некоторые транспорты «со всем необходимым», но, как мы это покажем более документально в последующих главах, транспорты эти, в большинстве случаев, представляли собой военный груз, отправленный раньше английскому экспедиционному отряду в Архангельск и Мурманск. Когда же летом 1919 г., вследствие развала белой

русской армии Миллера, этот корпус был отозван в Англию, шедшие для него транспорты в пути получили приказ итти в Ревель и отдать груз Юденичу и эстонцам.

В них оказалось большое количество предметов обмундирования, рассчитанных исключительно на зимние климатические условия архангельского фронта, но не на летнюю или осеннюю кратковременную кампанию под Петроградом. Затем там оказалось множество предметов, с точки зрения гигиенических потребностей весьма полезных, но встречающихся только в обиходе английского солдата, как, например, бритвенные приборы на целый корпус, зубные щетки, ремни для точения бритв и даже футбольные шары.

Нельзя, конечно, отрицать, что англичане привезли (я говорю «привезли», а не дали, ибо только часть привезенного досталась русским) также что-то около 40.000 пар обмундирования для солдат и 4.000 офицерских обмундировании. Но на-ряду с этим надо отметить и другой, не менее красноречивый факт, что на орудиях, доставленных на другом транспорте уже непосредственно из Англии, не оказалось... замков, а на танках, с помощью которых предполагалось прорвать фронт 7-й большевистской армии, обороняющей Петроград, не оказалось... пулеметных лент. Кто знает аккуратность англичан, тот едва ли объяснит этот случай простым «недосмотром», результатом которого получилось то, что петроградская операция Сев.-зап. армии, предполагавшаяся в сентябре, была отложена до середины октября, когда на подступах к столице грянули морозы и выпал снег.

Таким же «недосмотром» надо, очевидно, объяснить и внезапный провал лондонской финансовой операции: подозрительным, как мы говорили, было во всяком случае то, что лорд казначейства «до последней минуты» ничего не знал о тайне Полишинеля лондонского финансово-промышленного мира.

Здесь для будущего историка российской революции небезынтересно будет отметить, какими путями Юденич достал, однако, денег для технического оборудования своей петроградской операции. Мы подходим здесь вплотную к много нашумевшему в свое время вопросу о кредитках, выпущенных Сев.-зап. Правительством, размен которых на английские фунты якобы обеспечен был особым соглашением между Сев.-зап. Правительством и английским кабинетом по примеру выпуска рублей архангельским правительством, произведенного весной 1919 г. и действительно гарантированного Англией.

Что больше всего меня поразило по приезде в Париж (начало апреля 1919 г.), это — полная оторванность местных

людей от России, российской действительности, и нежелание признать этот факт.

В Нарве, в Ревеле и даже в Гельсингфорсе я дышал петроградским воздухом; там я ощущал Россию всем своим существом — здесь же, в Париже, все было салонно-мертво, все отдавало канцелярщиной да затхлостью мысли и чувства.

Беженской массы еще не было — она нахлынула только осенью и зимою 1919-20 г. после поражения Деникина. Были только «верхи» и среди них — сливки тогдашнего противобольшевистского движения. Но на меня, приехавшего из гущи борьбы, производило впечатление, что эти люди занимаются политикой по инерции, словно от скуки и тоски, даже элемент тщеславия отступал на задний план.

Я помню «парад», которым было обставлено мое выступление с докладом в политическом Совещании в роскошном палаццо российского посольства на rue Grenelle на второй или третий день после моего приезда. С портретом царей, с гобеленов, с позолоты на стенах и потолке, с роскошных ваз и дорогих персидских ковров на меня смотрели столетия российской истории. Я точно попал в музей, куда давно уже не заглядывал посетитель, к любителю-коллекционеру, который прячет свое добро от людского взора. Все было «в порядке», но все под стеклом или в футляре...

Накануне я успел посетить П. В. Струве, который находился в тесном общении с А. В. Карташевым и через которого, главным образом, и велась переписка между гельсингфорской организацией и парижским политическим Совещанием. Из этого визита, затянувшегося на три часа, я вынес впечатление, что в Париже мне нужно «рубить». Курс держится здесь определенно правый, если же о демократии и говорят, то только потому, что таков сезон, мода, установленная мирной конференцией с легкой руки Вильсона.

П. В. Струве, со свойственным ему доктринерским упрямством, на все мои доводы в пользу подлинно-демократической здоровой политики в Финляндии и Эстонии, которая одна только и может обеспечить успешное соглашение по вопросу о военной кооперации с Юденичем — на все мои доводы бывший марксист и социал-демократ отвечал, что лишь национальная идея спасет Россию, и эта национальная идея не допускает «распродажи» России разным эстонцам и финляндцам за чечевичную похлебку проблематичного военно-технического сотрудничества с Юденичем.

Кроме того — рассуждал Струве, и этот его взгляд высказали мне потом и другие члены Политического Совещания — судьбы большевистской власти решатся, повидимому, не у ворот Петрограда, а на Волге, куда Колчак уже подхо-

дит с своей победоносной, прекрасно оборудованной и закаленной в боях армией.

В ту пору, действительно, в Париже преобладало мнение, что Юденич и Деникин, буде они поведут свои полки на Москву и Петроград, в лучшем случае будут только «эпизодами» в истории вооруженной борьбы с Советской властью, тогда как Колчак — все. Я не знаю, конечно, какие данные имелись тогда в Париже, для такой переоценки военной мощи Колчака, но уже одна вера или желание верить в могущество адмирала кружили многим голову.

Политическое Совещание, не допущенное по настоянию Клемансо к участию в трудах мирной конференции, хотя бы и на правах консультативного органа, посылало Совету Четырех и Совету Десяти ноту за нотой, причем, по мере продвижения Колчака к Уралу и Волге, тон этих нот становился, естественно, горделивее и заносчивее.

Одна из них, выпущенная чуть ли не за неделю до моего появления в Париже, — помню — испортила мне много крови при моих переговорах с парижской эстонской делегацией, предпринятых совместно с В. Б. Савинковым и Н. В. Чайковским. Она заключала в себе в выражениях, не оставляющих места для сомнений или различного толкования, протест против признания de facto правительств Эстонии, Латвии, Литвы и др. Выходило так, что эти окраины, освободившись собственными силами, т.-е. путем кровопролитной борьбы, от большевиков, должны были послать в Париж делегатов к русскому Политическому Совещанию с челобитной назначить им наместников и правителей.

Очками П. Б. Струве смотрел на вещи и Маклаков, сохранивший за собой звание российского посла, но которого бывшие друзья и доброжелатели России иронически называли l'ambassadeur d'unerande impuissance, что русскому уху особенно приятно было слышать после Восточной Пруссии и Карпат.

Вообще, как я заметил, известный московский адвокат и прекрасный оратор чувствовал себя далеко не уютно в хоромах российского посольства в Париже. В дипломатическом деле он не был мастером на ряду с такими профессиональными «чародеями», как Сазонов, Гирс, Извольский и Бахметьев, заседавшими в Политическом Совещании и руководившими всей его дипломатией. Ораторский же талант и другие адвокатские способности не нужны, ведь, в Париже послу d'une grande impuissance. Не станет же он в самом деле, выступать на митингах в Societe de savants и пускаться в полемику с Минором и Зензиновым, только что прибывшими из Сибири для разоблачения реакционно-диктаторской политики Колчака...

Зато роль играл здесь Сазонов. В Париже, он — свой человек. Все эти Ллойд-Джорджи, Керзоны, Пишоны и Тардье еще недавно пороги обивали у России, а он, министр иностранных дел государства российского, разговаривл с ними, во всяком случае, как равный с равными. Он знает все их слабости, все уязвимые точки, все затаенные мысли. Он наконец и в личном отношении близок к ним. Не может же быть, чтобы они его игнорировали, чтобы они его превзошли в знании тонкостей дипломатического искусства...

Ближайшими его сотрудниками по дипломатии были тогда в Париже А. П. Извольский, русский посол в Италии — Гирс и посол в Соед. Штатах —Бахметьев. При Политическом Совещании существовал особый дипломатический отдел, нечто в роде Министерства Иностранных Дел, в котором были представлены все российские послы заграницей независимо от того, были ли они назначены еще царским правительством (Гирс) или Временным (Маклаков, Ефремов).

По какому критерию или, точнее, по какому недоразумению в число членов Политического Совещания попал и А. П. Извольский — оставалось загадкой. Не потому ли, что он состоял царским послом в Париже до назначения Маклакова или оттого, что он имел «связи» на берегах Сены? Но ведь та широкая общественно-демократическая арена, на которой должна была строиться антибольшевистская политика за границей, a priori исключала эти старые «связи».

Столь же загадочным показалось мне через несколько дней участие того же Извольского в управлении только-что основанного телеграфного агентства Union, редактирование которого было предоставлено Бурцеву. В этом «институте пропаганды и агитации» принимали участие, насколько мне помнится, Струве, Савинков, Бурцев, Деренталь, Коновалов и Извольский, причем заседания этой директории происходили в помещении савинковского «бюро» на улице Ренуар один или два раза в неделю.

Кстати о Коновалове.

Этот бывший министр Временного Правительства при первой же встрече со мною у Савинкова, узнав, что я только что приехал из «гущи», обратился ко мне с просьбой дать ему, елико возможно, исчерпывающий список видных большевистских деятелей... евреев, скрывающихся под псевдонимами. Когда я сделал удивленное лицо, Коновалов быстро поправился:

— Меня лично, конечно, этот вопрос не интересует, но французы вот приступают: дай им евреев...

На присутствующих эта сцена не произвела никакого впечатления — очевидно, так полагалось. Петр Бернгардович продолжал гладить свою бороду, низко, по обыкновению, опустив голову, а Бурцев тогда только обратил внимание на вопрос Коновалова, когда я подчеркнуто сухо ответил, что никогда не занимался этим делом, ибо оно меня нисколько не интересует.

В. Л. Бурцев в ту пору уже открыл было для своих читателей новую Америку на столбцах своей «Cause Commune».

— Большевики — не русские, они — кто угодно, только не русские.

При этом Бурцев совершенно не отдавал себе отчета, что этой своеобразной пропагандой он только вредит тому общему белому делу, которому он служил, и еще больше ущерба наносит идее интервенции. Ибо французы, а равно англичане и другие союзники недоуменно спрашивали:

— Если большевики — не русские, то что же делает русский народ? Отчего он их не убирает одним ударом кулака, а все обращается к нам, чтобы мы это сделали? Очевидно, каждый народ, действительно, заслуживает того правительства, которое он имеет...

Я близко знал Бурцева по Петрограду, где мы вместе участвовали в разных литературных изданиях, и поэтому при частых наших собеседованиях в Париже я, конечно, не преминул обратить его внимание на неудобства методов его пропаганды, даже исходя с точки зрения общих разделяемых им идей, — например, на исторический вопль «Кто не за Колчака, тот против него, тот — преступник по отношению к своей родине».

Это была явная тактическая глупость даже для ярых колчаковцев, ибо Колчак мог провалиться, и тогда его сторонникам пришлось бы создавать другого «бога», вместо другого — третьего и т. д.

Впрочем, В. Л. Бурцев так и поступил. После Колчака он нашел Деникина, а после него — Врангеля.

Но и тогда уже, когда я ему указывал, что нельзя всего строить «на личности» Колчака, он с такими же фанатическим упрямством защищал адмирала от всякой тени критики, с каким в свое время в Петрограде боготворил Корнилова.

А между тем даже сами большевики признают ныне, что именно августовское выступление Корнилова впервые толкнуло их на мысль произвести серьезную попытку захвата власти, ибо именно вследствие Корниловского выступления часть петроградского пролетариата получила оружие, а горнизон столицы усиленно стал разлагаться.

Вообще колчаковский фанатизм Бурцева был феноменален. Припоминаю следующий эпизод.

Через несколько месяцев после описываемых здесь событий, когда я опять уже сидел в Ревеле, когда там в таких тяжелых муках только что родилось Сев.-Зап. Правительство (10-го авг. 1919 г.), В. Л. Бурцев стал посылать мне одну телеграмму за другой с просьбой изложить ему мое личное мнение об этом правительстве и его задачах. Он, очевидно, не знал, какой тон ему взять по отношению к ревельским событиям. С одной стороны, он лично знал некоторых людей, вошедших в состав ревельского правительства, и не мог сомневаться ни в их политической честности, ни в их преданности демократическим принципам; с другой же стороны, в Париже, в кругах Политического Совещания. Северо-Зап. Правительство считалось «революционным» за то, что оно уклонялось от открытого признания верховенства Колчака, а вместо этого скрепило своей подписью независимость Эстонии, растоптав, таким образом, идею единой и неделимой России...

Но в этом правительстве участвует и Юденич, как главнокомандующий, назначенный не «революционным» Сев.-Зап. Правительством, а Колчаком... В чем тут дело? Неужели англичане все напутали?

Бурцев долго терялся в догадках, а его «Общее Дело» молчало. И только после того, как я в длинной депеше изложил ему суть дела и показал, что образование ревельского правительства с его программой было абсолютно необходимым, Бурцев принял по отношению к Ревелю тон умеренного благожелательства.

Попутно отметим еще, что в ту пору не одно только бурцевское «бюро» вело антибольшевистскую пропаганду в парижской печати — я насчитал в Париже не менее 7 таких учреждений, работавших независимо друг от друга и в самых противоположных направлениях. Одно «Pressebureau» состояло при посольстве в ведении одного из чиновников, другое при Союзе Возрождения, третье — при Политическом Совещании, четвертое — эс-эровское, пятое — монархическое и т. д. Все эти бюро печатали и рассылали бюллетени, причем французские газеты в очень редких случаях пользовались достовляемым им материалом—очевидно, по «покорнейшему» совету Клемансо, который еще пользовался тогда цензурным аппаратом и ненавидел русскую пропаганду.

Так, по крайней мере, Бурцев и другие объясняли мне тогда «сдержанность» французской печати.

Но если число русских «Pressebureau» доходило до 7, то еще большее удивление вызвало у меня число «клубов»,

т.-е. политических направлений, на которые разбилась тогдашняя парижская колония. Их насчитывалось 13, причем в одном только Политическом Совещании, состоявшем, кажется, из 14 человек, имелось 5 различных фракций или течений.

Уже после первого моего выступления с докладом в Политическом Совещании у меня не осталось сомнения, что я стучусь в наглухо закрытые двери.

Кн. Львов председательствовал и молчал. Коновалов, Ефремов и Третьяков (все — бывшие сотрудники и члены Временного Правительства), отделывались ничего не стоющими замечаниями и столь же бесценными расспросами о внутренних условиях в Финляндии и Эстонии. Зато ясно и определенно говорил и ставил вопросы С. Д. Сазонов. Сразу видно было, как мы уже отметили, что он здесь — хозяин положения.

Финляндия требует признания своей независимости — это может быть дано только Колчаком, но с оговорками стратегического свойства...

Эстония настаивает на признании за нею права на самоопределение — но ведь она только что вылупилась...

Что касается левого крыла Совещания, Н. В. Чайковского и Б. В. Савинкова (последний еще считал себя тогда членом партии эс-эров), то с ними у меня было решено вести переговоры сепаратно — благо я не был связан никакими директивами из Гельсингфорса.

Эти переговоры у нас скоро и начались. Чтобы лишить их академичности, мне показалось необходимым после первой же беседы привлечь к участию в них эстонскую делегацию, тем более, что речь ведь шла у нас о конкретном вопросе, т.-е. о выработке соглашения с эстонцами по вопросу о военной кооперации. В Ревеле и Гельсингфорсе эстонцы настаивали на предварительном получении «бумажки» от той или иной влиятельной русской демократической организации с патентом на самоопределение. Так как, помнится, гельсингфорская организация Юденича и Карташева этой «бумажки» не давала, мне показалось необходимым действовать в этом направлении здесь, в Париже, среди «левых» русских.

Глава эстонской делегации в Париже Пуста был в курсе наших ревельско-гельсингфорских переговоров. Сепаратист par excellence, он тем не менее отдавал себе отчет в том, что Эстония собственными силами долго не продержится против натиска большевиков, что, следовательно, молодой республике потребуется помощь извне, в данном случае, помощь русского Северного Корпуса плюс силы, которые Юденич организует.

Мало того. Недостаточно, чтобы русские и эстонцы совместно только оборонялись на территории Эстонии, а необходимо создать такое положение, при котором они соединенными силами бросились бы вперед и взяли коммунистический Петроград — эту постоянную угрозу для молодой республики. Тогда русские получат для дальнейшей борьбы такую мощную базу, как Петроград, а Эстония не будет больше находиться под Дамокловым мечом новых налетов Троцкого.

Таков был ход мышления эстонских «сепаратистов», в том числе и их наиболее ярого представителя в Париже г. Пуста.

Само собой понятно, что предварительным условием sine qua для выработки военно-технической конвенции они ставили получение «отпускного свидетельства» — признание права на самоопределение, со всеми вытекающими отсюда для обеих сторон последствиями.

Чтобы придать нашим переговорам характер вящшей конкретности, Пуста привлек к участию в них также главу эстонской делегации в Лондоне проф. Пийпа, назначенного месяца через 2 после описываемых здесь событий министром иностранных дел и впоследствии подписавшего в Юрьеве мирный договор с большевиками.

Переговоры наши начались. Они происходили в помещении эстонской делегации на rue Alboni, 7, причем эстонцы, во избежание уязвления нашего великодержавного самолюбия, каждый раз предлагали перенести переговооы в любое место. С нашей, русской, стороны участвовали Чайковский, Савинков и я; с эстонской — Пийп, Пуста и некий третий, прибывший из Ревеля, эстонский представитель, имени которого не припомню сейчас.

Я остановлюсь здесь только на одном нашем собеседовании, которое оказалось решающим для дальнейшего развития вопроса. Протоколов мы не вели, но общее содержание этой беседы у меня еще свежо в памяти.

Началось с того, что эстонцы взяли «быка за рога». Они стали выдвигать мотивы, побуждающие их требовать от русских предварительного признания за Эстонией права на самоопределение, т.-е. независимости, причем главным мотивом было следующее:

Никогда эстонский народ, эстонская армия не поймут необходимости сражаться вместе с русскими за Петроград, если независимость Эстонии не будет обеспечена каким-нибудь актом. Эта армия отразила до сих пор все натиски большевиков именно потому, что на ее знаменах золотыми буквами было начертано слово «независимость». Без этого знамени, без этой идеи, которая воодушевляла народные

массы, страна давно бы уже впала в объятия большевизма, ибо волею судеб в ней существовали почти те же экономические, политические и психологические предпосылки, которые породили большевизм в остальной части России... Эстонцы, конечно, понимают, что русская демократия затрудняется признать независимость Эстонии не столько по принципиальным соображениям, сколько по экономическим и стратегическим. Россия, лишившись финляндских портов, будет совершенно отрезана от моря, если от нее еще уйдет незамерзающий, только что выстроенный, 'Балтийский порт и Ревель. Но для предотвращения такой оторванности от моря имеется много возможностей например, заключение определенных конвенций с Эстонией относительно пользования ревельским портом, соглашения о железно-дорожной сети и т. д. России, наконец, могут быть даны и некоторые стратегические гарантии, как, например, обязательство Эстонии соблюдать вечный нейтралитет и препятствовать тому, чтобы ее порты и острова, как морские базы, были использованы какой-либо третьей стороной. Но все эти конвенции и соглашения, само собой разумеется, должны быть облечены в форму международно-правовых договоров, заключенных между равными...

Pacti clari, amici bom.

Н. В. Чайковский, который все время молчал, полулежа в глубоком кресле почти в дремотном состоянии, при последних словах эстонского делегата вдруг вскочил:

— Вы говорите «как равный с равным». По вашему, значит, отложение Эстонии от России — совершившийся факт?

— Да.

— Но вы представляете себе, что Россия без Ревеля жить не может?

— Представляем, а потому и предлагаем вам конвенции.

— Великая Россия, стало быть, должна будет зависеть от доброй воли Эстонии?

— Все будет основано на взаимности...

В диалог вмешался Б. В. Савинков, который вначале в тоне лектора, а потом с заметным раздражением стал доказывать, что в такой же мере как Россия не сможет жить ни экономически, ни стратегически без эстонских гаваней, в такой же мере Эстония, как хозяйственная единица, совершенно независимая от России — немыслима. Россия будет демократией — это бесспорно. А с русской демократией эстонский народ найдет пути соглашения. Во всяком случае победа демократии в России представит для эстонцев больше гарантий «свободной самостоятельности жизни» (может быть, в форме федерации), чем тысяча бумажек о независимости...

— Но и русская демократия, — прервал Н. В. Чайковский, — пойдет войной на Эстонию, если у нас отнимут Ревель. Поймите же, это для нас вопрос жизни или смерти.

Эстонцы переглянулись. Наступила общая неловкость. Все умолкли. Лондонский представитель Эстонии, проф. Пийп, который до тех пор почти не участвовал в дебатах, откашлянувшись нервно несколько раз, наконец, сказал:

— Мы, во всяком случае, очень вам благодарны за откровенность. Отныне мы знаем, что нас ждет и от русской демократии, если она окажется у власти.

Чтобы ввести разговор в более спокойное русло, я стал доказывать, что в данную минуту речь идет не об отдаленном будущем, а о конкретных вопросах сегодняшнего дня. Эстонцы находятся сейчас в затруднительном положении, что эстонским делегатам известно столько же, сколько и мне, человеку прибывшему с места. Эстонская армия еще продержится, быть может, месяц — два, а потом наступит момент, когда она должна будет сложить оружие перед Троцким, если она не получит помощи извне. Эта помощь, как это явствует из общего международного положения, не может быть дана союзниками: ее образуют только русские войска, которые вот уже несколько месяцев сражаются бок-о-бок с эстонским народом на полях Эстонии, плюс те силы, которые Юденич организует. Все это признается и эстонцами, как это доказано декларациями правительства и дебатами в ревельском Учредительном Собрании. Нужна кооперация, ей должна предшествовать конвенция, а конвенции — политическая декларация о русско-эстонских взаимоотношениях. Но так как ни одна из существующих сейчас русских политических организаций (именуется ли она «правительством» или иначе) не знает в данную минуту, как будущее российское Учредительное Собрание отнесется к вопросу о самостоятельности Эстонии, то в вышеупомянутой политической декларации могло бы быть оговорено, что 1) российская демократия, первая провозгласившая принцип самоопределения народов, признает этот принцип и за Эстонией, обязуясь, само собой разумеется, после изгнания большевиков и созыва Учредительного Собрания всемерно бороться за него; 2) что российское Учредительное Собрание выделяет из себя особую комиссию, которая на равных правах совместно с комиссией эстонского Учредительного Собрания и решает все вопросы, вытекающие из нового положения, при чем, в случае разногласий, спор отдается на разрешение Лиги Наций... Данный момент, во всяком случае, непригоден для теоретических споров: эстонская армия, насчитывающая 25 — 30 тысяч человек, тает. Единственный выход из положения — взять Петроград.

Чайковский и Савинков явно остались недовольны моей примирительной формулой. Они ее не поддерживали, но и возражать против нее им было неловко. Эстонцы, напротив, особенно проф. Пийп, высказывались в том смысле, что она, во всяком случае, является «базой для дальнейших переговоров».

Но тут в разговор вмешалось новое обстоятельство. Б. Б. Савинков стал указывать, что он не «частное» лицо, а один из представителей Колчака в Париже, а как таковой он должен предварительно затребовать полномочий из Омска. Хорошо будет, если тем временем и эстонские делегаты получат полномочия из Ревеля.

Это предложение всецело было поддержано Чайковским, который после своей угрозы «войной», уже больше не говорил. Эстонцы же за эту мысль ухватились обеими руками; они, как мне известно, давно уже мечтали получить хотя бы какую-нибудь «бумажку» из рук Колчака, чтобы сейчас же ткнуть ее в нос союзникам да сказать им: «Вот, видите, сами русские признают наше право на самостоятельность, а вы все медлите»...

Впоследствии, как мы в дальнейшем увидим, эстонское правительство действительно обязало Северо-Западное Правительство хлопотать перед Антантой и правительством Колчака о скорейшем признании независимости Эстонии.

Попутно отметим здесь, что в тогдашнем эстонском правительстве (коалиционном) заседали самые видные социал-демократические деятели во главе с Геллатом, а председателем Учредительного Собрания также состоял социал-демократ меньшевик Рей. Но все они, так же как и буржуазные элементы правительства и Учред. Собрания, были убеждены тогда, что именно Колчак устранит власть большевиков и что «бумажка» от него будет иметь международно-правовое значение.

Факт, во всяком случае, что эстонцы получили тогда не одну, а несколько деклараций Сев.-Зап. Правительства о признании абсолютной независимости плюс обязательство ходатайствовать об этом перед Антантой и Колчаком. Этого же, естественно, они добивались и раньше, будь то в Гельсингфорсе или в Ревеле. Поэтому и теперь, при наших парижских переговорах, они с таким чувством удовлетворения встретили заявление Б. В. Савинкова о необходимости для него заручиться полномочиями из Омска.

Еще один вопрос — помню — поставили они перед закрытием заседания.

— Если вы так уверены, — сказал проф. Пийп, обращаясь к Савинкову, — в победе именно демократии в России, то почему же вы, как представитель этой демократии,

боитесь выдать нам «хартию вольностей», т.-е. признание за нами права на самоопределение?

Савинков подумал и ответил так, как в ту пору отвечали все сторонники «единой и неделимой»:

— Никто сейчас не уполномочен расчленять Россию, но в Учредительном Собрании мы будем стоять за вас...

Эстонцы усмехнулись.

Когда мы вышли на улицу, Чайковский сказал:

— С этими господами у нас ничего не выйдет...

Но не один только Чайковский в своем высоком звании главы северного правительства придерживался тогда мнения, что русской демократии, в том числе и социалистической, ни под каким видом не следует уступать назойливым требованиям балтийских окраин о независимости. Помню, уже спустя год после описываемых здесь событий, когда сев.-зап. фронта уже не было, а Юденич уже находился в Париже, я встретился в Праге с эс-эровским лидером Минором. У нас зашел разговор о ревельской эпопее, о политике Сев.-Зап. Правитльства и, в частнсти, об Эстонии. И вот «подлинный эс-эр», а не какой-нибудь отщепенец Савинков, в самых категорических выражениях стал доказывать мне, что основной ошибкой всех тогдашних русских политических деятелей в Ревеле было... признание независимости Эстонии.

— Русская демократия, — говорил Минор и, конечно, не преминул прибавить «трудовая», — разумеется, полностью принимает принцип самоопределения народов, и вы помните еще, что он красной нитью проходил через всю нашу деятельность еще в Петрограде со дня февральской революции до большевистского захвата власти. Но методы практического применения этого принципа различны в зависимости от общей международной обстановки. Германские социал-демократы, так называемые шейдемановцы, — помните, — тоже стояли за принцип самоопределения, а между тем в вопросе, например, об Эльзас-Лотарингии, они занимали особую позицию, продиктованную им исключительно экономическими соображениями... Кроме того, вас в Ревеле просто шантажировали и, в первую голову, господа англичане. Так я и мои политические друзья, так мы и смотрели в свое время на ваши ревельские события, но мы не вмешивались в них по чисто тактическим соображениям...

Под последними О. С. Минор понимал, очевидно, «своевольное» выступление группы социалистов-революционеров сев.-зап. области, которая год тому назад решила участвовать в Сев.-Зап. Правительстве, делегировав для этой цели двух своих членов в кабинет Лианозова, причем ни тогда, ни после они не были за это преданы анафеме пражским

или парижским эс-эровскими комитетами. Напротив, поскольку мне известно, первосвященник эс-эровской доктрины В. М. Чернов, посетив Ревель после бегства из Сов. России осенью 1920 г. и выслушав заявления местных эс-эров об условиях, в которых они принимали участие в деятельности Сев.-Зап. Правительства, вполне одобрил их тактику.

Мало того. Блок русских социалистов в Ревеле, в котором участвовали некоторые видные партийные работники, при образовании Сев.-Зап. Правительства вотировал ему доверие и поддерживал декларации, в частности, его решения о признании нзависимости Эстонии.

II. БЕЛЫЙ ФРОНТ И БЕЛЫЙ ТЫЛ.

Ничего не было сделано для надлежащей политической и военной организации фронта и тыла. Оружие и снабжение еще только стали поступать и, вследствие отсутствия удобных путей сообщения и чудовищного бюрократизма военного ведомства, в частности, интендантства, очень туго переправлялись на фронт. Бывали, например, случаи (точнее, стало почти нормой), что в одну фронтовую воинскую часть поступает партия солдатских брюк, а в другую партия френчей, между тем как поголовно вся солдатская масса была полуголой. Местные интенданты ждут, пока получатся соответствующие «пары», и до тех пор солдатам ничего не выдают.

В результате — недовольство и ропот.

Выгружается, например, в ревельском порту большая партия грузовиков, столь необходимых как для перевозки войск на фронте, так и для доставки снабжения и провольствия в бездорожном районе. Оказывается, однако, что Отдел Снабжения не позаботился о предварительной покупке бензина. Рядом с этим наблюдается и следующее: первые большие партии — френчей, шинелей и сапог идут исключительно на обмундирование многочисленных тыловых частей в Нарве и Ревеле, что опять-таки вызывает острое негодование «фронтовиков». Нарва, этот первый тыловой пункт, полон «английских» офицеров—«золотопогонников», окопавшихся в бесчисленных штабах. Ревель кишмя кишит толпами блестящих щегольски одетых гвардейских офицеров, бывших кавалергардов, гусар и кирасир, заполняющих все гостиницы, рестораны и увеселительные места. На фронте же солдатская масса и субалтерный офицер, по признанию самого Юденича, еще мрут от голода, потому что Главный Интендант ген. Янов еще только налаживает свой аппарат.

Обилие генералов — роковая черта сев.-зап. армии. В сентябре число комбатантов не превышало 20 тысяч человек (при 70-ти тысяч «едоков»); ген. же Юденич имел в своем распоряжении до 53 и всем, конечно, нужно было давать работу соответственно чину и прежней дореволюцион-

ной службе. Это считалось законом для Юденича, и он свято соблюдал его до последней минуты.

Откуда вдруг взялся этот многочисленный генералитет, — один бог знает. Одни, надо думать, прибыли из Финляндии и соседней Латвии, где стояли большие русские части, образованные из бывших русских военно-пленных в Германии, так называемые «бермонтовцы», о которых речь впереди; другие, более знатные, прибыли от Деникина и из союзных стран. Среди последних выделялись знаменитый Краснов, Глазенап и некий ген.-майор Владимиров, настоящая фамилия которого Новогребельский. О нем говорили, что в царскую эпоху он состоял жандармским полковником.

Это была одна из крупнейших «политических» фигур сев.-зап. армии, оказавшая самое пагубное влияние на весь последующий ход событий. Скромный на вид, вечно застегнутый на все пуговицы своего английского «френча», молчаливый, он скоро целиком забрал главнокомандующего в свои руки и определял всю его тактику в отношении Правительства и «гражданского» управления тылом. Кандидатуры будущих военных и гражданских администраторов Петрограда намечались не иначе, как с благословения его, Владимирова. Контр-разведкой распоряжался он, при чем порою в целях вящщего воздействия на умы красноармейцев, подведомственные ему чины прибегали к печатанию подложных прокламаций—летучек, за подписью большевистского революционного Воен. Совета, с обещанием раздачи особых пайков и дополнительных предметов обмундирования, как то: шинелей и сапог к определенному сроку.

По его инициативе во второй половине октября, когда казалось, что вот-вот Петроград будет взят, контр-разведкой тайком были заготовлены особые летучие автомобильные колонны, которые за ночь до торжественного вступления Юденича вместе с представителями союзных миссий в северную столицу, должны были ворваться в Петроград и там по списку, ведомому лишь контр-разведке, учинить кровавую расправу.

Это он же, Владимиров, несомненно, давал главнокомандующему советы, когда армия уже подходила к Петрограду, «разогнать» Правительство и вообще не пускать его в столицу, потому что своим демократизмом оно только помешает установить там «порядок и законность».

Это и многое другое, относящееся уже к области мелких политических дел, было делом рук Владимирова, с которым Г. А. Алексинский впоследствии соединенными силами «спасали» Юденича из рук эстонцев и увозили его в Копенгаген, а оттуда в Париж.

Были еще и другие знаменитости среди генеральской коллегии, но о них речь впереди. Бросалось, однако, в глаза уже в первые дни реорганизации армии, что настоящие боевые генералы, особенно из тех, которые служили верой и правдой Временному Правительству на ответственных постах, почему-то бракуются Юденичем. Так, например, случилось с известным боевым генералом, командующим армией Горбатовским, оставшимся без дела в Финляндии, и с бывшим Главнокомандующим Петроградского Военного Округа при Керенском генералом Васильковским, который долго в Ревеле обивал пороги в поисках дела.

Вообще нельзя не отметить, что в сев.-зап. армии высший офицерский состав и генералитет, точнее говоря, их функциональные способности, определялись обыкновенно степенью их принадлежности к той или другой из двух группировок внешне-политического свойства — германофильской или антантофильской. Это была своеобразная особенность сев.-зап. армии, имевшая свои объяснения в «генезисе» воинских частей, оказавшихся в это время на петроградском фронте, и бороться с которой оказались бессильными и Юденич, и Сев.-Зап. Правительство.

Надо помнить, что еще в течение июля и августа, а то еще раньше, на Северо-Западный фронт были переброшены морским путем некоторые русские части, стоявшие до тех пор в Латвии и Литве, образованные из бывших русских военно-пленных в Германии и отчасти из красноармейских боевых единиц, прорвавшихся через Польшу и Прибалтику в начале 1919 г. Мы имеем здесь в виду стяжавшую себе впоследствии известность «дивизию кн. Ливена» и некую «Тульскую» дивизию.

Ливенцы прошли в Риге при содействии известного германского генерала фон-дер-Гольца германскую школу, военную и политическую. Это были (как солдаты, так и офицеры) первые восточно-прусские пленные из кадрового состава старых гвадрейских полков. Они были прекрасно вооружены и обмундированы, их дисциплина, выправка и внешний вид напоминали «доброе старое время». Они носили мундиры и шинели германского образца, германские железные каски военного времени, и имели оружие исключительно германского происхождения. В составе северо-западной армии, где дух партизанщины был сильно развит «ливенская» дивизия в военно-техническом отношении представляла собою образцовую часть, на которую при предстоящем ударе на Петроград верховным командованием возлагались большие надежды.

Зато в политическом отношении «ливенцы» были наиболее реакционным элементом. Ее «воспитание» вполне со-

впадало с воспитанием ее старой знакомой по Риге, знаменитой германской железной дивизии фон-дер-Гольца, которая через год слишком послужила главным орудием для монархического Капповского переворота в Берлине.

Само собой понятно, что и после своей переброски из Риги на Северо-западный фронт, поддерживаемый материально союзниками, симпатии «ливенцев» остались всецело на стороне Германии. Офицерский корпус, в котором преобладали бывшие гвардейские кадровые офицеры и прибалтийское баронство, имел свои конспиративные организации, поддерживавшие все время тесную связь с Ригой, этим тогдашним гнездом германской военной реакции, в частности, с войсками Бермонта—Авалова. На почве «германофильства» и «антантофильства», между ливенской дивизией и остальными частями Сев.-зап. Армии происходили постоянные трения, духовной спайки между ними не существовало никакой, кроме разве элементарного стремления побить большевиков.

Другую «особь» в рядах Сев.-зап. Армии представляла собой некая «тульская» дивизия, оригинальнейший продукт российской действительности. Еще относительно недавно она была красной дивизией и стояла в Гомеле. В марте 1919 г. она подняла восстание против советского режима, перебила комиссаров и стала скоро хозяином положения в Гомеле и ближайших пунктах. Но так как соседние красноармейские дивизии ее не поддерживали, перед ней встала делемма либо сдаться большевикам, которые с разных сторон уже стягивали силы для расправы с восставшими, либо через Украину пробиться в Польшу, а там, вне пределов досягаемости для большевиков, осмотреться, что дальше делать. Она выбрала последнее и пробилась с оружием в руках в Польшу. Но там поляки ее обезоружили, обобрали до ниточки и разместили в концентрационных лагерях. В дело вмешались, наконец, союзники, в частности французы, для которых русские тогда еще не были неграми, и «тулякам» была дана возможность перебраться через Литву в Латвию (Либаву, Митаву и Ригу), где в ту пору (весна 1919 г.) накапливались русские анти-большевистские силы. Из Латвии, наконец, спустя 2 — 3 месяца тульская дивизия была переброшена морским путем через Ригу — Нарву на Сев.-зап. фронт.

В результате пережитых мытарств, гонений, систематического недоедания, тульская дивизия превратилась в распущенную, разнузданную часть. Дисциплина в ней отсутствовала, политическим ее воспитанием никто не занимался. В солдатской массе преобладало одно стремление — «домой», причем и необходимость предстоящей борьбы с большевиками принималась ею только как средство вернуться

домой. Офицерский состав жил обособленно; вследствие вынужденной хозяйственной «самостоятельности» за время хождения по мукам одна часть офицеров превратилась в барышников — спекулянтов и совершенно потеряла воинский облик, другая считала себя «аполитичной».

Для характеристики нравственного состояния «туляков» в момент их переброски на наш фронт приведу следующий случай.

Ко мне в редакцию «Свободы России» часто захаживал, наезжая с фронта, командир этой дивизии полковник Стрекопытов, еще относительно молодой человек (35 — 40 лет), на вид энергичный, уравновешенный и наблюдательный. Он приходил так, как приходили другие «фронтовики», солдаты и офицеры — делиться впечатлениям о состоянии духа армии, указывать на недостатки, просить поддержки. Однажды некто, только что вырвавшийся из Советской России обратил мое внимание на то, что там о тульской дивизии говорили, будто, уходя из Гомеля, она захватила с собой всю касовую наличность тамошнего отделения Государственного банка в размере чуть ли не 75 миллионов царских и думских рублей. Я пригласил полковника к себе на частную мою квартиру в гостинице «Золотой Лев» и там ребром поставил ему вопрос:

— А правда ли, полковник, что, уходя из Гомеля, вы захватили из Государственного банка 75 миллионов? Злые языки настойчиво об этом говорят...

Стрекопытов не смутился и ответил:

— Во-первых, не 75 миллионов, а половину того; во-вторых, я их не «захватил»: нельзя же было оставлять деньги большевикам...

— А что стало с этой половиной?

— Помилуйте, надо же было людей содержать в течение целого ряда месяцев нашего скитальчества.

— Есть у вас какая отчетность?

— По совести говоря — мало, растащили...

И подумайте: этим «духовным» вожакам тульской дивизии через месяца полтора было поручено спасать Россию.

В сущности, роль Сев.-зап. Правительства в дни, предшествовавшие приказу Юденича о наступлении, сводились к обеспечению технического и продовольственного снабжения армии. Это — единственное оправдание, почему оно так мало сделало в области политического воспитания фронта и тыла в духе провозглашенных им демократических лозунгов.

Во второй половине сентября положение вещей было таково, что Правительство не имело больше территории (русской), за исключением Гдовского и части Ямбургского уез-

дов. Псков был утерян вследствие «балаховщины», полоса же территории, идущая на восток от Гдова в направлении на железно-дорожную линию Гатчина — Луга — Псков, была доведена до крайне скромных пределов самим военным командованием в стратегических интересах предстоящего общего наступления. Таким образом, заготовленный правительством гражданский аппарат оставался без изменения, по крайней мере, до поры до времени.

Но нужно отдать справедливость министрам Сев.-зап.-Правительства: никто из них не «роскошествовал» по части штатов или внешней обстановки, и только злые реакционные языки могли распространять небылицы об отдельных членах Правительства, в особенности, о министре снабжения М. С. Маргулиесе только потому, что он — «жид». В действительности, как его министерство, так и другие помещались в одном каком-нибудь номере средней руки ревельской гостиницы; некоторые министерства, — как, например, Земледелие, Государственный Контроль, Народное Просвещение и др. занимали только отдельные столы в помещении русской гимназии на Нарвской ул., при чем зачастую весь их «штат» состоял из одного или двух чиновников, получавших к тому же крайне скудное содержание.

Не было дела, ибо не было территории. Политическая и гражданско-административная деятельность Правительства сводилась постепенно к «грызне» с верховным военным командованием, с главнокомандующим Юденичем и ближайшими его помощниками, точнее говоря, к обузданию их чрезмерной самостоятельности, которая стала заметно расти по мере поступления оружия и снабжения от союзников. Однако, и та «грызня» не выносилась Правительством на арену общественности, ибо оно все рассчитывало, что сама логика исцелит фронт и тыл от недугов, а «диктатора» — от бестолковщины и недомыслия.

Что же касается главнейших задач Правительства — деятельности по снабжению армии,—то, как мы уже неоднократно указывали, эта область была совсем изъята из ведения министерства вследствие легкомыслия допущенного в первые же дни после августовского «Coup d'etat». Деньги— миллион фунтов, полученные от Колчака, были у Юденича, и он до последней минуты оставался их хозяином. Правительство же располагало только теми крошечными фондами, которые Юденич от времени до времени представлял в его распоряжение для покупки медикаментов, санитарных средств, табаку и продовольствия. Таким образом, Правительство могло только н а б л ю д а т ь да и то с большим трудом, как интендантство «снабжает» фронт и тыл, само же оно в этой области почти совершенно бездействовало, если

не считаться с единичными случаями заключения контрактов по покупке и доставке продовольствия для гражданского населения петроградского района в дни обострения борьбы у ворот северной столицы.

Из хроники тех дней припоминаю следующее:

Юденич был настолько уверен в удачном исходе операции против Петрограда и эта уверенность по мере его продвижения в нем настолько окрепла, что 19-го или 20 окт., т.-е. сейчас же вслед за взятием Гатчины и Царского Села, он с позиций посылает по прямому проводу телеграмму Председателю Совета Министров Лианозову держать наготове весь запас продовольствия для Петрограда, а первые партии немедленно нагрузить, ибо занятие столицы последует не позднее... 2 — 3 дней.

Само собой понятно, что эта телеграмма вызвала в Ревеле неописуемую радость: все стали укладывать чемоданы, а «сотрудники» отмеченного раньше генерала Владимирова уже приступили было к составлению списков лиц «коим въезд в Петроград не разрешается». Правительство одним ударом купило чуть ли не 100 вагонов картофеля для бесплатной раздачи населению Петрограда, скупалось вообще все, что только доступно было на эстонском продовольственном рынке и в соседней Финляндии и что только могло бы обрадовать изголодавшегося петроградского жителя. Эстонская марка вмиг была обесценена, что вызвало крах многих предприятий, русский же рубль, в том числе и так называемые «Юденьки», котировались чуть ли ни на вес золота. А так как Ревель в те дни был полон всяких рыцарей наживы, отечественных и чужих, съехавшихся сюда с разных сторон в ожидании взятия Петрограда, то никого не удивит, что и шампанское уже потекло рекой. Продавались и покупались петербургские дома и торгово-промышленные предприятия, заключались всякого рода другие сделки на умопомрачительные суммы и обязательно в фунтах, долларах и рублях, ибо об «экзотических» валютах никто больше и слышать не хотел.

Помню, кстати, что в те дни в Ревель срочно прибыло из Лондона представительство некоего консорциума английских банков во главе с известным Личем для ведения переговоров с Сев.-зап. Правительством о немедленном открытии в Петрограде особого русско-английского эмиссионного банка. Лианозов — надо отдать ему справедливость — значительно урезал английские аппетиты в целях ограждения русских интересов. Тогда — Лич его обошел и обратился непосредственно к Юденичу, который, конечно, на все согласился.

Только внезапное поражение Юденича помешало осуществлению этой затеи.

Примчался из Стокгольма в связи с этим делом и знаменитый «Митька» Рубинштейн и точно с налета в несколько дней «утопил» в Гельсингфорсе финляндскую марку, понизив ее до небывалых размеров, а русский рубль подняв до умопомрачительной по тогдашним понятиям высоты — за что финляндское правительство, после краха похода на Петроград сейчас же и выслало его из пределов Республики.

Налетели из уютных уголков Лондона, Парижа и Стокгольма всякого рода концессионеры и подрядчики, причем — помнится — одному из последних Юденич еще успел сдать подряд на десятки миллионов рублей на постройку никому ненужной прифронтовой узкоколейной железной дороги. Post factum, об этом узнало Правительство и, когда ему вздумалось запротестовать против такого расточения государственных средств, военное командование ощетинилось: военные пути сообщения не находятся в ведении Правительства...

Появился в те дни в Ревеле и некий петроградский биржевой маклер Цоппи и с ним-то генерал Глазенап, назначенным тем временем Юденичем на пост генерал-губернатора Петрограда и Петроградского района, решал вопросы о дальнейших назначениях как о мерах «по поддержанию порядка и общественной тишины» в столице по ее занятии.

III. НАСТУПЛЕНИЕ И РАЗГРОМ.

Бермонтовская авантюра, грянувшая как раз накануне перехода Сев.-Зап. армии в наступление, заметно пошатнула уверенность Сев.-Зап. Правительства в возможность быстрого и решительного успеха. Стали высказаываться сомнения в том, помогут ли действительно эстонцы, находящиеся теперь под тяжелым впечатлением удара «бермонтовцев» на Ригу и чувствительно ослабившие, как мы видели, свой большевистский фронт оттяжкой сил для надобностей противо-бермонтовского фронта. Юденич не разделял этих опасений, он вообще не верил в «психологию» и все продолжал утверждать, что эстонские винтовки «сами» начнут стрелять, как только Сев.-зап. армия прорвет большевистский фронт и, особливо, как только англичане пустят в ход свои дальнобойные орудия. Но он напирал вместе с тем на то, что медлить дальше он не может, что переход армии в наступление должен последовать вне всякой связи с дальнейшей судьбой бермонтовской авантюры. По данным его штаба и интендантства, большая часть снабжения, боевых припасов и обмундирования уже доставлена на фронт (фактически, как мы видели из 44.000 пар солдатских «фрэнчей» только 19.000 было роздано фронтовикам), остальное будет подвезено и распределено по мере развития операции.

Что же касается последней, то в ее основу положен «наскок». Фронт большевистской 7-й армии, охранявшей подступы к Петрограду, должен быть прорван с помощью танков и особых ударных частей, после чего Северо-западная армия вихрем пронесется по линии Ямбург — Гатчина, Ямбург — Стрельна, и на плечах противника ворвется в Петроград. Словом, весь план похода построен на стремительности натиска, ибо для другой кампании у Сев.-Зап. армии нет ни достаточного количества людей, ни соответствующего снабжения.

Северо-западное правительство, составленное из людей гражданских, само собой понятно, вполне соглашалось с этими взглядами главнокомандующего. Юденич, впрочем.

не обращался к нему ни за разрешением начать операции, ни за одобрениями своего плана действий; он только «осведомлял» Правительство, что приблизительно к 10-му октября армия будет готова. Инстинктивно, однако, некоторые члены Правительства чувствовали, что военным командованием ведется азартная игра.

О духовной и политической спайке армии, как того требовали основные задачи гражданской войны, не может быть и речи. Демократические принципы, которые должны были быть положены в основу перевоспитания армии после тяжелого наследия политического Совещания и «партизанщины», остались на бумаге. Между штабами ведутся позорнейшие интриги: главнокомандующий не пользуется ни авторитетом в офицерской среде, ни популярностью в солдатских массах. Снабжение фронта поставлено из рук вон плохо, казнокрадство, лихоимство и преступная нерадивость стали нормой, транспортные средства почти целиком отсутствуют, с одной стороны, по вине военного ведомства, не позаботившегося о своевременной доставке бензина для грузовиков, полученных из Англии еще в сентябре, а с другой — вследствие оттяжки железнодорожного подвижного состава эстонцами.

Далее, силы противника, боеспособность 7-й большевистской армии явно недооцениваются.

Ведь у большевиков есть тыл, есть резервы, которые очень скоро могут быть брошены на Петроградский фронт в случае действительной угрозы Петрограду, которого большевики естественно по соображениям психологическим отдать не могут, ибо падение Петрограда есть и падение Москвы.

У Северо-западной же армии нет ни ближайших резервов, ни тыловых. Правда, у нее осталось еще, кроме указанного выше числа комбаттантов, около 50.000 «едоков», но они не обуты, не одеты, для них нет ни достаточного вооружения, ни боевых припасов. Верных «союзников» у Сев.-зап. армии аткже нет, ибо при том явно — тревожном, анти-русском настроении умов в Эстонии, которое стало определяться под влиянием «бермонтовщины» и при тех общих двусмысленных предпосылках эстонской политики, о которых мы раньше уже говорили, ее участие в петроградской операции оставалось гадательным. Единственный мост через реку Лугу, южнее Ямбурга, по которому должны итти обозы, в случае удачи первого прорыва большевистского фронта, не готов, и, таким образом, танки, от которых ждали чудес, фактически останутся дома...

Так рисовалась общая обстановка холодному беспристрастному наблюдателю, для которого желание победить

еще не было победой, так сознавали ее инстинктивно и некоторые члены Сев.-зап. Правительства. Но военное командование противопоставляло этому следующие положения.

Дух армии заметно укрепился после ее реорганизации Юденичем и после прибытия транспортов с оружием и припасами от союзников. Солдаты с нетерпением и трепетом ждут начала похода на Петроград, который (поход) при поддержке могущественных союзников, только что приславших оружие и все необходимое, не может быть не чем иным как «триумфальным шествием». Этот бодрый воинственный дух солдат необходимо поддержать переходом в наступление, не выжидая устранения мелких дефектов и улучшения обще-политической обстановки в Прибалтике (подразумевалась бермонтовщина). Кроме того, на немедленное наступление толкают еще и другие соображения:

1) Деникин продвигается к Москве, и ему нужно протянуть руку, Южная добровольческая армия привлекает к себе все внимание красного командования, которое для отражения подхода Деникина к Москве, бросает на юг лучшие силы. Таким образом, удар Сев.-зап. армии на Петроград в данный момент значительно облегчает стратегические задачи Деникина.

2) Английским флотом, крейсирующим в Финским заливе, обещана существенная поддержка; но в конце ноября залив, особенно в Кронштадском водном районе, замерзает, и флот, следовательно, уйдет с тем, чтобы вновь появиться не раньше будущей весны. Без содействия же флота операция Сев.-зап. армии крайне рискована в виду обнаженности левого фланга, подверженного обстрелу кронштадских фортов и батарей с Красной Горки.

3) Эстонцы, если операция будет отложена, несомненно, заключат мир с Москвой, а это значительно свяжет все последующие операции армии, точнее, лишит армию возможности пользоваться ревельским портом и эстонскими железными дорогами, без которых снабжение немыслимо.

4) В конце ноября навигация в Петрограде прекращается, а ведь подвоз продовольствия и предметов первой необходимости для гражданского населения Петрограда рассчитан именно на морской путь. Следовательно, удар на Петроград должен быть произведен еще до наступления морозов.

5) Красное командование считает Северо-западную армию далеко не боеспособной, помнит, с какой легкостью ему весной удалось отразить наступление Северного Корпуса на Гатчину и Лугу, и вообще не боится «северо-западников», доказательством чего может служить относительная слабость

петроградского заслона в лице 7-й красной армии. В действительности же, у «северо-западников» отмечается высокий подъем духа. Эта армия, правда, еще не отвечает всем предъявляемым обыкновенно к армии требованиям, но в нее входят уже не случайные части, не партизанские отряды восставших против большевистского террора «зеленых», а воинские части, хорошо экипированные, прилично вооруженные и связанные не только общей целью, но хотя и слабенькой, однако все же дисциплиной... Но наблюдающийся в ней высокий подъем духа не выдержит своего напряжения до весны и в течение зимы сменится общей подавленностью и отчаянием, которые в конце концов совершенно разложат армию и превратят ее в стадо голодных исстрадавшихся людей...

Кроме того, в гражданской войне гораздо важнее, чем в настоящей войне, проявлять быстроту и натиск. Здесь все зависит от психологического момента, а если нам своей стремительностью удастся уловить его, то красный Петроград не смогут спасти и наши обнаженные фланги (со стороны Пскова и Кронштадтских батарей), ни какие бы то ни было обходные движения советских полков. В виду этого план верховного командования Северо-западной армии разработан так, что армия упругим движением делает наскок с места линии своего фронта на Гатчину и Лугу и, не давая противнику опомниться, стремительно двигается на Петроград. Эта стремительность вызывает растерянность среди командного состава Красной армии, пробуждает уснувшие надежды антибольшевистских элементов в самой Советской армии и в Петрограде, создает благоприятные условия для восстания рабочих и крестьянских масс и способствует общей дезорганизации Красной армии...

В соответствии с этими «психологическими» положениями, тактические задачи армии заключаются в следующем: правый фланг армии открывает замаскированное общее наступление на Петроград неожиданным ударом в псковском направлении. Развивая достигнутый при содействии танков успех, белые войска создают угрозу Пскову и тем заставляют красное командование для защиты псковского района обнажить свой лужский и гатчинский фронты. Тогда-то одновременно переходят в общее наступление центр и левый фланг Сев.-зап. армии, имея своей задачей в нескольких местах прорвать фронт противника и одновременно двигаться на Лугу, Гатчину и Красное Село...

Этим стратегическим и тактическим положением, подкрепленным «психологией» гражданской войны Сев.-зап. Правительство ничего не могло противопоставить и даже

не пыталось выступать сколько-нибудь серьезно с теми возражениями и той общей (невоенной) оценкой обстановки, о которой мы выше говорили.

Инициатива в те дни, если о ней вообще еще можно было говорить за все время существования Сев.-зап. Правительства, явно выпала из его рук. Решает голос главного командования. А Юденич и ближайшие его военные сотрудники, сознававшие, несомненно, трудность положения, играли va banque.

Ставка была огромная — участь всей Северо-западной армии, победа или катастрофа. «Средних» возможностей не было, ибо всем было ясно, что в случае неудачи похода и вынужденного отступления к границам Эстонии последняя разоружит северо-западников, а сама заключит с Москвою мир.

Но чем значительнее казалась ставка, с тем большим азартом велась игра.

Va banque!

Так поступали Гинденбург и Людендорф — по их же стопам шел и Юденич.

Я не стану излагать здесь военную историю похода, в которой считаю себя некомпетентным. Отмечу лишь следующее.

Ни одно из стратегических, тактических и «психологических» положений военного командования Сев.-зап. армии не оправдалось. Удалась только первая, мы бы сказали, азбучная часть задачи — «наскок» на линию Красное Село — Гатчино — Царское Село. Большевики, действительно, в первые дни растерялись и бежали, их 7-я армия в течение первой недели операции раздробилась, побросала оружие, обозы, снаряжение и без связи отступала на восток, а на ее плечах северо-западники ворвались в ближайшие к Петрограду пункты. Таким образом Юденич уже на 10-й день операции, т.-е. 20-го октября был в Царском, а его конные разъезды «видели» со стороны Лигова золоченый купол Исаакия.

Но тут обстановка круто изменилась: у большевиков сказалось их дьявольское умение выходить из затруднительных положений путем напряженнейшей агитационной борьбы и энергичных военных действий, а у северо-западников — вся та политическая и техническая неподготовленность фронта, о которой мы говорили на протяжении всех этих страниц.

Никаких восстаний и рабочих забастовок, на которые Юденич столько рассчитывал, в Петрограде не было. Напротив, Троцкому относительно очень легко удалось, кроме быстрой переброски в петроградский район резервов из Москвы,

Твери и финляндского и архангельского фронтов, сорганизовать еще в самом Петрограде сильные духом рабочие коммунистически отряды и бросить их в гущу борьбы.

По свидетельству штаба Юденича, эти-то отряды, а не красноармейские части, да еще матросские батальоны и курсанты, дрались как львы. Они «лезли на танки со штыками на перевес и, шеренгами, падая от губительного огня стальных чудовищ, продолжали стойко защищать свои позиции..» Еще 16 октября на Петроградский фронт спешно приехал Троцкий, и растерянность красного штаба сменилась его кипучей энергией. За несколько часов до падения Гатчины он еще пытается здесь остановить наступление белых, но видя, что это невозможно, спешит выехать из города, чтобы наладить защиту Царского. Крупные резервы еще не подошли, но он быстро сосредоточивает всех петроградских курсантов; мобилизует все мужское население Петрограда, гонит обратно на позицию все красноармейские части и своими энергичными мерами приводит в оборонительное состояние все подступы к Петрограду. Для более успешной борьбы с наступающими белыми, он стремится поскорее взять инициативу ударов в свои руки, и 20 октября дает приказ об общем наступлении красных войск...

А у северо-западников?

После первых успехов, докативших армию до ворот Петрограда, — ликование, победное настроение и несокрушимая уверенность Юденича, как мы отметили, что все остальное доделается голыми руками. После первой заминки — растерянность высшего командного состава, полное отсутствие связей между отдельными крупными боевыми единицами. По свидетельсту самого штаба Юденича, главнокомандующий в течение 3-х дней, с 17-го по 20-е, не знал, где какая его дивизия находится, вследствие чего под Гатчиной и в других пунктах одна часть наскакивает на другую, приказы не выполняются, потому что не доходят по назначению, и армия вообще распыляется на отдельные самостоятельные части, действующие каждая на собственный риск и страх вне всякой связи с соседними колоннами.

Далее, между командирами крупных боевых единиц (а Юденич — помните — разбил свою 25-тысячную армию на... 6 дивизий и 3 корпуса), между командирами, вечно между собой интриговавшими, на подступах Петрограда, когда взятие города казалось уже делом одного-двух дней, начинается соревнование, кто первым ворвется в северную Пальмиру. В результате, по свидетельству самого Юденича, командир 3-й дивизии из корпуса генерала Родзянко, считавшейся одной из лучших частей Сев.-зап. армии, некий

генерал Ветренко, получив приказ после взятия Гатчины итти стремительно на восток и пересечь в районе Тосно Николаевскую железно-дор. линию и тем самым парализовать переброску большевистских резервов из Москвы в Петроград, — вместо выполнения этой существенно важной задачи Ветренко бьет на Павловск, потому что «опасается», что Петроград будет взят без него и триумф достанется другому генералу...

А подвоз снабжения, боевых припасов, продовольствия и санитарных средств? Все вдруг, по данным самого штаба главнокомандующего, оказывается неподготовленным, все разваливается, все приходит в хаос; целые части по два дня не получают хлеба, нет перевязочных средств, нет боевых припасов, нет грузовых автомобилей, нет даже танков (кроме одного), которые должны сломить последнее сопротивление Троцкого в районе между Царским Селом и Пулковской обсерваторией. Уже выпал первый снег под Петроградом, по утрам — заморозки, но солдаты спят на сырой земле и не имеют горячей пищи...

Зато в Гатчине сидит крепко «генерал-губернатор» Петрограда генерал Глазенап и распоряжается именем Верховного Правителя адмирала Колчака и «Главнокомандующего северо-западного фронта», нигде, однако, во всем захваченном районе, не созывая органов городского самоуправления для налажения хоть сколько-нибудь сносной гражданской жизни.

Сев.-Зап. Правительство почти уже не существует; в сознании генералов оно осталось как тяжелое воспоминание вынужденного «якшания» с демократией. 22-го окт. Правительство хочет перенестись в Ямбург, поближе к Петрограду и устроить там последнее совещание перед вступлением в Петроград, но Юденич через адъютанта отвечает, что ему некогда приезжать, но он, мол, «помнит» хорошо все, что нужно сделать...

А тем временем большевики крепнут. Инициатива сражения уже перешла к нам. Так как английский флот храбро бездействует, а эстонцы, по примеру старших, еще больше, то красное командование уже не ограничивается одной обороной подступов. Оно предпринимает смелый обход левого фланга северо-западников, пользуясь для этого гарнизоном Красной Горки и Кронштадта и бронепоездами, пущенными по линии Ораниенбаум — Петергоф — Петроград. Когда это удается,—а англичане и эстонцы все еще бездействуют,— большевики явно дерзают и высылают в море свои дредноуты «Полтава» и «Петропавловск» для огневой поддержки задуманного обхвата. Еще через несколько дней намечается

глубокое обходное движение правого фланга Сев.-зап. армии со стороны железнодорожной линии Петроград — Дно и из Псковского района, о чем Юденича предупреждали раньше и союзные военные представители. Армии грозит опасность попасть в клещи.

Начинается отступление.

Юденич покидает фронт.

В беспрерывных арьергардных боях, измученная, изголодавшаяся, не знавшая сна и отдыха Сев.-зап. армия через две недели докатывается до границ Эстонии.

Здесь эстонцы ее обезоруживают и превращают в беженскую массу. В лазареты к нам переходят 14 тысяч тифозных больных. Много тысяч здоровых отправлены в леса на работы.

Армия перестала существовать.

Беженские толпы, следовавшие за армией из-под Петрограда, «интернируются» на взморье — без хлеба, без крова.

Зима.

В Юрьеве, 28-го января, эстонцы подписывают мир с Москвой.

Н. Н. ИВАНОВ

О СОБЫТИЯХ ПОД ПЕТРОГРАДОМ В 1919 ГОДУ.

Приближался день майского наступления на петроградском направлении.

К маю положение «Северного Корпуса» стало таково, что необходимо было предпринять крупную операцию и успехами последней доказать целесообразность существования русских частей на счет Эстонии и боеспособность их. Боеспособность не раз отвергалась эстонским командованием, а эстонская пресса бесконечно трактовала русский «Корпус» как реакционно-баронскую, исключительно противоэстонскую затею; левые газеты редко не призывали к разоружению.

Наступление было решено. Решение это явилось в значительной степени результатом моей настойчивости, но оно только разочаровало меня. Я требовал молниеносного натиска вплоть до самого Петрограда и занятия Петрограда, полагая, что тот ведет за собой события, кто наступает, что Петроград немедленно вспыхнет широким восстанием, что на иное нам рассчитывать не приходится и что остановка на пути будет катастрофой. Начальник штаба «Корпуса» полковник Крузенштерн решительно заявил:

— Мы пойдем осторожно. Теперь сделаем только один прыжок и остановимся где-нибудь между Веймарном и Гатчиной. Надо закрепиться и лишь затем итти дальше.

Я пришел в ужас от этой нелепости. Были ли это искренние стратегические соображения Крузенштерна, не знаю, но им безусловно владела мысль о более достойных и более солидных, чем мы, руководителях, которым-де и допустимо только занять столицу. Пойдя с правыми, он должен был осуществлять их «домашние» расчеты, а не блюсти интересы бойцов и фронта. Не подлежит сомнению, что он имел категероическую инструкцию от Юденича—ни в каком случае без него-Юденича Петрограда не брать. Этот господин не допускал, чтобы белая армия вошла в Петроград без повелителя на белом коне и чтобы белым шейхом был кто-нибудь другой, кроме него. Двор Юденича пуще огня боялся новой революции в Петрограде в момент прихода туда белых со слабыми силами и без грозного диктатора.

Перед самым наступлением нашу группу и меня тревожили два момента: 1) выход русских отрядов из-под эстонского главнокомандования, 2) неопределенность политических лозунгов, с которыми должно было открыться наступление, и определенная ненадежность политического багажа, который был у штаба «Корпуса».

Образованные на территории эстонского народа на эстонские средства русские отряды естественно были подчинены эстонскому главнокомандованию. С переходом на чисто русскую территорию возникал вопрос: останутся ли они в прежнем фактическом подчинении или получат вполне самостоятельное русское командование?

Все обстоятельства говорили за первое решение и прежде всего стратегическое соображение о недопустимости самоисключения из-под очевидно и признанно-талантливого командования эстонского главнокомандующего генерала Лайдонера, полковника русской службы, проведшего германскую войну на фронте в русских рядах, отнюдь не принадлежавшего к эстонским шовинистам. Следующее соображение заключалось в том, что эстонская армия и правительство после нашей демократической работы расположены были итти вместе с нашими частями до Петрограда.

Помощь эстонской армии была мечтой и правых, но в нашем отношении к этой помощи была разница; правые хотели стоят над эстонской армией и «скромность» горе-патриотов русского штаба, конечно, с благословения Юденича, отклонило даже фактическое руководство ген. Лайдонера.

Сильнейшие мои протесты против выхода из подчинения ген. Лайдонеру натолкнулись именно на патриотические соображения.

— Невместно-де русскому делу быть под эстонцами. Разве у нас нет своих вождей, своих Пожарских?

Даже строевые офицеры стояли на «патриотической» точке зрения.

Практические интересы не имели в глазах несчастных патриотов никакого значения.

Кто становится во главе армии?

Милый, но безвольный и безжизненный старик, бывший 17 лет ротным командиром, полковник Дзерожинский, устроенный на пост командира «Корпуса», за бесхарактерность, даже не второе лицо в «Корпусе», несмотря на громкий титул командира.

Начальник штаба полк. Крузенштерн — весь преданный интересам Юденича и правых русских, человек с узко-сословными мыслями, без организаторского таланта и недо-

стойный развязать даже ремень у обуви вождя, не только быть вождем.

Ген. Родзянко — храбрый и способный в обстановке боя для увлечения войск вперед — и только, в остальном человек больших минусов, особенно в области организации и политики и не только в сфере политического, но и обычного житейского такта. Он был уместен на посту командира русских отрядов только при подчинении серьезному и талантливому главнокомандующему.

Борьба за главнокомандование генерала Лайдонера стоила мне много крови, тянулась долго и приняла в конце-концов такие формы со стороны «патриотов», что ген. Лайдонер уже не мог принять главнокомандование.

Из всех военных ошибок, совершенных во весь период операцией Сев.-зап. армии в 1919 году, разрыв с эстонским руководительством, располагавшим и гораздо большим, чем мы, количеством сил и средств и большим опытом и талантами в гражданской войне, был самой роковой, самой потрясающей; тяжкие последствия его не могли быть исправлены в продолжении уже всей кампании, ибо под полное распрей и антиэстонское русское командование ген. Лайдонер не мог поставить эстонские войска, и обязаны мы были этой ошибкой исключительно л и ч н о й политике ген. Юденича, который до конца остался в роли старорежимного русского, едва терпящего эстонскую самостоятельность.

По второму моменту было ясно, что в Россию мы пойдем не только с помещичьими взглядами на землю и на крестьян, но и с живыми помещиками и при первых же успехах выбросим флаг самодержавия и единственный лозунг «бей жидов».

10-11 мая я приехал в Нарву. Бывший там полк. Балахович высказал те же опасенияь

Что ни говорить про позднейшие действия полковника Балаховича, в это время он оставался до конца верным нашим взглядам. Он также был переселен в Нарву, лишен интригами Штаба своих частей и превращен в «инспектора» кавалерии, состоявшей из 2-х отрядов, из коих наибольший был, кажется, в 90 сабель. Правда, в конце апреля, когда собирались в Петроградский поход, Балахович опять получил командование правым крылом, но тут он был под контролем и в сфере боевых приказов непосредственно от Штаба «Корпуса», тогда как под Псковом зависел от эстонского командования.

Вечером 11-го я и Балахович по реке Нарове помчались на катере в Князь-Село, где расположился штаб наступления с ген. Родзянкой, которого только-что назначили коман-

дующим всем русским фронтом. Назначил Штаб «Корпуса» под давлением ген. Лайдонера, но под собственного изобретения тайным условием — разрыва с Ивановым (из-за эстонского самоопределения).

Красные стояли на 3 — 4 верстах от штаба фронта и не ожидали наступления белых.

Я ребром поставил ген. Родзянко вопрос:

Идет ли он в Россию с лозунгами «Учредительное Собрание», «гражданские свободы» и «земля народу» или с самодержавниками, помещиками и с репрессиями?

По лицу Родзянки было видно, что он уже инструктирован оставшимся под Нарвой Штабом «Корпуса», что политику он предоставил Штабу и предпочел бы не принимать гостей, но, прочитав на наших лицах непреклонную решимость немедленно пойти на все, лишь бы настоять на своем, после нескольких отклоненных нами попыток отойти от темы, опять заявил себя нашим единомышленником.

Была ночь.

Получив, наконец, ответ Родзянки:

— Да, я за Учредительное Собрание и прочее, — и обещание напечатать соответствующий приказ по войскам и обращение к населению, я оставил Родзянко с Балаховичем и начальников штаба фронта Видякиным толковать по чисто военным вопросам наступления, а сам ушел в деревню спать. У меня было правило: в военно-технические вопросы не мешаться.

Уже ночью пришел Видякин и передал просьбу Родзянки, чтобы я, во избежание новых разногласий между нами, написал приказ от имени Родзянки и напечатал бы в Нарве. Зная ген. Родзянко, я решил поторопиться с закреплением столь важного момента и немедленно выехал обратно в Нарву.

Срочно изготовленный приказ об Учредительном Собрании был отослан мною ген. Родзянке для одобрения и широкого распространения.

Родзянко еще был честен: не входя в разговоры по сему со штабом «Корпуса», он передал листки в части, а те распространили их по населению, чем создали для своих первых действий благоприятную почву. Но до конца он не выдержал искуса: когда после занятия Гдова я работал там, однажды в штабе Балаховича листовки с приказами об Учредительном Собрании были обнаружены в странном виде — на всех подпись командующего армией Родзянки была отрезана. Оказалось, их лично отрезал приезжавший в Гдов Родзянко после внушения со стороны штабного

«демократа» Крузенштерна. Это было сделано, когда главная масса листовок уже достигла населения.

Так начиналось освобождение Петрограда.

«Северный Корпус» превратился в «северо-западную армию».

А в крохотном тылу началась работа помещиков и Маркова 2-го вместе с официально отставленным полковником фон-Валем, затеявшим в Ямбурге обычного для Маркова типа газету «Белый Крест». У крестьян принялись отнимать помещичью землю, выколачивать инвентарь и вообще наводить «законный порядок». На местах вступил в силу административный разгул — произвол, взяточничество, грабеж. Диктатором тыла стала контр-разведка, а в Ямбурге единолично друг Родзянки, назначенный им комендантом, — полковник Бибиков, отъявленный реакционер, царист-самодержавник и человек большого произвола, создавший всю репутацию Родзянковскому «демократизму».

Крестьянство, приглядевшись к таким «белым», завыло и вспомнило красных.

При отступлении «белых» в спину им население стреляло.

К августу в нашем демократическом кругу составилась сильная русско-эстонская военная группа из людей с значительным моральным весом и боевым опытом. Благодаря этой группе на нашей, русской демократической стороне, в друзьях оказалось больше половины эстонской армии, готовой итти на большевиков хоть до Москвы, но эстонская группа ни со штабом Корпуса, ни с Юденичем итти не хотела и требовала самостоятельности Псковского района — как в распоряжении боевыми силами, так и в гражданском устройстве тыла. Это были и наши мысли. Так как разногласий у нас не оказалось, был выработан план общего наступления от Пскова на Дно, Новгород и Петроград. Этот план мы представили англичанам. Дипломатическая часть легла на меня, и я стал убеждать английских генералов Гофа и Марча, стоявших во главе специально прибывшей английской миссии, приступить к созданию небольшой правительственной ячейки для северо-запада России, подчинить ей Юденича и вообще военных и убрать из Пскова реакционеров. Я полагал, что восстановление России возможно и произойдет по областному принципу, по каковому Россия впредь будет жить, и предлагал не задаваться головоломными задачами всероссийского масштаба. Кроме того, я рассчитал, что наших вооруженных сил вместе с эстонскими хватило бы только на занятие линии ст. Званка — Чудово — Новгород — Старая Русса — Холм — Великие Луки.

Ген. Марч решительно согласился со мной. Что произошло дальше в головах англичан, сказать не берусь, но после нескольких разговоров со мною на тему о правительстве, 10 августа я получил приглашение от ген. Марча обязательно прибыть к 5 часам пополудни в здание английской военной миссии в Ревеле. Туда же явились и люди, которых я никак не ожидал видеть в ряду не только ответственных руководителей белого дела, но и просто дельных людей. Но судьба смеялась над нами: эти люди попали в министры.

Я опускаю 40-минутный безграмотный процесс образования Сев.-Зап. Правительства 10 августа.

По случайным признакам был схвачен ряд людей разных направлений, разных настроений и устремлений, частью только что приехавших или местных, но не участвовавших в трудах Северо-западной армии. 5 кандидатов даже не видали никогда армии. Двое видели отдельных русских воинов в Ревеле. Из 14 кандидатов только 6 были знакомы с жизнью освобожденной области и 11 не имели никакой связи с армией. В предложенном списке министров отсутствовали имена членов существовавшего при ген. Юдениче Политического Совещания А. В. Карташева и генерала Суворова, так как последний сразу устранился, ссылаясь на свою подчиненность ген. Юденичу. А. В. Карташев отказался после 1 — 2 заседаний. Только присутствовал в двух собраниях при организации правительства и в первых заседаниях правительства неприглашенный в министры третий член Политического Совещания В. Д. Кузьмин-Караваев. Юденич, принужденный стать военным министром, был формально подчинен, но не укрощен, и вскоре совершенно вынырнул из расставленных англичанами правительственных сетей.

Я вступил в это «правительство» под резкой угрозой ген. Марча, действовавшего именем Англии, Франции и Соедин. Шт. Сев. Америки, представители которых сидели тут же, бросить Сев.-западную армию, если между всеми собранными «лучшими русскими людьми» не состоится соглашения. Предложенную мне англичанами дня за два до сего заседания в частном порядке должность министра внутренних дел освобожденной области я решительно отклонил по мотиву недопустимости назначения русской центральной власти иностранцами, во-первых, и по мотиву ненужности предполагавшегося громоздкого многочисленного кабинета, разнокалиберный, незнакомый меж собой состав которого утонет в разговорах и спорах там, где нужна моментальная решительность. Уж больно не хотелось воскрешать Временное Правительство.

Угроза 10-го августа оборвать все наше дело заставила меня согласиться на должность сначала министра без портфеля, потом министра общественных работ.

Единственно, что меня успокаивало в этом ненормальном процессе создания правительства — это принятие англичанами в предшествовавшие 10-му августу дни моего предложения о созыве вслед за образованием правительства Съезда Народных Представителей Северо-Западной России. Наряду с актами об образовании правительства и о признании эстонской независимости ген. Марч и помогавший ему г. Пири-Гордон предложили приглашенным в министры подписать еще акт о созыве (до правильно избранного областного Учредительного Собрания) упомянутого Съезда. Я полагал, что недочеты будут восполнены Съездом, негодный элемент будет убран из кабинета, и правительство получит общественное обоснование.

В момент, когда согласно плана нашей группы, изготовленного совместно с эстонцами, заканчивались последние приготовления к обширному и глубокому наступлению за Псков, когда эстонские войска и части Балаховича заняли уже исходные позиции и на поддержку явились 5 эстонских бронированных поездов, в момент между приездом в Псков Балаховича и моим — Юденич спешно бросился в Нарву, где против реформ в Пскове поднялись все правые. В Пскове угрожал вновь народиться демократический очаг. Надо было сразу прикончить его. Опершись на правых, Юденич против решения союзников, против собственных заявлений генералу Марчу и против личных категорических обещаний, данных Балаховичу и мне, не находя до того сил на борьбу с большевиками, быстро собрал отряд из пехоты, кавалерии и артиллерии и двинул его на... белый же Псков.

Мотивом были выставлены «тяжелые преступления» штаба Балаховича.

Выше я уже указывал, что в мое управление Псковом и округом Балаховических злоупотреблений, как системы, не было. Редки были даже единичные насилия, вообще неизбежные на войне, так как органы законности отсутствуют на полях битв. Но и позднее масштаб насилий со стороны «балаховцев» не был шире общего масштаба насилий северо-западных отрядов. Защищать разбой, разумеется, не приходится, но когда такой товар притягивают, как оправдательный материал по нападению Юденича и Родзянки на штаб Балаховича в Пскове, *нападению, лишившему нас Пскова*, интересы разоблачения требуют разобраться, насиловали ли части Балаховича исключительно или преимущественно.

Мне не приходится в данном случае просит о личном доверии. Вот слова самого ген. Родзянки о его собственных частях:

«Полное отсутствие денег заставило многих командиров не стесняться в выборе средств для добывания пропитания, фуража и обмундирования для их отрядов. При движении вперед мы не только не могли обеспечивать провольствием население, что было совершенно необходимо, а поневоле сами пользовались местными средствами, часто отбирая у населения последнее, что, конечно, не могло не восстанавливать его против нас». (Воспоминания А. П. Родзянко, стр. 80).

С очевидностью явствует, что преступления насилия над населением составляли принадлежность не только «партизанщины», но и той «регулярщины», которою командовал псковский каратель ген. Родзянко. Излишней откровенностью Родзянко раскрыл мотив «белого» нападения на белый Псков, о котором молчит Юденич. Волновали Юденича и Родзянко не «тяжелые преступления» штаба Балаховича, каковыми не были обижены и части Родзянко, а опасения, что проходят «планы Иванова» об удалении из Пскова реакционной политики и сосредоточение эстонских войск под Псковом для немедленного продвижения их на Дно, Лугу и Новгород совместно с отрядами Балаховича и что, не дай бог, «Ивановское наступление» будет удачнее Родзянковского отступления от Ямбурга и сидения в болоте, к чему было довольно оснований. Испортил настроение Юденичу и Родзянко и устроенный руководителями английской миссии ген. Гофом и ген. Марчем почетный завтрак на английском крейсере, на который были приглашены все: ген. Лайдонер, эстонский главнокомандующий, ген. Балахович и я. Вышло действительно, неладно. Из всего состава правительства пригласили одного меня и не пригласили даже Юденича, начальника над Балаховичем. Юденич и Родзянко решили: «значит, проводится в главнокомандующие Балахович», тогда как относилось все к Псковскому району.

К этому следует добавить, что в генералы Балаховича произвел сам Юденич.

Псков считался обеспеченным тылом. Кто мог думать, что город надо охранять от своих же? Все боеспособное ушло на фронт. В городе оставались один Балахович и небольшой штаб, разрабатывавшие с эстонским командованием операции ближайших дней. В ночь на 23-е августа в Псков ворвался с людьми полк. Б. С. Пермикин, после сего дела генерал, и арестовал нескольких чинов штаба Балахо-

вича, из которых был задушен после ареста один полковник Стоякин, особенно ненавистный штабу, остальные потом были отпущены без какого-либо суда и наказания, чем еще раз вскрывается бессовестная игра судьбою Пскова. Балахович спокойно проехал с несколькими своими всадниками сквозь кольцо расступившихся перед «батько» пермикинских солдат и, учитывая объявленное ему Пермикиным от Юденича устранение и острый момент начинавшегося наступления, объявил фронту о сдаче им командования и о необходимости полного спокойствия ввиду начавшейся операции, и затем переправился на западный берег реки Великой, где его принял штаб 2-й Эстонской дивизии.

Эстонские командиры — полк. Пускар и полк. Партс были невыразимо возмущены предательским нападением Юденича на Псков в столь ответственный момент и, находясь на русской территории, проявили самоотвержение самых пламенных русских патриотов. Я приехал из Ревеля в Псков сутки спустя после переворота (уже на ст. Изборск эстонцы заявили, что должны охранять меня, так как по мою душу выслана от Юденича засада на станцию Полковая) и был свидетелем искреннего горя этих воинов по поводу нашей подлой способности наносить жестокие удары себе самим.

Эстонские части, узнав о действиях ненавистного им черного генерала Юденича, заявили, что они готовы проливать свою кровь за честное русское дело, но не за предателей. Акт нападения правых на Псков был действительно актом предательства и русских и эстонских жизней. Эстонское командование вынуждено было снять с Псковского фронта заволновавшиеся эстонские части, предупредив Юденича о необходимости занять их позиции. Но цели Юденича были темны. Он пальцем не шевельнул для защиты Пскова и оставил карательный отряд в пределах самого города. Фронт оказался обнаженным. Красные, не веря своему счастью, робко перешли в наступление и долго не занимали несчастный город, без нужды брошенный в беспорядке хлынувшей армией, а за нею и жителями.

За пережитое псковичами и патриотами в эти дни ген. Юденич даст богу особый ответ.

Должен отметить поразительную беспечность находившихся в Пскове представителей английской военной миссии. Эстонцы — полковник Пускар и полковник Партс сразу поставили их в известность о событиях в городе и просили применить их влияние, предупреждали о тяжелых последствиях, требовали от них содействовать прекращению начатого над городом и фронтом преступления. Бывший ру-

ководитель миссии в Пскове какой-то холодный идиот — английский майор возмутительно отстранял эстонское вмешательство. К этому надо добавить, что и заваривший кашу ген. Марч больше не показывал своих глаз не только на русскую территорию, но, кажется, и в Ревель. Как оказалось, на него уже давили из Лондона, вследствие закулисной работы против Сев.-зап. Правительства наших испытанных патриотов — Карташева и Кузьмина-Караваева с единомышленниками.

Псковским «походом» были разом ликвидированы Балахович, эстонцы и я — во второй раз.

Но постольку ли были ценны эстонцы, поскольку я за них цеплялся?

Юденич настаивал на эстонской помощи через союзников, а ген. Родзянко писал такие строки:

... (У эстонцев) «так развилось чувство самостоятельности, что опасаться за их фронт пока нет основания. И всегда их фронт, хотя бы пассивный, прикует к себе значительную часть большевиков».

Всходила звезда Юденича, того генерала, который в ответ на клокочущее негодование эстонцев по поводу бессмысленного оставления Пскова заявил:

— Слава богу, что мы развязались с Псковом.

Союзники пошли с Юденичем — «победителем», и в английских танках раздалось «Боже, царя храни!».

Началась подготовка еще большего преступления, чем псковское, — похода на Петроград.

Так называемое Сев.-зап. Правительство вело себя в эти дни не менее отвратительно, чем Юденич. Никакого вмешательства в преступную склоку, ни одного протеста по поводу оставления Пскова. Напротив, было испытано удовольствие от устранения Балаховича, заявившего, что в правительстве чересчур много дураков и что половину надо выгнать. Они полагали, что это для них, для их власти, Юденич прокладывает дорогу, и усердно служили ему и были врагами его врагов. Эти государственные умы, сидевшие в Ревеле и никогда не принимавшие близкого участия в борьбе с большевиками, воображали, что Юденич возьмет Петроград и с почетом доставит их туда — править и володеть. Они вовсе не предвидели, что уже в Гатчине лелеенный ими «диктатор» применит к ним операцию коленка и даже главу кабинета Лианозова будет принимать на-ряду с прочими просителями.

Неудивительно поэтому, что, когда я из Изборска послал совету министров телеграмму о происходящем

в Пскове, о необходимости принятия немедленных мер во избежание катастрофы со Псковом и для предотвращения не только физического, но и морального разрыва русской армии с эстонской, я ничего благоприятного не добился. Внимание кабинета обратилось не на страшный факт разрыва нашего эстонцами и оставления Пскова, ключа к Петрограду, а на следующие строки моей телеграммы, характеризовавшие наступление:

«Глядя на все происходящее, мне стыдно называться русским министром».

Кабинет усмотрел в этой фразе сложение (!) мною полномочий министра и постановил считать меня выбывшим, но постановление это не смел огласить до 2-й половины сентября, когда в правительственной газете, руководимой г.г. Кирдецовым и Дюшеном и направляемой М. С. Маргулиесом, началась травля меня, с одной стороны — как черносотенного администратора, с другой — как большевистского агента, травля, в которой псковский «кооператор» Башкиров и старый знакомый полк. фон-Валь подали друг другу руки. Я никогда не забуду этого момента «патриотического подъема» некоторых членов Сев.-зап. Правительства, единственного за все его бесславное существование.

В моих глазах осенний Петроградский поход после неудавшейся попытки отстранения Юденича от главнокомандования был уже провален — и я ни на минуту не изменил этой точки зрения. Когда армия вышла за Гатчино и были сведения, что разъезды достигли Нарвских ворот, когда лихорадка наступления охватила весь тыл и один из трубачей Юденича — Кирдецов в газете «Свобода России» описывал, как мечутся в Кремле тени Ленина и Троцкого, когда союзники заверяли, что Петроград можно считать взятым, я в конце октября купил кожаную куртку, большие сапоги, дорожную сумку и направился нелегально не только для большевиков, но и для штаба Юденича, с помощью эстонцев, через Псковско-Островский фронт на Порхов и Дно, в Петроград.

— Вы, вы... странный человек, — заявил мне перед моим отъездом из Ревеля один из видных союзников: — Зачем вам итти в сторону, тратить на дорогу недели две, если на-днях вы можете по железной дороге выехать в Петроград? Да еще захватит чека. Вы же бывший министр. Я вас че понимаю.

— Вы вскоре увидите, что я выбрал самый короткий путь. Вы здесь без году неделя, а я старожил в северо-западной армии. Я знаю, как нельзя воевать на этом фронте. Не волнуйтесь — Петрограда Юденичу не видать. А насчет чека — все под богом ходим. За эти два года я стал фаталистом.

— Ах, русские... Но уже, уже.

— Уже все пропало, сэр.

— Идите вы к богу.

— Кампания проиграна, сэр. Русская армия между двух огней. Массовых переходов красных нет, и нет резервов. Приготовьтесь считать жертвы. Я почти год создавал, боролся, предупреждал — вся моя работа пошла прахом. Юденичи, Красновы [1]) и пр., быть может, сделают лучше.

— Зачем вы в таком случае идете в Россию?

— За семьей. Довольно я рисковал головами моих близких открытой работой. Теперь я хочу заняться личным делом и спасти своих, если еще удастся. Попутно крестьяне мне скажут, кто был прав — Юденич или я.

Успешное начало октябрьского наступления затуманило головы даже моим друзьям.

Они не соглашались со мною. Они утверждали, что Петроград возьмут.

— Нельзя не взять.

— Нельзя, но не возьмут, — обливал я холодной водой.

— Подождите еще несколько дней. Не уезжайте. Увидите.

— Все ясно.

Я перешел фронт между 2 и 8 ноября невдалеке от Острова, во время боя прорвавших большевистские проволочные заграждения эстонских войск с ликвидировавшими прорыв красными.

---

[1]) Ген. Краснов тоже прилетел помогать.

6 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ВЫПУСТИЛО
В СВЕТ КНИГУ

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ И ДОКУМЕНТЫ

Николай II, ген. Н. В. Рузский, ген. Д. Н. Дубенский, ген. А С. Лукомский. ген. С. С. Саввич, полк. А. А. Мордвинов, В. В. Шульгин, А. И. Гучков, проф. Ю. В. Ломоносов.

Протокол отречения, неосуществленный проект отречения, манифест отречения Николая II, телеграммы и разговоры по прямому проводу.

Редакция **П. Е. Щеголева**

Вступительные статьи **Л. Китаева** и **М. Кольцова**

Цена 1 р. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Ленинград, Фонтанка, 57